

Министерство науки и высшего образования РФ
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

Научный журнал

Издается с 2018 года

2019 – № 4 (5)

Ярославль
2019

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
Социально-политические исследования = Social and political researches : научный журнал. –
Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. – № 4 (5). – 159 с. – ISSN 2658-428X

Редакционная коллегия

Главный редактор: М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, ведущий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Заместители главного редактора:** О. А. Коряковцева, доктор политических наук, доцент, директор института развития кадрового потенциала Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Л. Г. Батракова, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; И. Ю. Тарханова, доктор педагогических наук, доцент, директор института педагогики и психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Члены редакционной коллегии:** С. А. Бабуркин, доктор политических наук, профессор, уполномоченный по правам человека Ярославской области; Н. А. Баранов, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений СЗИУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург; Д. С. Вахрушев, доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и кредита Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; Вейди Чжоу, доктор экономических наук, профессор Института экономики Центрально-Китайского педагогического университета, г. Ухань, КНР; А. В. Волкова, доктор политических наук, доцент, заместитель декана факультета политологии по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург; Ю. А. Головин, доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; В. А. Гордеев, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления Ярославского государственного технического университета; Л. Н. Данилова, доктор педагогических наук, доцент кафедры теории и истории педагогики Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; С. Е. Дубова, доктор экономических наук, профессор департамента финансовых рынков и банков Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва; Ж. А. Захарова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой психолого-педагогического образования Костромского государственного университета, г. Кострома; А. Е. Кальсин, доктор экономических наук, профессор кафедры управления и предпринимательства Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; П. Л. Карабуценко, доктор философских наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета, г. Астрахань; Збигнев Крушевский, доктор педагогических наук, ректор Высшей школы им. П. В. Владковицы, г. Пюшч, Польша; Д. М. Мадиярова, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и предпринимательства Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан; С. А. Панкратов, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, г. Волгоград; В. И. Пейтнев, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; А. П. Опальский, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, г. Москва; Н. Х. Розов, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАО, декан факультета педагогического образования Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва; Д. Г. Сельцер, доктор политических наук, профессор, директор Центра исследования политических трансформаций Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, г. Тамбов; Л. Г. Тигова, доктор политических наук, профессор кафедры дополнительного и технологического образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Ирэна Упенице, доктор педагогических наук, профессор Рижского университета им. П. Страдиньша, г. Рига, Латвия; В. А. Фокин, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-педагогических наук, социологии и политологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, г. Тула; А. П. Чернявская, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогических технологий Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Я. Ю. Шашкова, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул; Г. А. Шмарловская, доктор экономических наук, профессор кафедры международного бизнеса Белорусского государственного экономического университета, г. Минск, Беларусь.

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

С апреля 2019 года журнал индексируется в РИНЦ eLIBRARY

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Телефон: +7 (4852) 72-76-15

Телефон издательства: +7 (4852) 72-64-05

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий

и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-74000 от 02 ноября 2018 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2019

© Авторы статей, 2019

Founder:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky
Социально-политические исследования = Social and political researches : scientific journal. – Yaroslavl : RIO YSPU,
2019. – № 4 (5). – 159 p. – ISSN 2658-428X

Editorial board

M. V. Novikov, doctor of historical sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation, head of the department of theory and methods of professional education of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor-in-chief); **O. A. Koryakovtseva**, doctor of political sciences, associate professor, director of the institute of human resources development of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **L. G. Batrakova**, doctor of economic sciences, professor of the department of economic theory and management of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **I. Yu. Tarkhanova**, doctor of pedagogical sciences, associate professor, director of the institute of pedagogics and psychology of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **S. A. Baburkin**, doctor of political sciences, professor, commissioner for human rights of the Yaroslavl region; **N. A. Baranov**, doctor of political sciences, professor of the department of international relations of the Russian presidential Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg; **D. S. Vakhrushev**, doctor of economical sciences, professor of the department of finance and credit of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **Wadi Zhou**, doctor of economical sciences, professor of the institute of economics of the Central China normal university, Wuhan, China; **A. V. Volkova**, doctor of political sciences, associate professor, deputy dean of the faculty of political sciences of St. Petersburg state university, St. Petersburg; **Y. A. Golovin**, doctor of political sciences, professor of the department of social and political theories of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **V. A. Gordeev**, doctor of economical sciences, professor of the department of economics and management of Yaroslavl state technical university; **L. N. Danilova**, doctor of pedagogical sciences, associate professor of the department of theory and history of pedagogy of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **S. E. Dubova**, doctor of economical sciences, professor of the department of financial markets and banks of the financial university under the government of the Russian Federation, Moscow; **Z. A. Zakharova**, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of psychological and pedagogical education of Kostroma state university, Kostroma; **A. E. Kalsin**, doctor of economical sciences, professor of the department of management and entrepreneurship of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **P. L. Karabushchenko**, doctor of philosophical sciences, professor of the department of political science and international relations of Astrakhan state university, Astrakhan; **Zbigniew Krushevsky**, doctor of pedagogical sciences, rector of the Higher school named after P. V. Vlatkovic, Plock, Poland; **D. M. Madiyarova**, doctor of economical sciences, professor of department of economical and entrepreneurship of the Eurasian national university named after L. N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan; **S. A. Pankratov**, doctor of political sciences, professor, head of the department of international relations, political science and regional studies of Volgograd state university, Volgograd; **V. I. Pefitiev**, doctor of economical sciences, professor of the department of economic theory and management of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. P. Opalsky**, doctor of economical sciences, professor, chief researcher of the all-Russian research institute of the Ministry of internal affairs of Russia, Moscow; **N. K. Rozov**, doctor of physical and mathematical sciences, professor, corresponding member of RAO, dean of the faculty of pedagogical education of the Moscow state university named after M. V. Lomonosov, Moscow; **D. G. Seltser**, doctor of political sciences, professor, director of the center for political transformation studies, Tambov state university named after G. R. Derzhavin, Tambov; **L. G. Titova**, doctor of political sciences, professor of the department of additional and technological education of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Irena Upeniece**, doctor of pedagogical sciences, professor of Riga university named after P. Stradins, Riga, Latvia; **V. A. Fokin**, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of social and pedagogical sciences, sociology and political sciences of Tula state pedagogical university named after L. N. Tolstoy, Tula; **A. P. Chernyavskaya**, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of pedagogical technologies of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Ya. Yu. Shashkova**, doctor of political sciences, associate professor, head of the department of political sciences of the Altai state university, Barnaul; **G. A. Shmarlovskaya**, doctor of economical sciences, professor of the department of international business of the Belarusian state economic university, Minsk, Belarus.

The materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial Board.

Editorial office address: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1.

Phone: +7 (4852) 72-76-15

Publisher's phone: +7 (4852) 72-64-05

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Mass media registration: Federal service for supervision of communications, information technology and mass communications (Roskomnadzor)

PI № FS 77-74000 dated from 02 november 2018 g.

© Yaroslavl state pedagogical University
named after K. D. Ushinsky, 2019
© Authors of articles, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Политические институты, процессы и технологии</i> _____	5
<i>Михайленок О. М.</i> Сетевое общество как аспект социальной реальности _____	5
<i>Щенина О. Г.</i> «Человек сетевой» в политических сообществах _____	24
<i>Никовская Л. И., Якимец В. Н.</i> Введение предметное поле муниципальной публичной политики _____	36
<i>Никовская Л. И., Якимец В. Н.</i> Особенности муниципальной публичной политики в Костромской области _____	54
<i>Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика)</i> _____	69
<i>Батракова Л. Г.</i> Формирование кластерно-сетевой экономики регионов _____	69
<i>Гордеев В. А., Шкиотов С. В.</i> Точки роста и факторы торможения в экономике Ярославской области _____	93
<i>Колесов Р. В., Юрченко А. В., Наумов И. А.</i> Совершенствование механизма оценки качества управления региональными и муниципальными финансами _____	102
<i>Общая педагогика, история педагогики и образования</i> _____	116
<i>Коряковцева О. А., Плуженская Л. В.</i> Формирование инновационной стратегии развития образовательного учреждения _____	116
<i>Чернов Д. В.</i> Проектирование программ развития учреждений дополнительного образования детей _____	128
<i>Березин Д. Т.</i> Применение активных и интерактивных методов обучения студентов: опыт ЯГПУ им. К. Д. Ушинского _____	138
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ _____	153
<i>Условия публикации статьи в научном журнале «Социально-политические исследования» и требования к оформлению рукописей</i> _____	157

THE CONTENT

<i>Political institutions, processes and technologies</i> _____	5
<i>Mikhaylenok O. M.</i> Network society as an aspect of social reality _____	5
<i>Shchenina O. G.</i> «Network Man» In Political Communities _____	24
<i>Nikovskaya L. I., Yakimets V. N.</i> Introduction to the subject field of municipal public policy _____	36
<i>Nikovskaya L. I., Yakimets V. N.</i> Features of municipal public policy in Kostroma region: institutions, subjects and prospects of development _____	54
<i>Economy and economic management (regional economics)</i> _____	70
<i>Batrakova L. G.</i> Formation of cluster-network economy of regions _____	70
<i>Gordeev V. A., Shkiotov S. V.</i> Growth points and braking factors in the economy of Yaroslav region _____	93
<i>Kolesov R. V., Yurchenko A. V., Naumov I. A.</i> Improvement of the mechanism for assessing the quality of regional and municipal Finance in order to improve its efficiency _____	102
<i>General pedagogy, history of pedagogy and education</i> _____	117
<i>Koryakovtseva O. A., Pluzhenskaja L. V.</i> Formation of innovative development strategy of educational institution _____	117
<i>Chernov D. V.</i> Design Features Of The Development Programs Of Institutions Of Non-Formal Education For Children _____	128
<i>Berezin D. T.</i> Active and interactive methods, forms and means of training: on the example of K. D. Ushinsky YSPU _____	138
INFORMATION ABOUT AUTHORS _____	155
<i>Conditions of publication of the article in the scientific journal «Socio-political research» and requirements for manuscripts</i> _____	159

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ,
ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ**

DOI 10.24411/2658-428X-2019-10547

УДК 321.02

О. М. Михайленок

<https://orcid.org/0000-0002-8379-359X>

Сетевое общество как аспект социальной реальности

Для цитирования: Михайленок О. М. Сетевое общество как аспект социальной реальности // Социально-политические исследования. – 2019. – № 4 (5). – С. 5–23

В начале нового столетия, характеризуемого процессами глобализации, информатизации и сетевизации общества, роста рисков и вызовов технико-экономического, социально-политического и культурного развития, актуализируется задача исследования различных аспектов формирования механизмов, способных адекватно и эффективно обеспечивать общественно-политическую безопасность и стабильность. Понятие сетевого общества имеет приоритетное значение для характеристики новой социальной реальности. Весьма актуальными в ближайшее время станут проблемы, связанные с рисками безопасности общества (в частности, России) в сетевом социальном пространстве. Мы испытываем острый кризис научных идей, дефицит новых методов и средств постижения как глобальных, так и не менее важных локальных проблем, которые лавинообразно возникают в ходе становления новой социальной реальности.

Ключевые слова: новая социальная реальность, вызовы, угрозы, сетевое общество, сетевые структуры, социально-политические отношения.

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

O. M. Mikhaylenok

Network society as an aspect of social reality

At the beginning of the new century there was an increasing continuous concern for obtaining the mechanism, which could be implemented in order to ensure sociopolitical security and stability properly and effectively. It should be noted that the research in the problem area was of paramount importance due to the processes of globalization, information technology, upward tendency in the case of network society, growing risks and challenges of technical, economic, socio-political and cultural development. The concept of the network society is highly valuable for this article, since it may shed some

© Михайленок О. М., 2019

light on the comprehensive understanding of modern social reality. Moreover, the problems connected with risks of public safety in network social space are going to arouse intense interest among society (especially, in Russia). At present we experience an acute crisis of scientific ideas, the lack of new methods and means of understanding of both global and not less significant local problems that continue to arise as an avalanche during the formation of a new social reality.

Key words: New social reality, challenges, threat, network society, network structures, socio-political relations.

В начале нового столетия, характеризующегося процессами глобализации, информатизации и сетевизации общества, роста рисков и вызовов технико-экономического, социально-политического и культурного развития, актуализируется задача исследования различных аспектов формирования механизмов, способных адекватно и эффективно обеспечивать общественно-политическую безопасность и стабильность.

Уже в первые десятилетия XXI века начали происходить необыкновенно масштабные, глобальные изменения, темпы которых превосходят все, что мы наблюдали до сих пор. Эти изменения характеризуются все большей сложностью, многообразием и неоднозначностью, неопределенностью результатов. Очевидно также, что новая реальность в значительно большей степени подвержена рискам и опасностям. Люди стремятся к тому, чтобы сделать мир, справедливее, гуманнее и безопаснее, однако эксперты разрушают эти надежды, утверждая, что число опасностей и острых проблем, грозящих стабильности общества в условиях новой социальной реальности не только не

уменьшится, но будет возрастать экспоненциально. Безопасность общества в целом и каждого отдельного человека будет определяться тем, сможет ли человечество справиться с чрезвычайно сложными глобальными, системными и универсальными проблемами, являющимися источниками угроз и рисков новой социальной реальности.

Специфика современного мира такова, что он характеризуется множеством параметров, а его элементы находятся между собой в сложных взаимодействиях и взаимозависимостях. Это затрудняет их теоретический анализ, а также возможность использования метода социального прогнозирования в целях определения перспектив дальнейшего развития человечества в целом.

Говоря о характере новой социальной реальности как в России, так и в глобальном масштабе, нельзя забывать, что современный социум представляет собой Общество риска (Ульрих Бек), которое характеризуется тем, что система производства материальных и социальных благ не может рассматриваться без присутствия этой системе воспроизводства

опасностей, угроз, рисков, причем также системных [4].

В глобальном обществе риска социально-политические отношения также демонстрируют амбивалентную динамику. Это касается различных аспектов и составляющих этих отношений.

Один из актуальных аспектов связан с тенденцией развития сетевой структуры социума и соответственного изменения характера социально-политических отношений в нем.

Понятие сетевого общества имеет приоритетное значение для характеристики новой социальной реальности. Анализ основных элементов сетевых структур и их влияния на изменение облика всего общества представлены в работах известного испанского социолога Мануэля Кастельса [13, 14].

Не вызывает сомнения и тот факт, что такие характеристики современного общества как «глобальное», «информационное» и «сетевое» связаны между собой не случайно, а по существу [28].

«На формирование современной концепции сетевого общества оказали влияние идеи философов Ж. Делеза и Ф. Гваттари, как уже было сказано, а также положения еще одного недавно возникшего подхода – концепции глобализации. Последнее неудивительно, так как информатизация, в особенности распространение сети Интернет является важнейшей технологической предпосылкой как глобализации, так и процесса становления сетевого обще-

ства. Более того, сама глобализация выступает важнейшей стороной сетевизации (хотя с позиции концепции глобализации взаимосвязь этих явлений можно рассмотреть и в обратном порядке)» [27].

Так или иначе, понятие сети в настоящее время все более претендует на роль универсальной метафоры: сетевая экономика, сетевая логика, сетевые структуры, сетевой интеллект, сетевой график и т. д.

В самом общем виде понятия «сеть», «сетевые структуры» используются в современном научном знании для обозначения совокупности объектов, взаимодействующих друг с другом по линиям связи, информационным каналам [18, с. 45].

В стремительно глобализирующемся мире вся социально-экономическая, политическая и культурная структура пронизывается информационными каналами, которые в совокупности с акторами и составляют сети. По мнению теоретиков сетевых структур, для сетей характерны связность и децентрализованность.

Что касается социальных сетей, то их децентрализация характеризуется наличием в системе одновременно множества активных центров или лидеров, а также примерно равными статусами, социальными рангами и т. п. индивидов или групп, которые образуют данную сеть.

Вообще, что касается социального аспекта сетевого подхода, то Джеймс Барнс, который ввел в оборот этот термин, определил соци-

альную сеть как «социальную структуру, состоящую из группы узлов, которыми являются социальные объекты (люди или организации), и связей между ними (социальных взаимоотношений)» [23].

К сетевым структурам можно отнести средства связи, масс-медиа, сети вещания, Интернет, транснациональные корпорации, торговые сети, зоны покрытия телекоммуникационных систем сотовой связи, сети газо- и нефтетранспортных систем, сети агентов влияния и религиозные организации, в том числе этнические сообщества, НПО и политические сети, и, конечно, разведывательные сети и спецслужбы различных государств, а также сектантские и террористические сети.

В более широком контексте в качестве сетевых структур могут рассматриваться и такие сферы общественной деятельности как правозащитная, образовательная, функционирование различных некоммерческих фондов, центров распределения грантов; к ним можно отнести и совокупность научных, социологических, политологических образований, общественные организации разных видов. Сети образуют также города, школы, библиотеки, театры и т. д.

К общим чертам сетевых образований относятся отсутствие «верха» или «низа», в них неразличимы центр и периферия, главное и второстепенное, магистральные и маргинальные маршруты, все это при-

чудливо и непредсказуемо связывается, пересекается, меняется [1, 11].

Или же можно сказать, что сетевой структуре присущи горизонтальная организация, отсутствие единого центра, равноправие участников, относительная открытость входа-выхода, адаптивность к изменениям внутренней и внешней среды, способность к самоорганизации и саморегуляции [17, 28].

В то же время сетевые модели характеризуются, как уже говорилось, тем, что маршрутизация таких объектов как информация, знания, политические позиции, идеологии, экономические факторы, деньги или товары может осуществляться стихийно, непредсказуемо, почти хаотически [1, 11]. Именно эти характерные черты демонстрируют сетевые образования.

Поэтому, по мнению специалистов по сетевым структурам, сети менее организованы, в них менее выражен рассудочный компонент, что присуще традиционным схемам организации общественной жизни: иерархически построенным социумам, государствам, науке, экономике, праву, политическим, экономическим и производственным сферам.

Сторонники сетевизации общественных отношений утверждают, что сетевая модель общества позволяет в значительной степени отказать от тех иерархических структур, которыми человечество жило до последнего момента и по инерции продолжает жить до сих пор. По их мнению, именно овла-

дение средствами управления такими сетевыми структурами, функционирующими на грани хаоса и порядка, станет высшим достижением в сфере общественного управления, которое выходит за рамки государственных границ, экономических и юридических ограничений.

В целом, по мнению экспертов, сетевые структуры характеризуют особенности постиндустриальной стадии цивилизационного развития; они приходят на смену сакральных общественных иерархий традиционного общества и рационализированных образований в обществе модерна (государств, правительств, политических институтов, производственных структур) [2].

Автор концепции социального пространства Поль Бурдьё считал, что сетевое начало охватывает все структуры современного общества, и это существенно изменяет взгляды на общественное бытие и мир в целом. Безусловно, общество все больше пронизываемое сетями различного масштаба можно по существу считать сетевым [5, с. 574].

Самоорганизация социального пространства в качестве результата порождает сетевую социальную структуру как, по мнению экспертов, современную и перспективную форму активизации деятельности индивида и его влияния на общественную динамику.

Мануэль Кастельс подчеркивал, что сетевое общество характеризуется доминированием социальной

морфологии над социальным действием; сетевая вовлеченность индивида или группы имеет существенное значение, влияя на характер эволюции власти и общественных перемен [28].

Можно согласиться с тем, что на протяжении веков коммуникация и информация были фундаментальными источниками власти и оппозиции власти, господства и подчинения, стабильности и социальных изменений. С понятиями властных отношений тесно коррелирует понятие политических отношений как взаимодействия социальных групп, личностей, социальных институтов по поводу устройства и управления обществом.

Вообще, сегодня становится все более очевидным, что различные общественные организмы начинают демонстрировать уменьшение роли политических институтов в формировании общественного сознания и, соответственно, усиление влияния коммуникативных факторов, в первую очередь, средств массовой информации.

Достаточно обоснованно можно говорить о замещении политической легитимности результатами коммуникативного воздействия на формирование общественного настроения в сетевом обществе [24]. Все больший охват общества сетевыми структурами определяет и усиление воздействий коммуникативных процессов на властные отношения. Современные политические процессы характеризуются борьбой властных и оп-

позиционных сил за доминирование в коммуникативных сферах на фоне уменьшения роли существующих социально-политических институтов.

«Государственная власть является ничем иным, как сетью коммуникаций. Сетевое общество, мультиплицируя и разнообразя информационные потоки в политической сфере, неизбежно демократизирует устоявшийся порядок отправления власти» [20].

Таким образом, можно с большой долей уверенности утверждать, что политика, как вид деятельности, под воздействием процессов ее сетевизации на наших глазах становится существенно иной.

Например, ряд авторов связывают будущее сети с разработкой моделей политических проектов в социальном Интернете. Предполагается, что консолидация избирателей-единомышленников в социальных сетях способна качественно преобразить политический ландшафт [30].

Высказывается также мнение, что социально-политические движения сетевого характера могут стать альтернативой деятельности традиционных, централизованных, бюрократизированных партий. В этом смысле сетевые политические объединения станут в перспективе не только эффективным политическим инструментом, но и внесут радикальные изменения в существующую партийно-парламентскую систему.

Кроме того, столкновение интересов этих объединений будет, как

полагают, проявляться в иных, чем прежде типах и формах конфликтов, как внутригосударственных, так и международных. Эти конфликты будут скорее характеризовать межличностные (или межгрупповые) отношения.

Пока же усиливающаяся слабость традиционных безличных структур (государство, социальные институты) в ходе урегулирования общественных конфликтов приводит к их пролонгации и архаизации [10].

Сторонники сетевой парадигмы утверждают, что, становящаяся все более очевидной неспособность различных социальных институтов, включая государство, разрешать общественные конфликты, уменьшать социальные риски и угрозы, требует поисков сетевых инструментов, которые смогут обеспечить безопасность общества, не за счет достижения закрытости его элементов, а через их открытость.

Необходимость этого, как уверяет часть экспертов, станет неуклонно нарастать число отказов в работе традиционных общественных механизмов, таких, например, как нынешние органы власти, политические партии, различные конструкции гражданского общества.

В частности, еще одной чертой, о которой уже упоминалось, которая характеризует особенности сетевой политики, будет вытеснение существующих политических партий и движений, так называемыми, ситуативными конфигурациями,

объединяющими отдельных политиков или групп их сторонников.

Уже сегодня очевидно, что сетевая публичная политика будет формироваться «не по плану властвующего «архитектора», а в русле интеграции взаимодействия политических акторов, каждый из которых, обладая свойством рефлексии, предлагает свой вариант построения социально-политической структуры в рамках интерактивного политического пространства [26]. Поэтому политические лидеры, политические партии и группы интересов начинают формировать и реализовывать собственную политическую стратегию сетевой политики.

Во всяком случае, эффекты сетевизации как результаты проникновения сетевого общества в публичную политику и воздействия на нее носят многосоставный характер и проявляются в виде изменений на различных ее уровнях, обуславливают появление инновационных механизмов, воспроизводящих ее новый тип – сетевую публичную политику [19, с. 45].

В частности, в форме сетевой социальной морфологии сегодня реализуются тенденции социально-политической децентрализации, что обусловлено колоссальным увеличением масштаба социального поля и числа взаимодействующих субъектов. Можно говорить об инновационном сдвиге, когда иерархическая централизованная вертикаль взаимодействий (в том числе и властных) трансформируется в се-

тевую горизонталь. И конституирующими элементами этой сети являются так называемые энергетические узлы или точки сосредоточения кумулятивной энергии взаимодействия индивидов или их групп.

Как пишет Рэндалл Коллинз «Индивиды суть узлы сетей социального взаимодействия – человеческие тела, где накапливаются эмоциональные энергии, а потоки идей-символов кристаллизуются в виде воображаемых коалиций в разуме» [15]. Вместе с тем, нельзя не видеть, что новая, сетевая реальность, обладая значительным позитивным потенциалом, порождает и целый ряд проблем.

Существенное усиление современных сетевых структур происходит за счет широкого распространения информационных технологий. Сетевые структуры имеют ряд преимуществ по сравнению с традиционной социальной иерархией. Это подвижность и большие возможности адаптации к изменяющимся внешним условиям, но вместе с тем им присущи и такие недостатки, как затрудненная координация функциональности, энтропия ресурсов в ходе решения сложных задач, выходящих за рамки сетевой структуры. И в то же время сетевая организация управления очень эффективна, когда требуется координация элементов сложных интерактивных систем, гибких и подвижных.

Можно согласиться с тем, что информационно-сетевые техноло-

гии коммуникативных систем существенно изменяют морфологию общественных отношений, которые сегодня еще во многом опираются на традиционные иерархии, но также следует иметь в виду, что радикальное изменение социальной топологии приведет к неизбежному росту опасностей, рисков и конфликтов в социально-политической сфере, которые в силу природы сетевых структур являются сложно-прогнозируемыми.

Поэтому, по нашему мнению, весьма актуальными в ближайшее время станут проблемы, связанные с рисками безопасности общества (в частности, России) в сетевом социальном пространстве.

Раскрывая суть современных социально-политических трансформаций, известный польский социолог Петр Штомпка доказывает, что любые изменения в этой сфере, несомненно, характеризуются как модернизация – это культурные травмы, и вводит в научный оборот понятие «социальной травмы». По его мнению, развитие и модернизация общества неизбежно связаны с ростом рисков и угроз, в частности связанных с потерей ориентации в социальном пространстве в результате разрушения прежних ценностей, норм, идеалов, представлений о социальной реальности [29].

Новые социокультурные реалии, несомненно, связаны с неопределенностью и рисками. Отныне приходится жить без устойчивых ори-

ентиров, долговременных факторов порядка, общепризнанных авторитетов. Крепнет убеждение в том, что эти новые социокультурные реалии перестают быть однозначно «хорошими» или «враждебными». Их амбивалентность предполагает не только очевидные блага, но подчас скрытые опасности и риски. В целом, неоднородность общества, амбивалентность социальных практик и эволюции культур свидетельствуют о нелинейном и гетерогенном характере социального пространства и времени.

Рискогенность современного мира становится все более осознанной. К этому нас склоняют не только ужасные технологические катастрофы, поражающие воображение, и не только острые экологические проблемы как результат недостаточно сбалансированной хозяйственной деятельности человечества как в целом в масштабе планеты, так и в ее отдельных регионах. Риски и опасности современного общества возникают также и на уровне социальных структур, групп, межличностных отношений. Все сферы человеческой деятельности сегодня связаны со значительными рисками. Понимание этого и дало основание Ульриху Беку ввести в научный оборот термин «общество риска».

Вместе с тем в массовом сознании, наряду с ощущением угрозы риска в жизненно важных сферах, появляется понимание значения риска, присущего состояниям не-

определенности и нелинейного развития, поскольку, по Илье Пригожину, они чреваты возникновением порядка из хаоса, в общественном плане – новых параметров развития и функционирования институтов рыночного регулирования, появлением оригинальных структур гражданского общества, радикальным обновлением политических систем, наконец, более полной реализацией свободы личности [25]. С риском связан свободный выбор возможностей и альтернатив дальнейшего развития, определяющий также и неизбежность ответственности за реализованные шаги. Риск, несомненно, присущ творческой, инновационной деятельности, без него просто невозможно дальнейшее развитие общества.

Вместе с тем, по мнению Мануэля Кастельса, базовая институциональная структура информационного общества воплощает в себе именно сетевую логику [28].

Эта сетевая логика, характеризующая глобальное информационное общество также связана с продуцированием рисков, которые в последнее время становятся объектом исследований. Их результаты свидетельствуют не только об информационной, но и о коммуникативной природе рисков. Отмечается, что с этими рисками связана новая фаза «восстания масс», их «осетвления» и встраивания в глобальный механизм манипулирования и контроля [28].

Значимая составляющая структуры информационных рисков – риски внутри сетевых структур, представленных, например, Интернетом и социальными сетями. Очевидно, что сетевые структуры обладают возможностями, которые сами по себе ни опасны, ни безопасны. Возникновение рисков или их отсутствие определяется способом использования сети, поэтому, собственно, с природой сетей связаны лишь потенциалы рисков.

Возникновение реальных опасностей и рисков, в частности, связано с существованием беспорядочно возникающих маргинальных сетей и беспорядочных неконтролируемых межсетевых связей, которые в сегодняшней ситуации не принимают никаких регулирующих правил, не стремятся к упорядочению, не поддаются никакому контролю со стороны национальных или наднациональных институционализированных, легитимных агентов.

С другой стороны, следует иметь в виду и альтернативную позицию, заключающуюся в том, что отсутствие контроля, широкая демократичность и абсолютно равноправное участие в сетевых отношениях является лишь видимостью, отчасти симуляцией; мир сетевых отношений не абсолютно горизонтальный, для него характерна также вполне определенная структура и иерархия участников, как и во всей социальной реальности. В частности, утверждается, что и Интернет

также имеет свой координационный центр [28].

Сетевизация политики «ведет к созданию общества, о котором практически нельзя составить целостное суждение, в котором все важные политические решения принимаются внутри закрытых, «эксклюзивных», групп, куда нет доступа постороннему» [3, с. 85]. Результатом этого элитарного «анархизма» верхов остальное население полностью подпадает под власть диктатуры экспертных сетей. Иерархия, таким образом, обретает другую форму. Формирующееся «виртуальное общество представляет собой длинный ряд сетевых пирамид – властной иерархии, в которой представители консьюмтариата в основном входят в наименее привлекательные сети, полные информационного мусора, в то время как нетократы образуют сети высших уровней, в которых концентрируется власть и влияние» [3, с. 85]. Классическая иерархическая пирамида уступает место новой, сетевой пирамиде, децентрализованной и проницаемой, но в то же время жесткой и устойчивой.

Так или иначе, многие исследователи проблемы отмечают, что социальные сети, включая их информационно-технологическую составляющую – Интернет, станут фундаментом для всех отношений в обществе.

В этой связи Э. Кастельс пишет: «Представляется вполне естественным, что общественные движения и

политический процесс использовали и будут использовать Сеть во все возрастающей степени с превращением Интернета в главный инструмент деятельности, информирования, вербовки, организации, доминирования и контрдоминирования. Киберпространство становится конфликтной территорией» [22, с. 130].

Конфликты конечно же характеризуют не только киберсеть. Они имеют глубоко социальную природу. Для конфликтологии борьба является источником продолжающейся социальной динамики. Не может быть общества, где царит полная гармония, устойчивость, счастливое состояние всех, где всеобщее согласие нивелирует различие индивидуальных и групповых интересов. Неизбежности социального неравенства в любом обществе сопутствует невозможность полной гармонизации интересов и стремлений его членов. Это столкновение интересов всегда было и будет продолжаться.

Классик современной конфликтологии Р. Дарендорф полагает, что основные конфликты любого общества фокусируются вокруг проблемы власти. Распределение властных рычагов всегда зависит от ситуации в сфере социального неравенства, и разные позиции тех или иных классов и слоев по отношению к власти вызывают столкновения, конфликты, которые влекут за собой изменения в социальной структуре [16].

В отношении изменения социальной структуры следует подчерк-

нать, что сетевое информационное общество не только способствует формированию новых, динамичных социальных общностей и систем обретения идентичности, но и допускает дезинтеграцию существующих социальных групп, обрекая людей, к ним принадлежащих, терять их символический, социальный и экономический статус. Такая рестратификация, приводящая к социокультурному отторжению неудачных акторов глобальных сетей, часто не принимающими навязываемые формы идентичности, влечет за собой возникновение протестных, фундаменталистских, антиглобалистских и т. д. движений [21].

Как считает С. Гриняев, если существующее постиндустриальное общество сохраняет социально-политическую иерархию в качестве основы общественных отношений, то возникающее новое общество опирается на принципиально иную сетевую модель. Такой переход предполагает радикальную трансформацию экономики, политики, структуры власти, системы обеспечения безопасности и т. д. в направлении поисков инновационных алгоритмов выработки и принятия управленческих решений [9].

Общество сетевых структур все шире реализуется во всех сферах деятельности человечества, оно распространяется по планете во всем многообразии своих проявлений, демонстрируя существенные различия в отношении влияния на жизнь людей. Историческая, куль-

турная и институциональная специфика этих трансформаций определяет и баланс их благоприятных возможностей и негативных последствий.

Что касается России, то в целом она пока сознает себя еще в досетевой реальности. Это выражается и в том, что для многих ученых эти феномены «сетевизации» представляются связанными с локальными, количественными изменениями, не меняющимися, по их мнению, фундаментальные принципы общественного устройства.

Некоторые исследователи, даже разделяющие позиции сторонников концепции «постиндустриального» или «информационного» общества и в целом интересующиеся феноменом сетевого общества, зачастую не считают, что сетевая парадигма приобретает центральное значение для социальной науки.

«Несмотря на то, что сетевое общество стало маркером современных трансформационных процессов, глубоко затрагивая структуры современного общества, фундаментальные принципы общественного устройства еще окончательно не погибли под натиском сетевых структур и процессов. Сетевая логика сосуществует одновременно в социальной реальности с другими типами логик (традиционного, индустриального, постиндустриального обществ), отчетливо выделяя сегменты сетевых явлений глобального и локальных масштабов, проецирующихся на все сферы

жизнедеятельности, включая политическую» [26, с. 44-45].

Более того, некоторые авторы отмечают возможность неоднозначной оценки перспектив глобальной сетевизации: «Ни откуда не следует, что сетевое информационное общество – более продвинутая парадигма по сравнению с парадигмой модернити; у истории было много «петель» [12, с. 6-7].

Более того, в публикациях представлена и радикально скептическая точка зрения: «Сеть», как тип социальной организации, должна быть и обязательно будет отвергнута (если только у человечества достанет сил пережить этот болезненный и трудный исторический этап). Место и роль сетевых технологий, разработанных специально ради создания глобальной коммуникативной и оперативной среды, и должны ограничиваться таковым предназначением [8].

Однако большинство экспертов высказывает убеждение, что в ближайшее время произойдут серьезные социально-политические изменения во всем общественном организме, перестройка существующих институтов управления и демократии в ходе их приспособления к условиям стремительно надвигающегося сетевого общества.

С учетом этого очевидно, что следует более широко развернуть научные исследования концептуальных подходов и прикладные аналитические разработки в отношении угроз и рисков социально-

политической сферы глобального информационного общества, и на этой основе попытаться выявить базовые элементы системы безопасности общества и стратегии управления рисками.

Российский социум трансформируется в общество риска в значительной степени под влиянием почти непрерывного воспроизводства кризисных ситуаций. При этом нивелируется присущая кризисам периодичность, происходит углубление кризиса и на фоне осознания невозможности найти более или менее скорый выход из него усугубляется ощущение неопределенности. Все это сопровождается эскалацией воспроизводства рисков и угроз безопасности.

Социальный хаос «общества риска», в который втягивается вся система цивилизации, – это состояние сложной нелинейной социальной системы, которая самоорганизуется на пути трансформации старых структур, порождая различного рода риски. В то же время в современную эпоху глобализации постоянным явлением кризисного социума являются экзистенциальные риски в результате того, что техника в городах старая, часто в аварийном состоянии, города являются источниками стрессов, пограничные области часто спорные и конфликтные, экономика в кризисе, стабильность в социуме отсутствует, стихийные катастрофы угрожающе, управление по сути кризисное [6].

Риски и угрозы в социальной сфере имеют многовариантное проявление, часто гибридный характер (сочетают различные способы реализации), внешние угрозы проецируются на внутриэкономическую и политическую ситуацию, и наоборот. Также следует учитывать как традиционные угрозы, так и угрозы «нового поколения», связанные с развитием информационных и коммуникационных технологий.

Несмотря на достаточно многочисленные работы в данной области, можно согласиться с мнением, что вызовы понимания новой социальной реальности, проблемы ее концептуализации в настоящее время осмыслены явно недостаточно. Современное научное сообщество не предложило пока каких-то общепризнанных или хотя бы приемлемых концепций, характеризующих особенности постиндустриального развития и специфику его главных аспектов таких, например, как глобализация, информатизация, сетевая структуризация и др.

Следует отметить, что в контексте российской действительности очевидно, что глобальные тенденции общественного развития в значительной степени относятся и к сфере социально-политических отношений и процессов, среди которых можно выделить собственно политические отношения, то есть, как их часто характеризуют, отношения распределения и использования государственной власти на основе политических интересов, а

также целей, установок, ценностных ориентаций политических акторов.

В этом плане для России остается актуальной задача, которую ставит развитие процессов глобализации и возникновение проблем, нуждающихся для своего решения в согласованных действиях как субъектов международной жизни, так и политических акторов в отдельных государствах, включая Россию. Это задача достижения политического согласия.

В широком смысле слова политическое согласие есть форма взаимодействия и результат коммуникации между субъектами политики, предполагающая сближение по поводу общих политических базовых ценностей и подходов к решению политических проблем и преодоления конфликтов. Политическое согласие является фактором, который обеспечивает стабильность общества, способствуя смягчению социальных противоречий и конфликтов.

Напротив, отсутствие политического согласия следует рассматривать в качестве серьезного препятствия в процессе нейтрализации рисков и разрешения конфликтов, сохранения стабильности социума, развертывания процесса модернизации и формирования гражданского общества. Достижение общественного согласия необходимо для выхода на орбиту устойчивого развития. Многонациональная и многоконфессиональная Россия может достичь этой цели, только обретя

гражданский мир и демократический консенсус.

Политический феномен демократической консолидации предполагает достижение согласия большинства граждан, социальных групп, представителей политических и экономических структур относительно стратегического направления развития страны, его целей и средств. В результате такого согласия в обществе возникает возможность конструктивных изменений во всем общественном организме, включая структуру экономических, политических и социальных отношений. Объединение усилий гражданского общества, власти и бизнеса будет способствовать развитию страны, повышению благосостояния всех граждан, независимо от социальной, политической, этнической и религиозной принадлежности.

Следует отметить, что кризисный, рискогенный и конфликтогенный характер складывающейся социальной реальности усугубляется ослаблением роли субъективного фактора, культуры и внутренней духовности человека в общественном развитии. В этой связи сегодня все более популярной становится точка зрения, согласно которой преодолеть современный кризис и продвинуться по пути социально-экономического прогресса можно только освоив новую методологию стратегического мышления, изменив взгляды на современный мир.

«Кризис современной цивилизации в глобальном измерении носит одновременно глобальный и парадигмальный характер: 1) глобальный, поскольку все основные стороны и сферы человеческой жизнедеятельности фиксируются понятием «глобальные вызовы»; 2) парадигмальный, поскольку человечество переживает кризис своих базовых оснований и базовых ценностей своего мироустройства» [6].

Объектами повышенного внимания в рамках обновленного мировоззренческого подхода должны стать смысл происходящих изменений, характер и содержание инновационных идей, обозримое качество целей и средств их достижения, реализуемые нормы, законы взаимодействия людей и формирующиеся социокультурные ценности. Не в последнюю очередь заслуживают внимания разнообразие способностей, возможностей и ресурсов, а также ограничения и опасности их использования.

Пока мы вынуждены констатировать, что изменения социальной реальности происходят в опережающем темпе по сравнению с инновационными, прорывными идеями философской и социально-теоретической мысли. Мировое научное сообщество, опирающееся на традиционные подходы и методы исследования, далеко от реализации адекватного интеллектуального обеспечения осмысления сложных и динамичных процессов трансформации современного общества.

Мы испытываем острый кризис научных идей, дефицит новых методов и средств постижения как глобальных, так и не менее важных локальных проблем, которые лавинообразно возникают в ходе становления новой социальной реальности. Это касается также освоенной пока в совершенно недостаточной мере сферы предвидения и нейтрализации рисков, угроз и конфликтов, связанных с последней.

Со стороны представителей экспертного сообщества поступают предупреждения о серьезных угрозах безопасности и стабильности, связанных с характером новой социальной реальности. Причем эти угрозы необходимо нейтрализовать в течение ближайшего времени. «Современный этап общественного развития связан не только с позитивными факторами. Сегодня это все больше осознается как на уровне обыденного мышления, так и в управленческо – властных

структурах различного уровня. Совокупность глобальных проблем современности и порождаемые ими кризисные явления негативным образом отражаются на всех, без исключения, сферах общественной жизни. Лавинообразный характер дестабилизирующих процессов требует немедленного вмешательства государства с целью их нейтрализации» [37].

Очевидно, что сегодня мы находимся в такой критической точке, когда от того насколько быстро будет найден алгоритм стратегических действий, сформулировано определение главных целей, и выработан механизм принятия решений зависит будущее России по крайней мере на ближайшее столетие. Причем мы рискуем сохранением целостности, суверенитета, да и самого существования нашей страны как единого и независимого государства.

Библиографический список

1. Алиева, Н. З., Грицких, О. Ю. Стратегии образования в сетевом обществе [Электронный ресурс] / Н. З. Алиева, О. Ю. Грицких. – URL: http://www.rusnauka.com/33_NIEK_2008/Philosophia/37069.doc.htm. – (Дата обращения: 10.09.19).
2. Аналитический доклад Александра Дугина [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.infowar.delovoy.com/cgi-bin/iwar/start.cgi?info2=1552&page=9>. – (Дата обращения: 10.09.19).
3. Бард, А., Зодерквист, Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма [Текст] / А. Бард, Я. Зодерквист. – СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 252 с.
4. Бек, У. Общество риска: на пути к другому модерну [Текст] / У. Бек. – М., 2000. – 384 с.
5. Бурдые, П. Социальное пространство: поля и практики [Текст] / П. Бурдые. – СПб., 2005. – 576 с.

6. Воронкова, В. Г. «Общество риска» как следствие кризиса современной цивилизации [Электронный ресурс] / В. Г. Воронкова. – URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/103105/1/7-11.pdf>. – (Дата обращения: 10.09.19).
7. Глотов, В., Костянецкий, Р. Сетевые стратегии как генератор комплекса рисков [Электронный ресурс] / В. Глотов, Р. Костянецкий. – URL: <http://www.fedsfm.ru/press/media-review/1694>. – (Дата обращения: 10.09.19).
8. Гордеев, К. Сетевое общество – исторический тупик человечества [Электронный ресурс] / К. Гордеев. – URL: <http://www.kongord.ru/Index/Articles/netsochistdock.html>. – (Дата обращения: 10.09.19).
9. Гриняев, С. Россия в глобальном информационном обществе: угрозы, риски и возможные пути их нейтрализации [Электронный ресурс] / С. Гриняев. – URL: <http://fondiv.ru/articles/3/335/>. – (Дата обращения: 10.09.19).
10. Давыдов, А. В. О некоторых социально-политических последствиях становления сетевой структуры общества [Электронный ресурс] / А. В. Давыдов. – URL: <http://www.kongord.ru/Index/Articles/sf-davydov.html>. – (Дата обращения: 10.09.19).
11. Дугин, А. Сетевое общество и его враги / Профиль. № 3 (559) от 28.01.2008. Сайт «Изборский клуб» [Электронный ресурс] / А. Дугин. – URL: <http://izborsk-club.ru/content/articles/2318/>. – (Дата обращения: 10.09.19).
12. Зуев, А., Мясникова, Л. Нетократия. Стартовые противоречия сетевого информационного общества [Текст] / А. Зуева, Л. Мясникова // Свободная мысль – XXI. 2005. - № 9. - С. 3-19.
13. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
14. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе [Текст] / М. Кастельс. – Екатеринбург : У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с.
15. Коллинз, Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения [Текст] / Р. Коллинз // Сибирский хронограф. – Новосибирск, 2002. – 1282 с.
16. Концепции развития общества [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/konceptii-razvitiya-obshchestva.html>. – (Дата обращения: 10.09.19).
17. Коробейникова, Л. А., Гиль, А. Ю. Сетевые структуры в условиях глобализации [Текст] / Л. А. Коробейникова, А. Ю. Гиль // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 316. – № 6. – С. 105–109.
18. Лысак, И. В., Косенчук, Л. Ф. Современное общество как общество сетевых структур [Текст] / И. В. Лысак, Л. Ф. Косенчук // Информационное общество. – 2015. – № 2–3. – С. 45-51.
19. Мирошниченко, И. В. Эффекты и результаты сетевизации современной публичной политики [Текст] / И. В. Мирошниченко // Вестник Пермского университета. ПОЛИТОЛОГИЯ. – 2014. – № 4. – С. 42–70.
20. Назарчук, А. В. Сетевое общество и его философское осмысление [Текст] / А. В. Назарчук // Вопросы философии. - 2008. - № 7. - С. 61-75.
21. Несение бремени риска в условиях глобализации – новый фактор социальной рестратификации общества [Электронный ресурс] // Экономическая социо-

логия. – URL: http://studme.org/1838082824903/sotsiologiya/nesenie_bremeni_riska_usloviyah_globalizatsii_novyyu_faktor_sotsialnoy_restratifikatsii_obschestva. – (Дата обращения: 10.09.19).

22. Савин, Л. В. Сетевая война. Введение в концепцию [Текст] / Л. В. Савин. – М. : Евразийское движение, 2011.

23. Социальная сеть (социология) [Электронный ресурс]. – URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Social_network[http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/99/2_010_5\(99\)_16_Duzhnikova.pdf](http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/99/2_010_5(99)_16_Duzhnikova.pdf). – (Дата обращения: 10.09.19).

24. Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. [Текст] / отв. ред. Л. Н. Верченков, Д. В. Ефременко, В. И. Тищенко. – М., 2013.

25. Социологи о пространстве [Электронный ресурс]. – URL: http://ecsocman.hse.ru/data/337/685/1219/2_razdel_yarskaya_so_str.pdf. – (Дата обращения: 10.09.19).

26. Трансформация социальных сетей в online и offline среде публичной политики: нейтрализация угроз и развитие позитивного потенциала (Основные промежуточные результаты 2013) [Электронный ресурс]. – URL: <http://manag.kubsu.ru/index.php/component/content/article/23/603-online-offline>. – (Дата обращения: 10.09.19).

27. Трубицын, О. К. Анархический характер концепции сетевого общества [Электронный ресурс] / О. К. Трубицын. – URL: http://www.rusnauka.com/10_DN_2012/Philosophia/2_101624.doc.htm. – (Дата обращения: 10.09.19).

28. Усова, М. В. Сетевые риски в глобальном обществе: социальное-философский аспект [Текст] / М. В. Усова // Власть. – 2014. – № 4. – С. 73-77.

29. Штомпка, П. Социальное изменение как травма [Электронный ресурс] / П. Штомпка. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/983/017/1220/1-Shtompka.pdf>. – (Дата обращения: 10.09.19).

30. Эйдман, И. Политические социальные сети: «спам» или ключ к победе? [Электронный ресурс] / И. Эйдман. – URL: <http://igeid.livejournal.com/38647.html>. – (Дата обращения: 10.09.19).

Bibliograficheskij spisok

1. Alieva, N. Z., Grickih, O. Ju. Strategii obrazovaniya v setevom obshchestve [Elektronnyj resurs] / N. Z. Alieva, O. Ju. Grickih. – URL: http://www.rusnauka.com/33_NIEK_2008/Philosophia/37069.doc.htm. – (Data obrashheniya: 10.09.19).

2. Analiticheskij doklad Aleksandra Dugina [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.infowar.delovoy.com/cgi-bin/iwar/start.cgi?info2=1552&page=9>. – (Data obrashheniya: 10.09.19).

3. Bard, A., Zoderkvist, Ja. Netokratija. Novaja pravjashhaja jelita i zhizn' posle kapitalizma [Tekst] / A. Bard, Ja. Zoderkvist. – SPb. : Stokgol'mskaja shkola jekonomiki v Sankt-Peterburge, 2004. – 252 s.

4. Bek, U. Obshhestvo riska: na puti k drugomu modernu [Tekst] / U. Bek. – M., 2000. – 384 s.

5. Burd'e, P. Social'noe prostranstvo: polja i praktiki [Tekst] / P. Burd'e. – SPb., 2005. – 576 s.

6. Voronkova, V. G. «Obshhestvo riska» kak sledstvie krizisa sovremennoj civilizacii [Jelektronnyj resurs] / V. G. Voronkova. – URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/103105/1/7_11.pdf. – (Data obrashhenija: 10.09.19).
7. Glotov, V., Kostjaneckij, R. Setevye strategii kak generator kompleksa ris-kov [Jelektronnyj resurs] / V. Glotov, R. Kostjaneckij. – URL: <http://www.fedsofm.ru/press/media-review/1694>. – (Data obrashhenija: 10.09.19).
8. Gordeev, K. Setevoe obshhestvo – istoricheskij tupik chelovechestva [Jelektronnyj resurs] / K. Gordeev. – URL: <http://www.kongord.ru/Index/Articles/netsochistdock.html>. – (Data obrashhenija: 10.09.19).
9. Grinjaev, S. Rossija v global'nom informacionnom obshhestve: ugrozy, riski i vozmozhnye puti ih nejtralizacii [Jelektronnyj resurs] / S. Grinjaev. – URL: <http://fondiv.ru/articles/3/335/>. – (Data obrashhenija: 10.09.19).
10. Davydov, A. V. O nekotoryh social'no-politicheskikh posledstvijah stanovlenija setevoj struktury obshhestva [Jelektronnyj resurs] / A. V. Davydov. – URL: <http://www.kongord.ru/Index/Articles/sf-davydov.html>. – (Data obrashhenija: 10.09.19).
11. Dugin, A. Setevoe obshhestvo i ego vrugi / Profil'. № 3 (559) ot 28.01.2008. Sajt «Izborskij klub» [Jelektronnyj resurs] / A. Dugin. – URL: <http://izborsk-club.ru/content/articles/2318/>. – (Data obrashhenija: 10.09.19).
12. Zuev, A., Mjasnikova, L. Netokratija. Startovye protivorechija setevogo informacionnogo obshhestva [Tekst] / A. Zueva, L. Mjasnikova // Svobodnaja mysl' – XXI. 2005. – № 9. – S. 3–19.
13. Kastel's, M. Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura [Tekst] / M. Kastel's ; per. s angl. pod nauch. red. O. I. Shkaratana. – M. : GU VShJe, 2000. – 608 s.
14. Kastel's M. Galaktika Internet: Razmyshlenija ob Internete, biznese i obshhestve [Tekst] / M. Kastel's. – Ekaterinburg : U-Faktorija (pri uchastii Gumanitarnogo un-ta), 2004. – 328 s.
15. Kollinz, R. Sociologija filosofij. Global'naja teorija intellektual'nogo izmenenija [Tekst] / R. Kollinz // Sibirskij hronograf. – Novosibirsk, 2002. – 1282 s.
16. Konceptii razvitija obshhestva [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/konceptii-razvitiya-obshchestva.html>. – (Data obrashhenija: 10.09.19).
17. Korobejnikova, L. A., Gil', A. Ju. Setevye struktury v uslovijah globalizacii [Tekst] / L. A. Korobejnikova, A. Ju. Gil' // Izvestija Tomskogo politeh-nicheskogo universiteta. – 2010. – T. 316. – № 6. – S. 105–109.
18. Lysak, I. V., Kosenchuk, L. F. Sovremennoe obshhestvo kak obshhestvo setevyh struktur [Tekst] / I. V. Lysak, L. F. Kosenchuk // Informacionnoe obshhestvo. 2015. № 2–3. S. 45–51.
19. Miroshnichenko, I. V. Jeffekty i rezul'taty setevizacii sovremennoj publichnoj politiki [Tekst] / I. V. Miroshnichenko // Vestnik Permskogo universiteta. POLITOLOGIJa. – 2014. – № 4. – S. 42–70.
20. Nazarchuk, A. V. Setevoe obshhestvo i ego filosofskoe osmyslenie [Tekst] / A. V. Nazarchuk // Voprosy filosofii. – 2008. – № 7. – S. 61–75.
21. Nesenie bremeni riska v uslovijah globalizacii – novyj faktor social'noj restratifikacii obshhestva [Jelektronnyj resurs] // Jekonomicheskaja sociologija. – URL:

http://studme.org/1838082824903/sotsiologiya/nesenie_bremeni_riska_usloviyah_globalizatsii_novyy_faktor_sotsialnoy_restratifikatsii_obschestva. – (Data obrashhenija: 10.09.19).

22. Savin, L. V. Setecentrichnaja i setevaja vojna. Vvedenie v koncepciju [Tekst] / L. V. Savin. – M. : Evrazijskoe dvizhenie, 2011.

23. Social'naja set' (sociologija) [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Social_network[http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/99/2010_5\(99\)_16_Duzhnikova.pdf](http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/99/2010_5(99)_16_Duzhnikova.pdf). – (Data obrashhenija: 10.09.19).

24. Social'nye seti i virtual'nye setevye soobshhestva: Sb. nauch. tr. / RAN. INION. Centr social. nauch.-inform. issled. [Tekst] / otv. ped. L. N. Verchenov, D. V. Efremenko, V. I. Tishhenko. – M., 2013.

25. Sociologi o prostranstve [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://ecsocman.hse.ru/data/337/685/1219/2_razdel_yarskaya_so_str.pdf. – (Data obrashhenija: 10.09.19).

26. Transformacija social'nyh setej v online i offline srede publichnoj politiki: nejtralizacija ugroz i razvitie pozitivnogo potenciala (Osnovnye promezhutochnye rezul'taty 2013) [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://manag.kubsu.ru/index.php/component/content/article/23/603-online-offline>. – (Data obrashhenija: 10.09.19).

27. Trubicyn, O. K. Anarhicheskij harakter koncepcii setevogo obshhestva [Jelektronnyj resurs] / O. K. Trubicyn. – URL: http://www.rusnauka.com/10_DN_2012/Philosophia/2_101624.doc.htm. – (Data obrashhenija: 10.09.19).

28. Usova, M. V. Setevye riski v global'nom obshhestve: social'no-filosofskij aspekt [Tekst] / M. V. Usova // Vlast'. – 2014. – № 4. – S. 73–77.

29. Shtompka, P. Social'noe izmenenie kak travma [Jelektronnyj resurs] / P. Shtompka. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/983/017/1220/1-Shtompka.pdf>. – (Data obrashhenija: 10.09.19).

30. Jejdman, I. Politicheskie social'nye seti: «spam» ili kljuch k pobede? [Jelektronnyj resurs] / I. Jejdman. – URL: <http://igeid.livejournal.com/38647.html>. – (Data obrashhenija: 10.09.19).

DOI 10.24411/2658-428X-2019-10548
УДК 321.02

О. Г. Щенина

<https://orcid.org/0000-0003-2801-2612>

«Человек сетевой» в политических сообществах

Для цитирования: Щенина О. Г. «Человек сетевой» в политических сообществах // Социально-политические исследования. – 2019. – № 4 (5). – С. 24–35

В статье предпринимается попытка анализа трансформаций социума, происходящих в условиях становления и развития сетевого общества в контексте его антропологической составляющей. Показано, что в сетевом обществе происходит изменение публичного пространства в целом. Анализ этих трансформаций позволяет сделать вывод о происходящем на наших глазах своего рода коммуникативном и гуманитарном повороте в обществе, имея в виду изменение роли человека в процессах информационного общества и усиление влияния антропогенного фактора на них. Отмечается, что дилемма роли и места человека в новой социальной реальности обретает особую остроту. Сетевое общество оказывает влияние на социально-политические процессы и самого человека, во многом преобразуя социальную реальность и расширяя спектр политического. В коммуникативном пространстве сетевого общества происходит сопряжение интересов социальных групп, сообществ, граждан, гражданского общества в целом и властных структур, в том числе и политической элиты. Сетевые ресурсы представляют собой инновационные механизмы взаимодействия политических акторов.

Ключевые слова: сетевое общество, человек сетевой, политические сетевые сообщества, коммуникации, компетенции, политические акторы.

O. G. Shchenina

«Network man» in political communities

The article attempts to analyze the transformations of society occurring in the conditions of formation and development of network society in the context of its anthropological component. It is shown that in the network society there is a change in the public space as a whole. The analysis of these transformations allows us to draw a conclusion about a kind of communicative and humanitarian turn in society, taking into account the change in the role of man in the processes of the information society and the strengthening of the influence of the anthropogenic factor on them. It is noted that the dilemma of the role and place of man in the new social reality is particularly acute. Network society has an impact on socio-political processes and the person himself, largely transforming social reality and expanding the range of political. In the

communicative space of the network society, the interests of social groups, citizens, civil society as a whole and power structures, including the political elite, are interfaced. Network resources represent innovative mechanisms of interaction of political actors.

Key words: network society, network person, political network communities, communications, competence political actors.

В условиях становления сетевого общества трансформации затрагивают практически все сферы общественной жизни, однако особый интерес представляют происходящие изменения в сфере политики. Они проявляются в появлении новых форм коммуникативных связей субъектов политической деятельности, изменяющихся политических отношениях, расширяющихся возможностях политического участия граждан. Сетевой подход в политической науке в настоящее время активно используется при анализе политического управления, функционирования политических институтов.

«Выросшая плюрализация общественных структур, сложность взаимоотношений между различными группами населения, высокий уровень общественных потребностей и ожиданий, большой масштаб неопределенности и риска, возросшее влияние международного фактора на внутреннюю политику государства, информатизация общества, падение доверия населения к центральным органам управления – это и многое другое привели к пересмотру традиционных управленческих подходов...» [15, с. 236-237]. Формирующиеся на наших глазах контуры нового сетевого мира во многом отличаются от привычных нам форм организации

и управления социумом. Факторы непрерывности общественных процессов, неопределенности и случайности в условиях нелинейности развития современного социума оказывают влияние на процессы конструирования социальной реальности, формирования нового политического пространства, конфигурацию сетевых коммуникаций.

Происходящие в сетевом обществе изменения приводят к осознанию властью необходимости модификации сложившихся моделей управления. Сетевое пространство политического управления изменяет свой формат в связи с развитием коммуникаций, как неотъемлемого компонента и связующего звена системы политических отношений. В современном мире во многом инновационно-коммуникационные технологии создают и обеспечивают функционирование политического управления, реализацию публичной политики. Следовательно, появляются иные формы реализации политической, государственной, общественной власти. Меняются наши представления об алгоритмах реализации политического процесса, поскольку трансформируются многие социальные институты, в том числе и государство.

В этой связи многократно возрастает эффективность управлен-

ческих решений на основе информационных ресурсов. Хотелось бы подчеркнуть, что сетевой подход при анализе политических отношений рассматривает государство как одного из множества политических акторов, то есть в сетевом обществе изменяется роль государства в принятии политических решений. Можно утверждать, что в сетевом обществе происходит изменение публичного пространства в целом.

В настоящее время мы переживаем период турбулентности общественных процессов, связанный, прежде всего, с процессами развития сетевого общества – и это является одним из мегатрендов современности. «Формирующуюся на наших глазах новую социальную реальность можно определить как «infomodernity» – пространство социального взаимодействия, в границах которого интеграция индивидов достигается на основе качественно измененных и усложненных требований к характеру их участия в социальной коммуникации» [6, с. 65]. Наиболее серьезные перемены в цифро-сетевом мире происходят в сфере коммуникаций, которые приобретают иной характер и масштаб. В этой связи уместно вспомнить работы М. Кастельса об информационном обществе, теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса, теорию социальной коммуникации Н. Лумана.

Анализ этих трансформаций позволяет сделать вывод о происходящем на наших глазах своего

рода коммуникативном и гуманитарном повороте в обществе, имея в виду изменение роли человека в процессах информационного общества и усиление влияния антропогенного фактора на них.

Сетевой принцип организации коммуникаций и их многоуровневый характер способствуют формированию инновационной коммуникативной среды, которая предоставляет иные возможности для политического участия (наряду с традиционным появляется сетевое и виртуальное участие), видоизменяются формы политических отношений и т. д. А сетевые взаимодействия могут рассматриваться как диалоговые механизмы, площадки апробации управленческих решений.

В свою очередь сетевая активность современного человека может оказывать значительное влияние на власть, например, сетевой политический протест [16]. К. Ширки отмечал: «Поскольку сетевой ландшафт становится более плотным, более сложным, с большим числом участников, а сетевое население имеет теперь все больше доступной информации, оно получает больше возможностей публичного выступления, а его способность к проведению коллективных действий усиливается» [4, с. 64].

Исследователи выделяют отчетливо проявляющуюся в современном мире на фоне глобализационных процессов тенденцию всеобщей связанности: «ключевой поли-

тической проблемой нынешней эпохи является то, что все мы все больше и больше связаны друг с другом» [18, с. 9].

В условиях сетевизации социума происходит изменение роли гражданского общества – формируются новые площадки общественного контроля процесса принятия политических решений на основе коммуникационных платформ. «Применительно к муниципальному уровню информационно-коммуникационные технологии в наибольшей степени актуальны в плане вовлечения граждан в такие политические процессы, как совместное обсуждение и принятие решений по социально значимым проблемам» [11, с. 207]. Очевидно, что дилемма роли и места человека в новой социальной реальности обретает особую остроту, ведь по мнению ряда исследователей «проблема человека и его социальной деятельности в современных условиях выдвигается на передний план» [9, с. 211].

Новой формой в сетевом обществе становится сетевая политическая деятельность, в том числе и упоминаемая выше протестная активность, поскольку благодаря информационно-коммуникационным технологиям многократно увеличиваются возможности политической мобилизации. «Сейчас сложнее, чем когда-либо, претендовать на то, чтобы представлять людей, игнорируя их интересы и предпочтения, и легче, чем когда либо ранее, для тех, чьи голоса не были услышаны,

координировать свои действия с целью выдвижения своих собственных требований» [5, с. 35]. При этом «...сетевые активисты аккумулируют вокруг себя «резонирующую общественность», которая начинает активно влиять на реальные политические процессы» [13, с. 34].

Сетевое общество оказывает влияние на социально-политические процессы и самого человека, во многом преобразуя социальную реальность и расширяет спектр политического. «Способность политических институтов обновляться с учетом технологических и других вызовов безопасности, поддержания качества жизни и потенциала развития человека является важнейшим критерием современности и жизнеспособности организующих политическое управление сообществ...» [14, с. 21].

Сетевой фронт виртуальных политических сообществ выступает как один из возможных инструментов политического управления, а смыслы и нарративы, формируемые государством и транслируемые в медиасреде – как источник власти в сетевом обществе. В этом контексте интересен ракурс взаимодействия власти с политическими сообществами: локальные сетевые сообщества и их влияние на власть. Однако сетевые политические сообщества зачастую выступают как политические акторы и в некотором смысле – это вызов политическому управлению.

Вместе с тем происходит формирование нового типа элиты – сетевой политической элиты, для которой характерна сетевая логика принятия решений. Лидеры мнений в сетевых политических сообществах фактически представляют собой сетевую элиту, которая оказывает влияние на формирование повестки дня сообщества.

«В любом обществе и даже в структурах власти люди и их команды постоянно объединяются в подвижные, эволюционирующие структуры, которые зачастую называют сетью сообществ. Именно таким образом формируется социальная ткань иного качества, которая представляет собой неформальные, взаимодействующие между собой центры самоуправления, демократического принятия решений и сотрудничества. Эти сети существуют в контексте разделяемых ценностей и ориентированы на достижение согласованных общими усилиями целей» [17, с. 169].

Новыми субъектами в политике выступают сетевые сообщества, играющие все большую роль в социально-политических практиках современной России. Роль сетевых политических сообществ трансформируется под влиянием постоянно расширяющихся и изменяющихся технологических возможностей. А возможность публичного обсуждения острых, значимых вопросов и проблем в виртуальном коммуникативном пространстве

сетей позволяет найти оптимальное и быстрое их решение.

Политические сети можно рассматривать как элемент гражданского общества, приобретающего новые формы в условиях изменяющегося политического ландшафта. Сетевое взаимодействие партий и гражданского общества может рассматриваться как площадки общественного контроля разработки и принятия политических решений. Все чаще в публичной сфере звучат предложения об объединении институтов гражданского общества и политических партий на основе коммуникационных платформ для решения актуальных общественных проблем. Очевидно, что развитие партнерских отношений представляется оптимальной стратегией взаимодействия.

Сетевые платформы позволяют конструировать сетевое общение, изменять объем и формат производства контента. На этой основе открываются широкие возможности формирования дискурса по актуальным социально-политическим вопросам. Совместные действия приводят к формированию отношений нового уровня между участниками на основе определенных договоренностей, что позволяет решать актуальные общественные проблемы. Повестка дня – ее предмет – экология, местное самоуправление, градостроительство, строительство дорог, несмотря на кажущуюся, на первый взгляд, хаотичность и неупорядоченность сетевых взаи-

модействий, в них практически всегда присутствуют координационные центры, которые регулируют каналы распространения информации, определяют формат ее подачи пользователю. Таким образом, интерактивные ресурсы политических сетей позволяют формировать форум мнений.

В коммуникативном пространстве сетевого общества происходит сопряжение интересов социальных групп, граждан, гражданского общества в целом и властных структур, в том числе и политической элиты. «Новыми акторами локальной политики являются сетевые сообщества, которые придают ей сетевое содержание, продуцируя разнообразные конфигурации в виде сетевых структур и виды публичной деятельности на основе разнообразных механизмов» [22, с. 440].

Исследователи отмечают возрастание роли сетевых сообществ в политической сфере. Это происходит посредством вовлечения пользователей сетей в процесс обсуждения и тем самым оказания влияния на процесс принятия политических решений. Иначе говоря, политические сети становятся агентом влияния на политическую власть. К их особенностям можно отнести: возможность быстрого выявления целевых аудиторий; эффективность коммуникаций; практически мгновенное распространение информации в online среде; ее координация – не только доведение ее до

пользователя, но и организация обсуждения.

Одна из причин формирования сетевых сообществ – удовлетворение потребностей и интересов их участников (индивидуальных и групповых). Политические отношения в сетевых сообществах представляют собой взаимоотношения и связи, складывающиеся в процессе коммуникации в сетях. Сетевые сообщества мобильны с точки зрения их состава, они подвижны, на формирование сообществ оказывает значительное влияние ситуативный фактор, политические события и явления, особенности политического процесса в регионе или территории. Один из важных вопросов – являются ли сетевые политические сообщества политическими акторами? Представляется, что ответ на него может быть положительным.

Необходимо упомянуть еще одну важную особенность сетевых коммуникаций, осуществляемых посредством узлов (в соответствии с теорией графов). Г. Г. Малинецкий характеризует ее следующим образом: «У большинства узлов нет возможности иметь слишком много связей, они вынуждены выбирать наиболее важные и ценные. Именно по этому пути происходит самоорганизация в сетевых структурах. С другой стороны, важно, чтобы “пройти” от одного узла к другому можно было достаточно быстро. При этом возникает феномен “малых миров”...» [7, с. 217]. Дж. Урри

характеризует их следующим образом: «...связи становятся эфемерными, но интенсивными, сфокусированными и перегруженными» [19, с. 396-397].

По данным опроса ВЦИОМ «А если без Интернета?» [1] (Пресс-выпуск № 3346) доля Интернет – пользователей в РФ составляет 75 % (для сравнения в 2012 году – 51 %). Среди молодежи в возрасте с 18 до 24 лет более 90 % ежедневно присутствуют в виртуальных сетях. С точки зрения анализа цели использования Интернета ранжируются следующим образом: на первом месте общение – для 61 % пользователей, информация – для 60 % и для развлечений сеть используют 54 %. Интересен тот факт, что среднее число лет использования Интернета составляет в среднем по стране составляет 9 лет, то есть в последнее десятилетие виртуальные сети являются неотъемлемой частью жизни россиян. «Самой популярной социальной сетью у россиян уже несколько лет остается «ВКонтакте» – ее выбирают 52 % интернет-пользователей. Вторую строчку в топе занимает теряющий популярность ресурс «Одноклассники». Если в 2012 г. этой соцсетью пользовался 61 % респондентов, то сегодня – 42 %. Мессенджер Whatsapp (18 %) обходит по популярности сети Facebook (13 %) и Instagram (12 %)» [3].

Особый интерес для исследователей представляет изучение ряда проблем сетевого общества: ин-

формационного неравенства, цифровой грамотности, интеллектуального расслоения, киберсоциализации, саморепрезентации в пространстве виртуальных коммуникаций, кризиса идентичности. Требуя своего изучения вопросы адаптации «человека политического» к новой социальной среде и виртуальной реальности, изменения его сознания и поведения (мировоззрения, политического сознания и политического поведения), формирования нового типа личности – «сетевого человека» и «сетевого политического человека» (включая его социальное, политическое, коммуникативное измерение).

Изменяющаяся среда обитания в контексте становления сетевого общества предъявляет ряд новых требований к современному человеку, которого в полной мере можно называть «человеком сетевым». Прежде всего к ним относятся развитие и совершенствование коммуникативных компетенций, вследствие расширения видов и форм социально-политических практик, а также цифровая грамотность пользователей. Таким образом, в процессе трансформации общества происходят существенные изменения репертуара компетенций «сетевого человека» по сравнению с «человеком политическим». При характеристике «сетевого политического человека» не обойтись без понятия «новая информационная культура», поскольку частная жизнь нивелируется в сетевом обществе.

Человек в цифровом обществе конструирует свою идентичность в условиях новой цифровой реальности. Коммуникативная компетентность предполагает «умение действовать с пониманием сути дела» [2, с. 266]. На первое место в компетенциях человека для достижения успеха в цифровом обществе выходит цифровая грамотность и навыки работы с информационными потоками.

В этой связи одной из важных составляющих репертуара компетенций « сетевого человека » является цифровая грамотность пользователей, предъявляющая ряд новых требований к человеку в сетевом обществе. С 2015 г. РОЦИТ – общественная организация, объединяющая активных интернет пользователей России (при поддержке Ростелекома, ВЦИОМ, НИУ ВШЭ, ряда доменов), реализует проект «Цифровая грамотность граждан России» [20]. Для оценки уровня цифровой грамотности населения был предложен Индекс цифровой грамотности, состоящий из субиндексов цифровых компетенций, цифровой безопасности и цифрового потребления. В 2015 году по десятибалльной шкале он составлял в среднем по стране 4,79, в 2016 г. – 5,42, в 2017 г. – 5,99. Результаты исследования в течение трех лет (2015-2017 годы) свидетельствуют о значительном росте цифровых компетенций (например, финансовые операции в Интернете), с точки зрения цифрового потребления

расширяется использование цифровых государственных услуг.

Принадлежность к множеству сообществ в реальном и виртуальном мире ставит перед человеком дилемму приоритета одного из них, однако онлайн и офлайн пространства в равной степени значимы для него, поскольку виртуальные сети стали неотъемлемой частью его жизни. «Осуществляя виртуальные действия в виртуальном мире, человек может получить практически весь спектр эмоций, сопровождающих аналогичные действия в реальности» [21, с. 99]. Формируя индивидуальное пространство в виртуальной реальности, человек самоидентифицируется с виртуальными сообществами. Для него важна личностная проекция коммуникативных взаимодействий, ведь под их влиянием происходит изменение Образа-Я, его идентичности (как уже упоминалось выше), то есть, по сути, происходит конструирование « сетевого политического человека ».

«Наблюдается переход от традиционной модели социализации, в своем роде общей, универсальной по воздействию на представителей одного поколения, к модели киберсоциализации» [12, с. 394-395].

Переход общества от одного технологического уклада к другому, от Web 3.0 к Web 4.0 влечет и неизбежные перемены в образовательном пространстве современной цифровой эпохи. В новых условиях ключевой задачей образования ста-

новится формирование новых компетенций у молодого поколения, таких как критическое мышление, креативность, коммуникативная компетентность.

Таким образом, «под влиянием виртуального коммуникативного пространства сетей происходит становление и социальная адаптация нового «сетевое политическое человека» [8, с. 156].

Наступающая антропогенная цивилизация предлагает иные возможности самореализации для молодого поколения. Происходят изменения в сознании и мышлении молодых людей. Одной из характеристик личности в новых условиях становится сетевая идентичность. Представляется, что в условиях гуманизации общества будут востребованы идеи открытого образования, комплексной оценки коммуникативных умений, критического мышления, уровня цифровой грамотности.

Ряд тенденций развития образования в цифровом формате очевиден:

интерактивные информационные и образовательные порталы, системы дистанционного обучения, электронный документооборот, информационно-консультативные центры, экспертные центры.

Вместе с тем, новые социальные практики, прежде всего образовательные и коммуникативные, преобразуют самого человека – изменяются его социальные качества, происходит приобретение новых навыков и компетенций практически во всех сферах жизни. Например, «социальная компетенция пересекается с образовательной – способностью человека к освоению информации разного уровня сложности» [10, с. 11].

Таким образом, в сетевом обществе у человека появляются новые возможности и механизмы конструирования политической реальности. А сетевые ресурсы представляют собой инновационные механизмы взаимодействия политических акторов.

Библиографический список

1. А если без Интернета? Пресс-выпуск № 3346 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. 07.04.2017. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116148>. – (Дата обращения: 09.10.19).
2. Болотова, А. К., Жуков, Ю. М. Психология коммуникаций [Текст] / А. К. Болотова, Ю. М. Жуков. – М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. – 496 с.
3. Исследование ВЦИОМ: Виртуальная реальность против реальной жизни. Выбор интернет-пользователей [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. 20.08.2012. – URL: <http://gtmarket.ru/news/2012/08/20/4900>. – (Дата обращения: 09.10.19).
4. Кин, Дж. Демократия и декаданс медиа [Текст] / Дж. Кин ; пер. с англ. Д. Кралечкина. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 312 с.
5. Коулман, С. Может ли Интернет укрепить демократию? [Текст] / С. Коулман ; науч. ред. Ю. Г. Мисников, А. В. Чугунов. – СПб. : Алетейя, 2018. – 132 с.

6. Лапкин, В. В., Семенов, И. С. «Человек политический» перед вызовами «infomodernity» [Текст] / В. В. Лапкин, И. С. Семенов // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 6. – С. 64-81.
7. Малинецкий, Г. Г. Высокие технологии – путь России в будущее [Текст] / Г. Г. Малинецкий. – М. : Книжный дом «Либроком», 2012. – 223 с.
8. Михайленок, О. М., Щенина, О. Г. Антропологическое измерение политики: новый «сетевой человек» [Текст] / О. М. Михайленок, О. Г. Щенина // Вестник Московского государственного областного университета. – 2018. – № 2. – С. 155-168. – DOI 10.18384/2224-0209-2018-2-884.
9. Осипова, Е. В. Человек и современная социальная реальность [Текст] // Антропологическое измерение российского государства / Отв. ред. В. Н. Шевченко. – М. : ИФРАН, 2009. – 214 с.
10. Прямикова, Е. В. Социальные науки в современном образовании: обоснование нового подхода [Текст] / Е. В. Прямикова // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 6. – С. 196-208.
11. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая [Текст] / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. – М. : Весь мир, 2017. – 424 с.
12. Самаркина, И. В. Политическая картина мира [Текст] // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И. С. Семенов. – М. : Издательство Весь мир, 2017. – С. 392-398.
13. Семенов, Е. Е. Виртуальная сетевая парадигма политической активности [Текст] / Е. Е. Семенов // Власть. – 2013. – № 4. – С. 34–38.
14. Семенов, И. С. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению [Текст] / И. С. Семенов // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 3. – С. 7-26.
15. Современная политическая наука. Методология [Текст] / Отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. – М. : Аспект Пресс, 2019. – 776 с.
16. Соколов, А. В., Маклашин, И. С. Новые принципы организации гражданской активности [Текст] / А. В. Соколов // European Social Science Journal. – 2013. – № 11-1. – С. 492–498.
17. Судоргин, О. А. Электронное государство – реакция власти на сетевизацию общества [Текст] / О. А. Судоргин // Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. – № 2. – С. 167-170.
18. Тейлор Стивен Л. Политика [Текст] / пер. с англ. П. Полуйко ; под ред. Стивена Л. Тэйлора. – М. : РИПОЛ классик. 2014. – 160 с.
19. Урри Дж. Мобильности [Текст] / Дж. Урри. – М. : Практика, 2012. – 576 с.
20. Цифровая грамотность. [Электронный ресурс] // Официальный сайт РОЦИТ. – URL: <http://цифроваяграмотность.рф/mindex/2017/>. – (Дата обращения: 09.10.19).
21. Чеснокова, Т. Ю. Постчеловек. От неандертальца к киборгу [Текст] / Т. Ю. Чеснокова. – М. : Алгоритм, 2008. – 368 с.
22. Ячменник, К. В. Трансформация акторов локальной политики в пространстве сетевого фронта [Текст] // Время больших перемен. Материалы Всероссийской научной конференции РАПН с международным участием. Москва, РУДН,

24-25 ноября 2017 года / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. – М. : РУДН, 2017. – 444 с.

Bibliograficheskij spisok

1. A esli bez Interneta? Press-vypusk № 3346 [Jelektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt VCIOM. 07.04.2017. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116148>. – (Data obrashhenija: 09.10.19).
2. Bolotova, A. K., Zhukov, Ju. M. Psihologija kommunikacij [Tekst] / A. K. Bolotova, Ju. M. Zhukov. – М. : Izd. Dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2015. – 496 s.
3. Issledovanie VCIOM: Virtual'naja real'nost' protiv real'noj zhizni. Vybor internet-pol'zovatelej [Jelektronnyj resurs] // Centr gumanitarnyh tehnologij. 20.08.2012. – URL: <http://gtmarket.ru/news/2012/08/20/4900>. – (Data obrashhenija: 09.10.19).
4. Kin, Dzh. Demokratija i dekadans media [Tekst] / Dzh. Kin ; per. s angl. D. Kralechkina. – М. : Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2015. – 312 s.
5. Koulman, S. Mozhet li Internet ukrepit' demokratiju? [Tekst] / S. Koulman ; nauch. red. Ju. G. Misnikov, A. V. Chugunov. – SPb. : Aletejja, 2018. – 132 s.
6. Lapkin, V. V., Semenenko, I. S. «Chelovek politicheskij» перед вызовami «infomodernity» [Tekst] / V. V. Lapkin, I. S. Semenenko // Polis. Politicheskie issledovanija. – 2013. – № 6. – S. 64–81.
7. Malineckij, G. G. Vysokie tehnologii – put' Rossii v budushhee [Tekst] / G. G. Malineckij. – М. : Knizhnyj dom «Librokom», 2012. – 223 s.
8. Mihajlenok, O. M., Shhenina, O. G. Antropologicheskoe izmerenie politiki: novyj «setevoj chelovek» [Tekst] / O. M. Mihajlenok, O. G. Shhenina // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. – 2018. – № 2. – S. 155–168. – DOI 10.18384/2224 0209 2018 2-884.
9. Osipova, E. V. Chelovek i sovremennaja social'naja real'nost' [Tekst] // Antropologicheskoe izmerenie rossijskogo gosudarstva / Otv. red. V. N. Shevchenko. – М. : IFRAN, 2009. – 214 s.
10. Prjamikova, E. V. Social'nye nauki v sovremennom obrazovanii: obosnovanie novogo podhoda [Tekst] / E. V. Prjamikova // Social'no-gumanitarnye zna-nija. – 2009. – № 6. – S. 196–208.
11. Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga pjataja [Tekst] / pod red. M. K. Gorshkova, V. V. Petuhova. – М. : Ves' mir, 2017. – 424 s.
12. Samarkina, I. V. Politicheskaja kartina mira [Tekst] // Identichnost': Lichnost', obshhestvo, politika. Jenciklopedicheskoe izdanie / Otv. red. I. S. Semenenko. – М. : Izdatel'stvo Ves' mir, 2017. – S. 392–398.
13. Semenov, E. E. Virtual'naja setevoj paradigma politicheskij aktivnosti [Tekst] / E. E. Semenov // Vlast'. – 2013. – № 4. – S. 34–38.
14. Semenenko, I. S. Gorizonty otvetstvennogo razvitija: ot nauchnogo dis-kursa k politicheskomu upravleniju [Tekst] / I. S. Semenenko // Polis. Politicheskie issledovanija. – 2019. – № 3. – S. 7–26.
15. Sovremennaja politicheskaja nauka. Metodologija [Tekst] / Otv. red. O. V. Gaman-Golutvina, A. I. Nikitin. – М. : Aspekt Press, 2019. – 776 s.

16. Sokolov, A. V., Maklashin, I. S. Novye principy organizacii grazhdan-skoj aktivnosti [Tekst] / A. V. Sokolov // European Social Science Journal. – 2013. – № 11–1. – S. 492–498.
17. Sudorgin, O. A. Jelektronnoe gosudarstvo – reakcija vlasti na seteviza-ciju obshhestva [Tekst] / O. A. Sudorgin // Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk. – 2010. – № 2. – S. 167–170.
18. Tejlor Stiven L. Politika [Tekst] / per. s angl. P. Polujko ; pod red. Stivena L. Tjejlora. – M. : RIPOL klassik. 2014. – 160 s.
19. Urri Dzh. Mobil'nosti [Tekst] / Dzh. Urri. – M. : Praksis, 2012. – 576 s.
20. Cifrovaja gramotnost'. [Jelektronnyj resurs] // Oficial'nyj sayt ROCIT. – URL: <http://cifrovajagramotnost'.rf/mindex/2017/>. – (Data obrashhenija: 09.10.19).
21. Chesnokova, T. Ju. Postchelovek. Ot neandertal'ca k kiborgu [Tekst] / T. Ju. Chesnokova. – M. : Algoritm, 2008. – 368 s.
22. Jachmennik, K. V. Transformacija aktorov lokal'noj politiki v prostranstve setevogo frontira [Tekst] // Vremja bol'shih peremen. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii RAPN s mezhdunarodnym uchastie. Moskva, RUDN, 24 25 nojabrja 2017 goda / Pod red. O. V. Gaman-Golutvinoj, L. V. Smorgunova, L. N. Timofeevoj. – M. : RUDN, 2017. – 444 s.

DOI 10.24411/2658-428X-2019-10545
УДК 352

Л. И. Никовская

<https://orcid.org/0000-0002-1160-5801>

В. Н. Якимец

<https://orcid.org/0000-0003-4953-2932>

Введение в предметное поле муниципальной публичной политики

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта РФФИ № 19-011-31282 «Исследование состояния и возможностей совершенствования институтов и механизмов публичной политики на муниципальном уровне на основе индексного подхода».

Для цитирования: Никовская Л. И., Якимец В. Н. Введение в предметное поле муниципальной публичной политики // Социально-политические исследования. – 2019. – № 4 (5). – С. 36–53

В статье анализируются различные интерпретации понятия «публичное» и «публичная политика», показано, что в развитых демократических странах тематика, связанная с публичной политикой, постоянно была в фокусе теоретических дискуссий, рассматривалась как органическая часть политической науки, без которой было немыслимо представить механизмы формирования политики, взаимодействия в этом процессе государства, гражданского общества и бизнеса. Также подробно рассматриваются различные трактовки концепта публичной политики в различных исследовательских школах России. Впервые вводится в оборот понятие «муниципальной публичной политики» и очерчивается его предметное содержание. Показано, что оно связано прежде всего с особенностями локального порядка социально ориентированного свойства, опирающегося на баланс интересов основных социальных групп местного сообщества и власти, межсекторное партнерство и принципы согласования интересов во имя общего блага развития территории.

Ключевые слова: публичная политика, гражданское общество, субъекты, институты, муниципальная публичная политика.

L. I. Nikovskaya, V. N. Yakimets

Introduction to the subject field of municipal public policy

The article analyzes different interpretations of the concept of "public" and "public policy". It is shown that in developed democratic countries the topic of public policy has always been the focus of theoretical discussions, was considered as an organic part of political science, without which it was unthinkable to imagine the mechanisms of policy formation, interaction in this process of the state, civil society and business. Various interpretations of the concept of public policy in various research schools of Russia are

also considered in detail. For the first time the concept of "municipal public policy" is introduced into circulation and its subject content is outlined. It is shown that it is connected first of all with features of the local order of socially oriented property based on balance of interests of the main social groups of local community and the power, intersectoral partnership and principles of coordination of interests for the sake of the general good of development of the territory.

Key words: public policy, civil society, subjects, institutions, municipal public policy.

Для осуществления задач про-
рывного развития страны [20] на
основе демократических ценностей
важным фактором, как показывает
мировая практика, является актив-
ная деятельность гражданского об-
щества, опирающегося на принци-
пы доверия и солидарности. Граж-
данское общество может полноцен-
но развиваться и функционировать
только в публичном пространстве.
Именно поэтому на первый план
выдвигаются вопросы о характере
взаимоотношений государства и
гражданского общества, которые
могут существовать в публичной
сфере, в рамках которой и соверша-
ется процесс совместной выработ-
ки решений по общезначимым со-
циальным проблемам, затрагиваю-
щим многие аспекты той сферы, в
которой осуществляется диалог.
Эта сфера, как известно, получила
название «публичной». Последнее
можно определить как ту область
общественной жизни, в которой
происходит формирование такого
явления, как общественное мнение
[32, р. 288-299].

По мнению Ю. Хабермаса, пуб-
личная сфера опосредует отноше-
ния между государством и обще-
ством и позволяет сформироваться

публике как проводнику обще-
ственного мнения. Соответственно,
принцип публичности сделал воз-
можным демократический контроль
над деятельностью государства.
Таким образом, по мысли исследо-
вателя, наиболее эффективным ме-
ханизмом воздействия общества на
власть является механизм публич-
ного выражения общественного
мнения, или механизм публичной
политики. Именно свобода публич-
ного выражения и степень влияния
на власть общественного мнения
являются общепризнанными крите-
риями оценки политической систе-
мы любого государства. Характер и
качество функционирования меха-
низма публичной политики зависят
от таких основополагающих факто-
ров как организация и обеспечение
свободы доступа к источникам ин-
формации, прежде всего в структу-
рах власти, развитость политиче-
ских и общественных структур об-
щества, юридические, экономиче-
ские и технологические условия
деятельности средств массовой
коммуникации.

Во многом с мнением Ю. Ха-
бермаса пересекается и позиция
М. Риттера, который настойчиво
предлагал понимать категорию

публичной политики через «демократию участия», или «партиципаторную» демократию: «Партиципаторная и нормативная теории демократии исходят из того, что постоянное добровольное участие населения в политическом процессе является единственной гарантией сохранения настоящей демократии... Построение демократических институтов, таких, как парламент, правительство, правовые институты, органы исполнительной власти, находящиеся под контролем, не может произойти без участия населения» [19, с. 38]. Именно практики и технологии общественного участия могут быть реализованы только усилиями конкретных людей и организаций, которые готовы затрачивать время и другие ресурсы для развития таких практик.

На Западе тематика, связанная с публичной политикой, постоянно была в фокусе теоретических дискуссий, рассматривалась как органическая часть политической науки, без которой было невозможно представить механизмы формирования политики, взаимодействия в этом процессе государства, гражданского общества и бизнеса. Любой профессиональный политик получал квалификацию по «policy science». В книге американского философа Д. Дьюи «Публичное и его проблемы», вышедшей в 1927 г., «публичное» истолковывалось как способ регулирования обществом тех реально существующих интересов, эффект которых

выходит за рамки прямого взаимодействия частных лиц и существенно сказывается на жизни многих граждан общества [28]. В послевоенный период интерес к проблематике публичной политики был вызван изданной в 1962 г. в Германии книгой Ю. Хабермаса «Структурная трансформация публичной сферы». Помимо раскрытия смысла этой категории, рассмотрения ее исторического генезиса, автор, опережая время, обозначил наиболее острые узлы взаимодействия публичного и частного в современных условиях. Английское переиздание книги в 1989 г. попало уже на подготовленную почву и вызвало бурную дискуссию, продолжающуюся и по сей день [27]. Сам же Хабермас не раз развивал и уточнял содержательное наполнение категории «публичная политика» и ее проявлений в различных социально-политических условиях [30].

Таким образом, в западном общественном сознании существует обширная научная литература, издаются учебники, в которых дается определение публичной политики, раскрывается то, как определяется политическая повестка дня, каков процесс принятия политических решений, их осуществления и коррекции, каковы критерии оценки и методы анализа достигнутых результатов и упущений [33]. Исследования публичной политики, функционирующей в пространстве публичности, в зарубежной литературе связаны с именами Теодоро

Адорно, Ханна Арент, Пьера Бурдье, Ирвинга Гофмана, Никласа Лумана, Ульриха Саркинелли, Юргена Хабермаса, Ричарда Сеннета.

Европейская традиция исследования публичной политики в большей степени сосредоточена на исследовании процесса подготовки, обсуждения, принятия и исполнения политико-управленческих решений, с акцентом на участии в этих процессах не только властных структур, но и других акторов – различных групп влияния, защитников интересов тех или иных меньшинств, экологических ассоциаций, а также экспертного сообщества. Этим область public policy отличается от public administration, в рамках которой угол зрения направлен все же на деятельность структур исполнительной власти, действующих тем не менее в режиме постоянных консультаций с разнообразными негосударственными акторами публичной политики.

Хорошее представление об основных направлениях исследований в области публичной политики (public policy) в англоязычных странах и странах Западной Европы можно получить из вышедшего в 2008 г. сборника переводов под названием «Публичная политика: от теории к практике» [18]. Так, в одной из постановочных статей этого издания «Политика. Кто создает политику (policy)?» Хэл Коулбач, авторитетный председатель Исследовательского комитета по публичной политике и администри-

рованию МАПН, анализирует, как происходит включение различных акторов в процесс принятия решений, и останавливается подробнее на властных структурах, на роли экспертизы и экспертного сообщества, а также на способах упорядочивания этого процесса. В частности, он подчеркивает: «...разработка политического курса связана с установлением и регулированием порядка среди разнообразных участников политико-управленческого процесса, что относится не столько к принятию решений, сколько к переговорному процессу» [6, с. 44]. По мнению Коулбача, важной частью процессов публичной политики являются различные более или менее стабильные формы коллективной разработки социально-политического курса, примерами которых могут быть межминистерские комитеты, консультативные советы с участием бизнеса, НКО и университетов либо такие структуры как «проблемные сети».

Тема российской публичной политики приобрела достаточно широкое звучание после «Гражданского форума» (Москва, 2001 г.), «Тольяттинского диалога» (2002 г.), III Всероссийского конгресса политологов «Выборы в России и российский выбор» (2003 г.), в рамках которого работала секция «Публичная политика как инструмент российского выбора». В докладах Н. Ю. Беляевой, В. В. Лобанова, Ю. А. Красина, А. Ю. Зудина, Л. И. Никовской, С. П. Перегудова,

В. Н. Якимца основной акцент при понимании сущности публичной политики был сделан на том, что реалии современной российской демократии имеют ряд принципиальных особенностей, которые оказывают существенное влияние на проявление публичности. Концепт публичности принято определять как «открытость, доступность и коллективность». Понятие «публичность» характеризует открытую понимание и вниманию общественную политику и иные виды деятельности, доступные наблюдению и контролю процедуры принятия решений, гласность дискуссий, открытость «политической сцены», выступлений лидеров и т. д. Публичность образует сферу коллективности, ассоциативное пространство, в котором по разным признакам группируются члены общества, агрегируются взгляды, эмоции, возникают и функционируют политические партии, общественные организации, творческие и иные союзы (публичное пространство, по определению Ю. Хабермаса). В этом пространстве встречаются и взаимодействуют либо противостоят друг другу организованные, институциональные, формализованные и спонтанные общественные формирования (общественные движения, «народные фронты» и т. п.). В нем сочетаются процессы организации и самоорганизации, управления и самоуправления.

Как отмечает Наталья Шматко, «сам термин “публичная политика”

до сих пор не выражает какого-либо социологического понятия. За ним стоит лишь ограниченный и рыхлый образ, смутное представление, задействованное в политическом дискурсе» [25]. Несмотря на то, что на данный момент многие признают, что понятие «публичная политика» достаточно абстрактно, это не отменяет всей его актуальности в научном дискурсе. Сегодня существует достаточно широкий спектр определений публичной политики. По мнению большинства современных отечественных политологов, одной из первых работ по данной проблематике является работа Н. Шматко «Феномен публичной политики», где автор весьма четко обозначает возникшую терминологическую проблему: «Публичная политика – предмет неясный и плохо определенный. Однако он заставляет нас задуматься о двух сменяющих друг друга во времени состояниях поля политики, взятого в его отношениях с полем журналистики и социальных наук, а также государством. Публичная политика есть новая фигуративность государства, поля политики, журналистики, социальных наук. Публичная политика опрокидывает иерархию полей, которая задается привычными оппозициями: политика – журналистика, политика – социальные науки, журналистика – социальные науки. Но это опрокидывание не предполагает установления новой структуры, новой иерархии» [26, с. 106-112].

Многие российские исследователи публичной политики отмечают некоторую двойственность в толковании самого понятия «политика». Если семантика слова «politics» понимается как состязание, борьба, битва за власть, то основополагающим семантическим началом для понимания публичной политика является концепт «публичности», который в последнее время все больше сопрягается с феноменом зрелищности. Иными словами, публичная политика, по сути, становится элементом массовой культуры, причем далеко не лучшим ее образцом. Чем ярче шоу, тем более публичным оно может стать. Если же речь идет о категории «policy» – государственное управление, то публичность трактуется как широкое распространение информации о деятельности органов власти. В этом случае, чем лучше развит элемент публичности, тем больше шансов у власти достигнуть контроля над гражданским обществом. О двоякости термина «публичная политика» достаточно много рассуждает А. Ю. Сунгуров: «Как известно, и сам термин “политика” имеет, по крайней мере, два смысла. Во-первых, политика (politics) означает действия по завоеванию и удержанию власти, и связана с тактикой политических действий, планированием политических кампаний, выборными технологиями и политической борьбой. Во-вторых, под политикой (policy) понимают также разработку политической

стратегии по отношению ко всему обществу или отдельным отраслям, территориям» [22, с. 8-28]. Таким образом, уже обозначенная двоякость говорит о допустимости разного понимания этого феномена. Кроме того, зачастую принятое отождествление публичной политики и политических шоу приводит к недопустимым терминологическим огрублениям, хотя практика публичности некоторых представителей нашей власти делает это терминологическое огрубление реальной стратегией взаимодействия.

Другой ракурс понимания категории публичной политики основан не на этимологическом, а на содержательном контексте, то есть на потенциальной возможности сузить или расширить границы подобного понимания. В узком смысле, под публичной политикой со времен Юргена Хабермаса, принято понимать некое пространство или область социальной жизни, в которой формируется общественное мнение, возникает своеобразная диалоговая площадка публичного дискурса по поводу значимых проблем общества и государства. В широком смысле, категория публичной политики воспринимается через противопоставление «публичный – приватный», «общий – частный». Тогда под публичностью понимаются взаимоотношения общества и государства, которые выходят за рамки созерцания и рефлексии и трансформируются в совместные действия, направленные на достижение

социально-значимого результата. Говоря иными словами, под публичной политикой (*далее ПП*) понимается взаимодействие государственной власти с гражданским обществом, когда первое действует в общественных интересах и с реальным учетом общественного мнения.

Весьма интересной является трактовка категории публичной политики через противопоставление понятий «публичное – приватное», которая обозначена в работах О. Н. Костюковой, Г. Р. Осипова, А. А. Саренкова. Отталкиваясь от анализа семантического концепта «подчинение», эти исследователи показывают, что, в отличие от европейских политий, где данная оппозиция выстраивается достаточно четко, в российской политике она постоянно разрушается. Истоки такого положения вещей авторы видят в традиционной для России претензии государства на охват всего социального пространства. Кроме того, они не только настаивают на том, что сейчас мы отчетливо фиксируем тенденцию сведения публичных отношений к приватным, но и трактуют этот процесс как «исторический реванш» приватности, которая мстит за века своего унижения, захватывая все новые сферы публичного политического пространства. «Мстящая за века своего унижения приватность захватывает все новые сферы публичного пространства. Одним из неожиданных следствий проводи-

мых в стране преобразований стало разрушение оппозиции “приватное – публичное”, ранее вполне ясно осознаваемой» [5, с. 62-70].

Обозначение же феномена публичной политики (*далее ПП*) через такие категории как «взаимодействие», «диалог», «партнерство» является наиболее популярным в пространстве политического дискурса современной России. Приведем определение ПП, данное известным специалистом по изучению проблемы групп интересов в публичном пространстве С. П. Перегудова: «Публичная политика – та сфера политических отношений, в которой институты государства и гражданского общества взаимодействуют в условиях относительной гласности (публичности) и открытости» [13, с. 70].

Стоит выделить первую в России фундаментальную методологическую и концептуальную работу, выполненную научным коллективом под руководством доктора философских наук, главного научного сотрудника ИС РАН Ю. А. Красина [14], в которой системно исследуются проблемы публичной сферы и публичной политики применительно к постсоветской России. Осмысляя суть понятия публичной политики, Красин определяет его как «пространство пересечения частных интересов, подлежащее общественному контролю (пространство публичной политики) в интересах сохранения и развития общества. Это пространство и представляет

собой публичную политику» [14, с. 28]. Работа авторского коллектива под руководством профессора Ю. А. Красина в большей степени характеризуется общеполитическим и методологическим ракурсом рассмотрения проблематики ПП.

Немало для осмысления и исследования общей теории публичной политики делается кафедрой публичной политики ГУ-ВШЭ под руководством кандидата юридических наук профессора Н. Ю. Беляевой [15], а также гуманитарно-политологическим Центром «Стратегия» [16] под руководством доктора политических наук профессора А. Ю. Сунгурова. Исследователи данных школ весьма своеобразно провели интеллектуальную «топологию»: активистский тип ценностей и деятельностный подход, ориентированный на выработку, в первую очередь, успешных технологий гражданского участия, развивается в Центре «Стратегия» под руководством А. Ю. Сунгурова. А особое внимание к многообразным субъектам и формирующимся институтам публичной политики стало «фирменным знаком» специалистов кафедры публичной политики ГУ-ВШЭ под руководством Н. Ю. Беляевой [1, с. 75].

Достаточно подробный анализ концепта «публичная политика» в контексте сравнительной политологии представлен в работах руководителя Исследовательского комитета по сравнительной политологии РАПН д. филос. н. Л. В. Сморгун-

ва [23, с. 359-375], который двигался к освоению его предметного содержания в рамках исследования публичного управления. Так, в частности, одно из определений концепта ПП дано следующим образом: «Политическая работа (policywork) предполагает более широкие контексты и практики, чем рациональная торговля или обмен ресурсами. В этом отношении управление публичной политикой – это не только структурные переменные (сложность, множество, неопределенность), но и процессуальные и оперативные изменения, связанные с другим характером управления, основанным на принципах открытости, дискуссии и откровенности, в центре которых лежат проблемы сотрудничества и координации. Эти принципы и проблемы являются центральными для определения управления как governance» [24, с. 10-18].

К разработке данной проблематики подключаются и региональные институты и университеты, в частности, Пермский госуниверситет [17], кафедра политических наук (заведующая доктор политических наук, профессор Л. Н. Фадеева), Кемеровский госуниверситет, кафедра политологии и социологии (заведующий доктор философских наук, профессор В. В. Желтов) [2]. Так, в частности, проведя обстоятельный анализ западных источников по проблеме раскрытия понятия «публичной политики», В. В. Желтов и М. В. Желтов делают обоб-

щающий вывод, что многообразие научных подходов можно объединить в три группы, в которых публичная политика означает нормативную рамку действия; комбинирует элементы публичной силы и элементы экспертизы; стремится навести локальный порядок [2, с. 638].

Особо хочется выделить результаты освоения понятийной проблематики ПП Кубанской школой политологии, где особый акцент был сделан на аспекте сетевых взаимодействий: «Интерпретация публичной политики с позиций пространственных координат позволяет охарактеризовать ее как целостный феномен, включающий в себя информационно-дискурсивное, деятельностно-активистское и управленческое измерения одновременно. При этом подвижность границ публичной политики, ее аутентичность и действенность обуславливаются как характером публичного администрирования (политическим режимом), так и практикой гражданского самоопределения» [8, с. 31-49]. Сетевой подход к исследованию ПП фиксирует сложность и нарастающее многообразие современного общества на основе увеличивающегося влияния новых, электронных информационно-коммуникативных технологий. Сетевая ПП разворачивается в интегрированном с Интернет-средой публичном пространстве и представляет собой одновременно процесс и результат взаимодействия

широкого круга разнообразных социально-политических акторов, использующих сетевые ресурсы и технологии для выработки способов решения социально-значимых проблем и внедрения их в управленческую практику [21, с. 250-262]. На смену властному домированию национальных государств и правительств приходит коммуникативная власть многообразных сообществ, сетей и индивидов, обладающих значимыми рефлексивными возможностями. Публичные пространства рождаются не только «снизу» активными самоорганизующимися акторами, но и «сверху» путем целенаправленного проектирования. Традиционные иерархические политические институты начинают «вибрировать», так как испытывают трудности, связанные с появлением множества властных центров и распылением информации.

Для понимания сложности и многоплановости категории публичной политики следует отметить огромный интерес к этому понятию со стороны представителей государственного и муниципального управления, когда речь идет о соотношении политических и административных свойств государственной власти, о качестве и эффективности современного государственного управления. В этом отношении особо подчеркивается, что термин *polісу* сейчас широко используется в дискурсе о государственном управлении: «Практика адми-

нистрирования и публично-государственного управления должна быть предметом постоянного обсуждения, когда рутина, стандарты и поставленные цели всегда кем-то обсуждаются» [7, с. 351-352]. Острая потребность в переосмыслении качества деятельности управленцев, включенных в широкую систему иерархической власти, вызвана существенными социальными сдвигами в обществе.

В условиях глобализации и информационного взрыва, перехода к инновационному типу развития сложно и неоднозначно кристаллизуются социальные интересы, рождаются новые социальные регуляторы и институты. Мир вступает в новую ступень цивилизационного развития. Это не могло не отразиться на существенных характеристиках в системе гражданского общества: резко возросла эмансипация личности от государства, сократилось пространство его командного воздействия, произошло энергичное развитие и усложнение горизонтальных социальных связей, сплетение многообразных гражданских институтов и движений в целостную сеть. Это предопределило поиск адекватных моделей взаимодействия государственных структур и гражданского общества в рамках представительной демократии.

Именно в это время в западной мысли к концу XX столетия наблюдается колоссальный интерес к концепту публичной политики, поскольку исторически публичная

политика возникла на волне дискуссии о повышении эффективности государственного управления, и, самое главное, расширения возможностей участия гражданского общества в политическом процессе. Так, английский исследователь Род Роудсон в известной статье «Новый метод управления: управление без правительства» [35, р. 46-63] рассматривает разнообразие смыслов нового метода управления (governance) и демонстрирует возможности его применения при анализе правительственных структур в Великобритании. Актуальность данного понятия, по его мысли, состоит в том, что необходим поиск новых принципов государственного управления в условиях глобализации, изменения роли государства и общества в развитых странах.

Таким образом, если деятельность органов государственной власти и местного самоуправления является в России предметом внимания такого научного направления, как «государственное и муниципальное управление», а функционирование структур гражданского общества – социологии общественных движений, то область исследований публичной политики пересекается с тем и другим одновременно в аспекте их взаимодействия в процессе подготовки, принятия и реализации управленческих решений и формирования «повестки дня» того или иного уровня сообщества (*выделено нами – Л. Н. и В. Я.*).

В российском дискурсе это направление, соединяющее субъектные и институциональные аспекты реконструкции феномена публичной политики, представлено в исследовательских работах Л. И. Никовской и В. Н. Якимца: «Публичная политика во всем многообразии своего проявления представляет собой широкий круг процессов и явлений. Во-первых, она является собой особое качество государственного управления, которое все более ориентируется на идеи постбюрократической организации, предполагающей отказ от традиционной иерархической структуры управления в пользу горизонтальных отношений партнерства, кооперации, перехода от “логики учреждения” к “логике обслуживания”, к развитию нового государственного менеджмента, исключающего жесткие вертикальные формы “господства – подчинения” (на это были нацелены все административные реформы, проводившиеся в современном мире в последнюю четверть XX века). Во-вторых, активное гражданское участие и соответствующие процедуры в принятии властных решений; в-третьих, разработку с общественным участием различного рода программ для решения возникающих в обществе проблем, а также социальные технологии их реализации; в-четвертых, она охватывает процесс двусторонней коммуникации разнообразных общественных групп, выстраиваемых большей ча-

стью симметрично, в диалоговом режиме» [9, с. 224-232; 10, с. 56-66; 11, с. 80-92].

Связывая публичную политику с контекстом системной трансформации, авторы подчеркивают, что развитие предпосылок технологического рывка и формирования национальной инновационной системы требуют «диверсификации» вертикали управления в сторону расширения действия принципов конкурентности, плюрализма, открытости, диалога, то есть тех принципов, на которых основывается деятельность гражданского общества. Способность органов власти, бизнеса и гражданских инициатив к партнерству и консолидации во имя внедрения и стимулирования инноваций – один из важнейших критериев современного развития, важнейших ресурс преодоления технологической отсталости. Думается, что именно институт публичной политики выступает тем социально-политическим образованием, которое по своей природе и призванию выступать условием и средством, позволяющим обществу формировать стратегическую повестку дня, создавать внутренние стимулы и ценности творческого и инновационного развития, переводить возникающие в этом процессе конфликты и столкновения в позитивно-функциональное русло, превращая их тем самым в элемент социальной динамики.

На основе разработанного авторами нового инструмента для коли-

чественной оценки и мониторинга состояния ПП в регионах России (далее ЯН-индекс) исследовались институты, механизмы и субъекты публичной политики в регионах России. За 10 лет исследований в 44 регионах было опрошено более 4 тыс. респондентов из трех секторов и получены следующие результаты: выявлена типология региональной ПП; выявлены рейтинг и антирейтинг институтов ПП в регионах; выявлено качество функционирования институтов ПП по критерию состоятельность/слабосостоятельность/несостоятельность. Это давало возможность составить полностью институциональный дизайн региональной ПП и позволить региональным властям проводить «ремонт» несостоятельных институтов и мониторить их состояние из года в год; исследование муниципальной ПП и ее особенностей по заказу аппарата Президента Республики Татарстан [4, с. 73-84]; впервые был введен и апробирован критерий полноты субъектного потенциала в поле публичной политики на муниципальном уровне, что реально позволяло замерять степень активности всех игроков публичного пространства на уровне МСУ и региона.

В 2019 году нами было проведено исследование состояния и институтов, и механизмов муниципальной публичной политики на базе двух регионов ЦФО – Костромской и Ярославской областей, и оно показало, что муниципальная

ПП имеет свои особенности как социально-политическое явление. Опыт функционирования публичной политики на муниципальном уровне позволил подтвердить вывод о том, что публичная политика получает свое полное выражение в утверждении определенного «местного порядка». По мысли французского социолога Е. Фридберга, она является собой «относительно автономное политическое создание, которое осуществляет на своем уровне регулирование конфликтов между заинтересованными сторонами, а также обеспечивает артикуляцию и приводит в соответствие их индивидуальные и коллективные цели и интересы» [29].

Так, наше исследование показало, что в муниципальных образованиях двух областей ЦФО наблюдаются тенденции отрыва оценок муниципальной власти от оценок остальных двух публичных акторов – НКО-сообщества и малого бизнеса (причем в Костромской области этот тренд был выражен более ярко, в Ярославской – менее). Муниципальная власть испытывает определенное влияние регионального уровня государственной власти. Это не могло не сказаться на снижении качества функционирования гражданского общества: его институты и элементы (профсоюзы и общественные объединения бизнеса, партии, СМИ и пр., а также механизмы и институты межсекторного партнерства) встраиваются в «вертикаль власти», что на мест-

ном уровне, который наиболее приближен к живым и чувствительным проблемам населения, тут же выявляет разрывные факторы разбалансированности публичной политики. Что это означает для существа понимания муниципальной публичной политики? А то, что она по своей сути призвана управлять теми последствиями разрегулирования местного общества, которые порождаются корпоративистской политикой.

Можно вполне согласиться с тем, что корпоративистские модели представительства интересов, когда в политическом поле действует ограниченное число неконкурирующих, иерархически упорядоченных и функционально различных образований, которые получают одобрение или лицензируются государством и стремятся к монополии на представительство интересов в соответствующей области, толкают местное сообщество в направлении нарастания состояния неравновесия. А это порождает «проблемы», «дисфункции» или «обратные эффекты», которые, в свою очередь, становятся объектами публичной политики.

По сути, муниципальная публичная политика противостоит той социальной асимметрии, которую создает чрезмерная корпоративизация общества, когда интересы корпорации приходят в противоречие с интересами развития территории или местного сообщества. Какие это имеет социально-политические последствия? По точному наблюдению французских исследователей

публичной политики Пьера Мюлле и Ив Сюреля, «всякое секторизованное общество всегда сталкивается с проблемами социально связанности. Такое общество неизбежно сталкивается с угрозами дезинтеграции. Однако это имеет место в том случае, когда оно оказывается неспособным преодолеть межсекторальные противоречия и антагонизмы. Именно эти угрозы призвана преодолевать публичная политика» [34, р. 13-14]. Наше исследование показало, что муниципальная публичная политика является самым полным выражением публичной политики: она не терпит ведомственных границ, конфликтной разобщенности и абсолютизации интересов одной из сторон публичного взаимодействия. Интегральный Индекс муниципальной публичной политике в Костроме показывает, что оценки всех трех групп (муниципальной власти, НКО, малого и среднего бизнеса) почти консолидированы. Они расположены в централизованной области. В Ярославле эффект консолидации всех трех групп выражен более сильно. Это значит, что в своих принципиальных ожиданиях все три группы публичного взаимодействия не отрываются друг от друга и готовы слышать взаимные предложения. Значит, есть потенциал для роста. Важно с учетом полученных результатов выработать предложения по улучшению институтов и механизмов публичного

взаимодействия и диалога в публичном пространстве.

Таким образом, приведенные выше данные свидетельствуют, что потенциал и ресурс муниципальной публичной политики является важным фактором устойчивого развития территорий и позитивной консолидации местного сообщества вокруг задач формирования социально-ориентированного локального порядка, где одним из ведущих оснований выступает критерий доверия. Именно поэтому можно со всей определенностью говорить, что развитие институтов и технологий муниципальной публичной политики на уровне местного сообщества способствуют формированию мотивации к конструктивному партнерству во имя развития локального сообщества и кумулятивному эффекту в функционировании социального капитала.

Социальный капитал – это продукт организованного взаимодействия, имеющий общественную, а не индивидуальную природу. По мнению американского социолога А. Портеса, экономический капитал находится на банковских счетах, человеческий капитал – в головах людей, социальный же капитал присущ структуре человеческих отношений. Он включает в себя горизонтальные связи между людьми, социальные сети и соответствующие нормы, которые воздействуют на продуктивность и благосостояние различных сегментов сообщества. Последние иссле-

дования 90-х гг. Р. Патнэма показали на существенную связь социального капитала с существованием гражданского общества. Исследуя взаимозависимость культуры и экономического благосостояния различных сообществ, он пришел к выводу, что материальное благосостояние не является причиной развития социального капитала, но, наоборот, экономический рост происходит в тех странах, где имеется развитие гражданской ответственности [12, с. 16-17]. Почему? Распространенность многообразных локальных сетей и высокая степень доверия внутри них способствует быстрому и эффективному принятию коллективных решений и стимулирует действенные совместные действия (выделено нами – Л. Н., В. Я.).

Отсюда социальный капитал «есть определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат доверия между его членами» (Ф. Фукуяма), то есть социальный капитал – это форма материализованного доверия. Сеть между родственными по интересам группам в обществе, между административными структурами и лидерами бизнеса, между бизнесом и профсоюзами является необходимой социальной платформой для создания правил, а также процедур контроля над их выполнением. Дефицит доверия частично восполняется жесткими «вертикалями» и жесткими методами управляемости, что неминуемо ведет к деструктивным факторам в сфере

публичного взаимодействия, снижения потенциала межсекторного социального партнерства и в итоге – к разрывным типам публичной политики, что на муниципальном уровне приводит к деструкции

гражданской составляющей местного самоуправления и повышению уровня социальной напряженности, и как следствие, деструктивной конфликтности.

Библиографический список

1. Беляева, Н. Ю. Развитие концепта «публичной политики»: внимание «движущим силам и управляющим субъектам» [Текст] / Н. Ю. Беляева // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 3. – С. 75.
2. Желтов, В. В., Желтов, М. В. Публичная политика [Текст] / В. В. Желтов, М. В. Желтов // Политическая социология. – М. : Академический проект, 2009.
3. Желтов, В. В., Желтов, М. В. Публичное действие [Текст] / В. В. Желтов, М. В. Желтов. – Кемерово, 2010.
4. Индексный подход к оценке публичной политики. // Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие [Текст] : коллективная монография / под ред. Л. В. Сморгунова. – М. : Аспект-Пресс, 2018. – С. 73-84.
5. Костюкова, О. Н., Осипов, Г. Н., Саренков, А. А. Семантический анализ концепта «подчинение» в поле оппозиции «приватное – публичное» [Текст] / О. Н. Костюкова, Г. Н. Осипов, А. А. Саренков // Полис. – 2007. – № 1. – С. 62–70.
6. Коулбач, Х. Политика [Текст] / Х. Коулбач // Публичная политика: от теории к практике. – СПб. : Алетейя, 2008. – С. 35–50.
7. Кумбс, Д. Введение в концепцию публичной политики в контексте посткоммунистического транзита [Текст] // Публичная политика: от теории к практике / сост. и науч. ред. Н. Ю. Данилова, О. Ю. Гурова, Н. Г. Жидкова. – СПб. : Алетейя, 2008. – С. 351–352.
8. Мирошниченко, И. В. Публичная политика как сложносоставной концепт политической науки. – Современная политическая реальность и государство: сложные методы исследования [Текст] : монография / И. В. Мирошниченко. – Краснодар : Кубанский госуниверситет, 2015. – С. 31–49.
9. Никовская, Л. И., Якимец, В. Н. Публичная политика в регионах России: характеристика типов и ресурс влияния [Текст] / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 1. – С. 224–232.
10. Никовская, Л. И., Якимец, В. Н. Типология публичной политики в российских регионах [Текст] / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Социологические исследования. – 2011. – № 3. – С. 56–66.
11. Никовская, Л. И., Якимец, В. Н. Публичная политика в регионах России: типы, субъекты, институты и современные вызовы [Текст] / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Политические исследования. – 2011. – № 1. – С. 80–92.
12. Патнэм, Р. Процветающие комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь [Текст] / Р. Патнэм // МЭиМО. – 1995. – № 4. – С. 16–17.
13. Перегудов, С. П. Группы интересов и российское государство [Текст] / С. П. Перегудов. – М. : Эдиториал УРСС, 2006.

14. Публичная политика в России (по итогам российско-канадского проекта «Университет Калгари – Горбачев Фонд») [Текст]. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2005.
15. Публичная политика в современной России. Субъекты и институты [Текст]. – М. : ГУ-ВШЭ, 2005.
16. Публичная политика [Текст]. – 2005: Сб. статей. – СПб. : Норма, 2006.
17. Публичная политика в социальной сфере [Текст] : региональная модель. – Пермь : ПГУ, 2005.
18. Публичная политика: от теории к практике [Текст] / сост. и научн. ред. Н. Ю. Данилова, О. Ю. Гурова, Н. Г. Жидкова. – СПб. : Алетейя, 2008. – 356 с.
19. Риттер, М. Публичная сфера как идеал политической культуры // Гражданин и власть: Проблемы и подходы [Текст] / под ред. Г. М. Михалевой, С. И. Рыженкова. – СПб. : Летний сад, 2001.
20. «Российский прорыв» и задачи гражданского общества. Специальный доклад «Российский прорыв» и задачи гражданского общества» подготовлен на основании решения Общественной палаты Российской Федерации от 08.04.2019. Изд-во «Современные информационные системы», 2019. – 60 с.
21. Сетевая публичная политика // Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие [Текст] : Коллективная монография / под ред. Л. В. Сморгунова. – М. : Аспект-Пресс, 2018. – С. 250–262.
22. Сунгуров, А. Ю. Публичная политика: основные направления исследований (мировой и российский опыт) [Текст] / А. Ю. Сунгуров // Публичная политика. – 2017. – № 1. – С. 8-28.
23. Сморгунов, Л. В. Сравнительный анализ публичной политики // Современная сравнительная политология [Текст] / Л. В. Сморгунов. – М. : РОССПЭН, 2002. – С. 359–375.
24. Сморгунов, Л. В. Управление публичной политикой: становление научной дисциплины [Текст] / Л. В. Сморгунов // Управление публичной политикой: Коллективная монография. – М. : Аспект Пресс, 2015. – С. 10-18.
25. Шматко, Н. А. Феномен публичной политики [Текст] / Н. А. Шматко. – URL: http://sociologos.net/textes/chmatko/politique_publicque.htm. – (Дата обращения: 5.11.2019).
26. Шматко, Н. А. Феномен публичной политики [Текст] / Н. А. Шматко // Социологические исследования. – 2001. – № 7. – С. 106–112.
27. Calhoun C. Habermas and the Public Sphere. The MIT Press, Cambridge, 1997.
28. Dewey J. The Public and Its Problems. Ohio University Press. Athens. 1954. Reprint. N.Y., 1927.
29. Friedberg E. Le pouvoir et la regles. Pparis. 2015. – 329 p.
30. Habermas J. Strukturwandel der Offentlichkeit. Berlin: Luchterhand Verlag, 1971.
31. Habermas J. Die Moderne – ein unvollendetes Projekt: Philosophisch-politische Aufsätze 1977–1990. Leipzig: Reclam Verlag, 1990.
32. Habermas J. The Public Sphere – Readings in Contemporary Political Sociology. Oxford, 2000.
33. Howlett M. and Ramesh M. Studying Public Policy. Policy Cycles and Policy Subsystems. Toronto; Oxford University Press, 1995.
34. Muller P., Surel Y. L'analyse des politiques publiques. P., 1998.

35. Rhodes R.A. W. The New Governance without Government // Understanding Governance Policy Networks, Governance, Reflexivity and Accountability. Maidenhead.: Open University Press. 2003.

Bibliograficheskij spisok

1. Beljaeva, N. Ju. Razvitie koncepta «publichnoj politiki»: vnimanie «dvi-zhushhim silam i upravljajushhim subjektam» [Tekst] / N. Ju. Beljaeva // Polis. Politicheskie issledovanija. – 2011. – № 3. – S. 75.
2. Zheltov, V. V., Zheltov, M. V. Publichnaja politika [Tekst] / V. V. Zheltov, M. V. Zheltov // Politicheskaja sociologija. – M. : Akademicheskij proekt, 2009.
3. Zheltov, V. V., Zheltov, M. V. Publichnoe dejstvie [Tekst] / V. V. Zheltov, M. V. Zheltov. – Kemerovo, 2010.
4. Indeksnyj podhod k ocenke publichnoj politiki. // Publichnaja politika: Instituty, cifrovizacija, razvitie [Tekst] : kollektivnaja monografija / pod red L. V. Smorgunova. – M. : Aspekt-Press, 2018. – S. 73–84.
5. Kostjukova, O. N., Osipov, G. N., Sarenkov, A. A. Semanticheskij analiz koncepta «podchinenie» v pole oppozicii «privatnoe – publichnoe» [Tekst] / O. N. Kostjukova, G. N. Osipov, A. A. Sarenkov // Polis. – 2007. – № 1. – S. 62–70.
6. Koulbach, H. Politika [Tekst] / H. Koulbach // Publichnaja politika: ot teorii k praktike. – SPb. : Aletejja, 2008. – S. 35–50.
7. Kumbs, D. Vvedenie v koncepciju publichnoj politiki v kontekste postkom-munisticheskogo tranzita [Tekst] // Publichnaja politika: ot teorii k praktike / sost. i nauch. red. N. Ju. Danilova, O. Ju. Gurova, N. G. Zhidkova. – SPb. : Aletejja, 2008. – S. 351–352.
8. Miroshnichenko, I. V. Publichnaja politika kak slozhnosostavnoj koncept politicheskaj nauki. – Sovremennaja politicheskaja real'nost' i gosudarstvo: slozhnye metody issledovanija [Tekst] : monografija / I. V. Miroshnichenko. – Krasnodar : Kubanskij gosuniversitet, 2015. – C. 31–49.
9. Nikovskaja, L. I., Jakimec, V. N. Publichnaja politika v regionah Rossii: ha-rakteristika tipov i resurs vlijanija [Tekst] / L. I. Nikovskaja, V. N. Jakimec // Vestnik MGIMO-Universiteta. – 2011. – № 1. – S. 224–232.
10. Nikovskaja, L. I., Jakimec, V. N. Tipologija publichnoj politiki v rossijskih re-gionah [Tekst] / L. I. Nikovskaja, V. N. Jakimec // Sociologicheskie issledovanija. – 2011. – № 3. – S. 56–66.
11. Nikovskaja, L. I., Jakimec, V. N. Publichnaja politika v regionah Rossii: tipy, subyekty, instituty i sovremennye vyzovy [Tekst] / L. I. Nikovskaja, V. N. Jakimec // Politicheskie issledovanija. – 2011. – № 1. – S. 80–92.
12. Patnjem, R. Procvetajushhie kom'juniti, social'nyj kapital i obshhestvennaja zhizn' [Tekst] / R. Patnjem // MJeIMO. – 1995. – № 4. – S. 16–17.
13. Peregudov, S. P. Gruppy interesov i rossijskoe gosudarstvo [Tekst] / S. P. Pere-gudov. – M. : Jeditorial URSS, 2006.
14. Publichnaja politika v Rossii (po itogam rossijsko-kanadskogo proekta «Uni-versitet Kalgari – Gorbachev Fond») [Tekst]. – M. : Al'pina Biznes Buks, 2005.
15. Publichnaja politika v sovremennoj Rossii. Subjekty i instituty [Tekst]. – M. : GU-VShJe, 2005.

16. Publichnaja politika [Tekst]. – 2005: Sb. statej. – SPb. : Norma, 2006.
17. Publichnaja politika v social'noj sfere [Tekst] : regional'naja model'. – Perm' : PGU, 2005.
18. Publichnaja politika: ot teorii k praktike [Tekst] / sost. i nauchn. red. N. Ju. Danilova, O. Ju. Gurova, N. G. Zhidkova. – SPb. : Aletejja, 2008. – 356 s.
19. Ritter, M. Publichnaja sfera kak ideal politicheskoy kul'tury // Grazhdane i vlast': Problemy i podhody [Tekst] / pod red. G. M. Mihalevoj, S. I. Ryzhenkova. – SPb. : Letnij sad, 2001.
20. «ROSSIJSKIJ PRORYV» I ZADACHI GRAZHdANSKOGO OBSHhESTVA. Special'nyj doklad «Rossijskij proryv» i zadachi grazhdanskogo obshhestva» podgotovlen na osnovanii reshenija Obshhestvennoj palaty Rossijskoj Federacii ot 08.04.2019. Izd-vo «Sovremennye informacionnye sistemy», 2019. – 60 s.
21. Setevaja publichnaja politika // Publichnaja politika: Instituty, cifro-vizacija, razvitie [Tekst] : Kollektivnaja monografija / pod red. L. V. Smorgunova. – M. : Aspekt-Press, 2018. – S. 250–262.
22. Sungurov, A. Ju. Publichnaja politika: osnovnye napravlenija issledovanij (mirovoy i rossijskij opyt) [Tekst] / A. Ju. Sungurov // Publichnaja politika. – 2017. – № 1. – S. 8–28.
23. Smorgunov, L. V. Sravnitel'nyj analiz publichnoj politiki // Sovremennaja sravnitel'naja politologija [Tekst] / L. V. Smorgunov. – M. : ROSSPJeN, 2002. – S. 359–375.
24. Smorgunov, L. V. Upravlenie publichnoj politikoj: stanovlenie nauchnoj discipliny [Tekst] / L. V. Smorgunov // Upravlenie publichnoj politikoj: Kollektivnaja monografija. – M. : Aspekt Press, 2015. – S. 10–18.
25. Shmatko, N. A. Fenomen publichnoj politiki [Tekst] / N. A. Shmatko. – URL: http://sociologos.net/textes/chmatko/politique_publique.htm. – (Data obrashhenija: 5.11.2019).
26. Shmatko, N. A. Fenomen publichnoj politiki [Tekst] / N. A. Shmatko // Sociologicheskie issledovanija. – 2001. – № 7. – S. 106–112.
27. Calhoun C. Habermas and the Public Sphere. The MIT Press, Cambridge, 1997.
28. Dewey J. The Public and Its Problems. Ohio University Press. Athens. 1954. Reprint. N.Y., 1927.
29. Friedberg E. Le pouvoir et la regles. Pparis. 2015. – 329 p.
30. Habermas J. Strukturwandel der Offentlichkeit. Berlin: Luchterhand Verlag, 1971.
31. Habermas J. Die Moderne – ein unvollendetes Projekt: Philosophisch-politische Aufsätze 1977–1990. Leipzig: Reclam Verlag, 1990.
32. Habermas J. The Public Sphere – Readings in Contemporary Political Sociology. Oxford, 2000.
33. Howlett M. and Ramesh M. Studying Public Policy. Policy Cycles and Policy Subsystems. Toronto; Oxford University Press, 1995.
34. Muller P., Surel Y. L'analyse des politiques publiques. P., 1998.
35. Rhodes R.A. W. The New Governance without Government // Understanding Governance Policy Networks, Governance, Reflexivity and Accountability. Maidenhead.: Open University Press. 2003.

DOI 10.24411/2658-428X-2019-10546
УДК 352

Л. И. Никовская

<https://orcid.org/0000-0002-1160-5801>

В. Н. Якимец

<https://orcid.org/0000-0003-4953-2932>

Особенности муниципальной публичной политики в Костромской области

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта РФФИ № 19-011-31282
«Исследование состояния и возможностей совершенствования институтов и механизмов
публичной политики на муниципальном уровне на основе индексного подхода».

Для цитирования: Никовская Л. И., Якимец В. Н. Особенности муниципальной публичной
политики в Костромской области // Социально-политические исследования. – 2019. –
№ 4 (5). – С. 54–68

В статье представлен анализ особенностей состояния институтов и механизмов муниципальной публичной политики в Костромской области на основе индексного подхода. С этих позиций рассматривается институциональный дизайн двух муниципальных образований – Костромы и Красного-на-Волге, анализируются его особенности с точки зрения состоятельности/несостоятельности институтов. Впервые вводится критерий полноты субъектного функционала акторов и субъектов муниципальной публичной политики. Показано, что в Костроме сформировался центрированный тип муниципальной публичной политики, но с некоторой тенденцией к разрыву. В Красном-на-Волге – разрывной тип. В целом, характер сложившейся публичной политики на муниципальном уровне в Костромской области характеризуется свойствами государственного патернализма, что несколько ограничивает возможности составляющей местного самоуправления как института гражданского общества.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальная публичная политика, гражданское общество, некоммерческое сообщество, публичное взаимодействие, индекс, интегральная оценка, общественная активность.

L. I. Nikovskaya, V. N. Yakimets

Features of municipal public policy in Kostroma region: institutions, subjects and prospects of development

The article presents an analysis of the state of institutions and mechanisms of municipal public policy in the Kostroma region on the basis of the index approach. From these positions the institutional design of two municipalities – Kostroma and Krasny-on-Volga is considered, its features from the point of view of

solvency/insolvency of institutions are analyzed. The criterion of completeness of the subject functional of factors and subjects of municipal public policy is introduced for the first time. It is shown that Kostroma formed a centered type of municipal public policy, but with some tendency to break. In the Krasny-on-Volga – discontinuous type. In General, the nature of the current public policy at the municipal level in the Kostroma region is characterized by the properties of state paternalism, which somewhat limits the possibilities of the component of local self-government as an institution of civil society.

Key words: local self-government, municipal public policy, civil society, non-profit community, public interaction, index, integral assessment, public activity.

Местное самоуправление является особым институтом, составляющим одну из главных основ правового государства и гражданского общества, уравнивающего и контролирующего власть. Местная власть – самый близкий к людям институт публичной политики [1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9]. Приступая к исследованию нам было важно понять и оценить, как работают институты и механизмы взаимодействия муниципальной власти и местного сообщества, вовлекающих граждан, бизнес и НКО для решения задач развития муниципального образования в формате устойчивого социально-экономического и общественного развития. Таким образом, целью исследовательского проекта была оценка развитости институтов публичной сферы в 2-х муниципальных образованиях – городском округе Костроме и городском поселении Красном-на-Волге и качества работы субъектов на основе опросов с расчетом индекса субрегиональной публичной политики (далее ПП) для определения состояния и путей возможного развития муниципаль-

ной публичной политики, межсекторного социального партнерства и диалога власти и местного сообщества при решении социально-значимых проблем местного уровня, а также формирование рекомендаций по совершенствованию институтов и механизмов муниципальной публичной политики (далее МПП) для повышения конструктивного взаимодействия власти и местного сообщества.

Под муниципальной публичной политикой мы понимаем программы и приоритеты органов муниципальной власти, механизмы и технологии их реализации, выработанные с учетом ожиданий и при участии основных групп гражданского общества – бизнеса, некоммерческих и общественных организаций через их представителей. Главный акцент при изучении МПП ставится на гражданское и деловое участие в решении социально-значимых проблем общества во взаимодействии с властью. Публичная сфера выполняет четыре важнейшие функции взаимодействия власти и общества в формировании политики любого уровня,

выражающей публичный интерес: артикуляция общественных интересов; публичный контроль деятельности власти и состояния дел в обществе, в государстве, в экономике, в социокультурной сфере; влияние на формирование государственной политики; политическое просвещение граждан [10, р. 23].

Для реализации поставленной цели были решены следующие задачи: – проведение опроса трех целевых групп по специально разработанной анкете в 2-х муниципальных образованиях (*далее МО*) – *Костроме* (городском округе) и *Красном-на-Волге* (городском поселении). Всего было опрошено 149 респондентов, представляющих наиболее активных и компетентных представителей трех сегментов городских сообществ муниципальной власти (61 респондент), малого и среднего бизнеса (47 респондентов), руководителей и членов некоммерческих организаций (41 респондент); расчет сводных индексов состояния субрегиональной ПП для каждого из 2-х городов на основе собранной эмпирической информации; также было рассчитано значение эффективности функционирования институтов и механизмов публичной политики по критерию *состоятельности*; исследована дифференциация оценок состоятельности институтов и механизмов публичной сферы по критерию их восприятия различными акторами публичной политики региональной и муниципальной властью, пред-

ставителями малого и среднего бизнеса, НКО-сообщества; впервые был разработан и введен *критерий полноты функциональной успешности* каждого из элементов субъектной инфраструктуры публичной политики на субрегиональном уровне (для двух МО); полученные эмпирические данные были обсуждены на фокус-группах в 2-х МО на предмет их соответствия реальному положению дел в публичной сфере вместе с представителями трех секторов регионального сообщества городской власти, местного бизнеса и НКО-сообщества; собрана качественная информация о состоянии и особенностях взаимодействия власти, малого и среднего бизнеса и гражданских организаций в публичной сфере каждого обследуемого городского сообщества посредством глубинных интервью с представителями муниципальной власти и местного сообщества. С целью верификации полученных результатов состояния публичной сферы (состоятельности институтов и функциональности субъектов публичной политики на субрегиональном уровне) была проведена экспертная сессия в Костроме с участием значимых представителей властного поля города, гражданского общества и экспертно-консультативных структур.

По сравнению с типологическими характеристиками состояния публичной политики на уровне региона в 2012 г., когда в Костроме был зафиксирован *консолидирован-*

ный тип МПП в области низких индексных оценок [5, с. 5-17], но с тенденцией к разрывному типу, в 2019 году, на городском уровне, мы видим некоторое улучшение оценок НКО, малого и среднего бизнеса (далее МСБ), существенно – представителей муниципальной власти. Можно говорить о центрированном типе МПП, но с некоторой тенден-

цией к разрыву. Оценки власти явно завышены и отрываются. Оценки бизнеса и НКО (по критерию Чебышева) консолидированы, но располагаются в квадранте с низкими оценками. Видно, что критичнее всего дали оценки представители малого и среднего бизнеса (см. рис. 1).

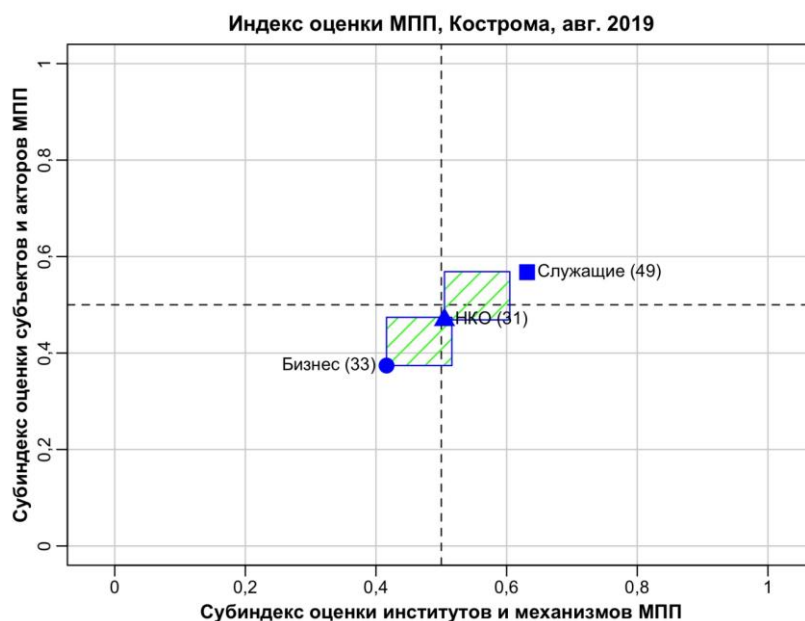

Рис. 1. Индексные оценки МПП трех групп респондентов, Кострома

Очевидно, что позиции МСБ в поле муниципальной публичной политики оказались самыми критичными: «Бизнесу не хватает внимания Администрации. Я вхожу в Совет при Главе города, я думаю, что не хватает определенной от-

крытости. Доступа к информации, потому что плюс в чем: власть много, что делает, но это иногда не доводится до предпринимательства. Они бы хотели и могли: дотации, и т. п., но бизнес об этом не знает» (мнение предпринимателя, фокус-

группа). Представители бизнеса явно чувствуют свою обделенность в реализации своих публичных интересов на местном уровне: «...У предпринимателей есть определенная обида на местные органы власти: они должны решать, как контролировать вход федеральных сетей, а у нас ничего не контролируют. Взять тот же «Магнит». Они находятся на упрощенной системе, на льготных налогах. Мы, например, платим от суммы пятнадцать процентов, а они – пять процентов... Нам – хуже» (мнение предпринимателя, фокус-группа).

Оптимизм оценок НКО-сектора в городе интерпретировался тем, что его позитивный градус определяли, так называемые, старые организации, социально поддерживаемые местной властью, а типичные «инициативные» НКО чувствуют себя в публичном пространстве не очень комфортно: «Есть социально-значимые организации – ветеранов, инвалидов и пр., они существуют на бюджетные деньги...А есть те, кто живет на деньги грантов, но они мизерные по отношению с другими регионами, и вопрос в том, что поддержка могла выйти за другие рамки, то есть осуществляется не финансовая поддержка: это те

или иные решения, нормативные акты и т. д., и здесь проблемы есть» (мнение представителя НКО, фокус-группа).

Типологические характеристики МПП в городском поселении Красное-на-Волге отличаются *разрывным типом* (см. рис. 2), но с той спецификой, что оценки муниципальной власти и НКО-сообщества практически солидарны, а позиции бизнеса значительно отрываются. Как выяснилось, местный бизнес (а это известное всей России ювелирное производство) здесь работает, так называемым, «вахтовым методом», его основные «экономические штабы» располагаются за пределами муниципальной территории, налоги также поступают не в местный бюджет, и практически представители МСБ в Красном-на-Волге отчуждены от реальных проблем общественного развития своей территории пребывания и мало посвящены в его проблемы. Такая специфическая ситуация подтвердила нашу гипотезу о том, что особенности общего поля МПП во многом зависят от специфики социально-экономического развития муниципальной территории и культурных условий функционирования основных акторов поля МПП.

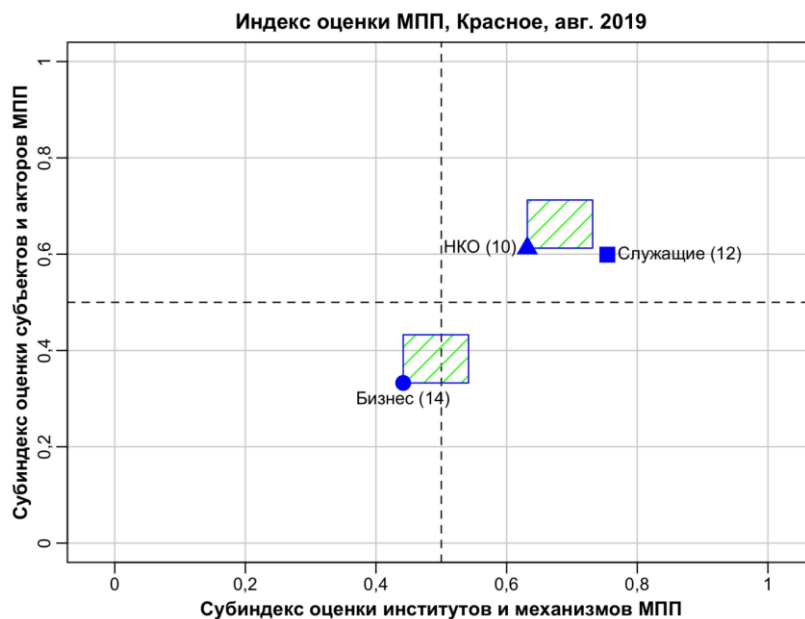

Рис. 2. Индексные оценки трех групп респондентов, Красное-на-Волге

Особенности институционального среза МПП в Костроме характеризуются, как видно из рис. 3, следующими моментами: сильный разрыв в оценках представителями муниципальной власти (4 балла из 5 возможных), НКО (2,8 балла) и бизнесом (2,6 балла) механизма рассмотрения жалоб и запросов, что свидетельствует о назревшей публичной потребности в упорядочении деятельности соответствующих отделов муниципальной власти. Она либо слабо отзывчива на общественные запросы, либо мало популяризирует и доводит до населения свои решения. Аналогичный разрыв фиксируется и по оценке

механизма противодействия коррупции. Три института МПП получили практически консолидированно положительные оценки – деятельность муниципальной системы образования, избирательная система, действенность принципа национального согласия и веротерпимости (на уровне 3-4 баллов). Самые консолидированно низкие оценки получил институт работы первичного звена системы здравоохранения. Самый больший пессимизм в оценках состояния институциональной системы МПП продемонстрировали представители малого и среднего бизнеса.

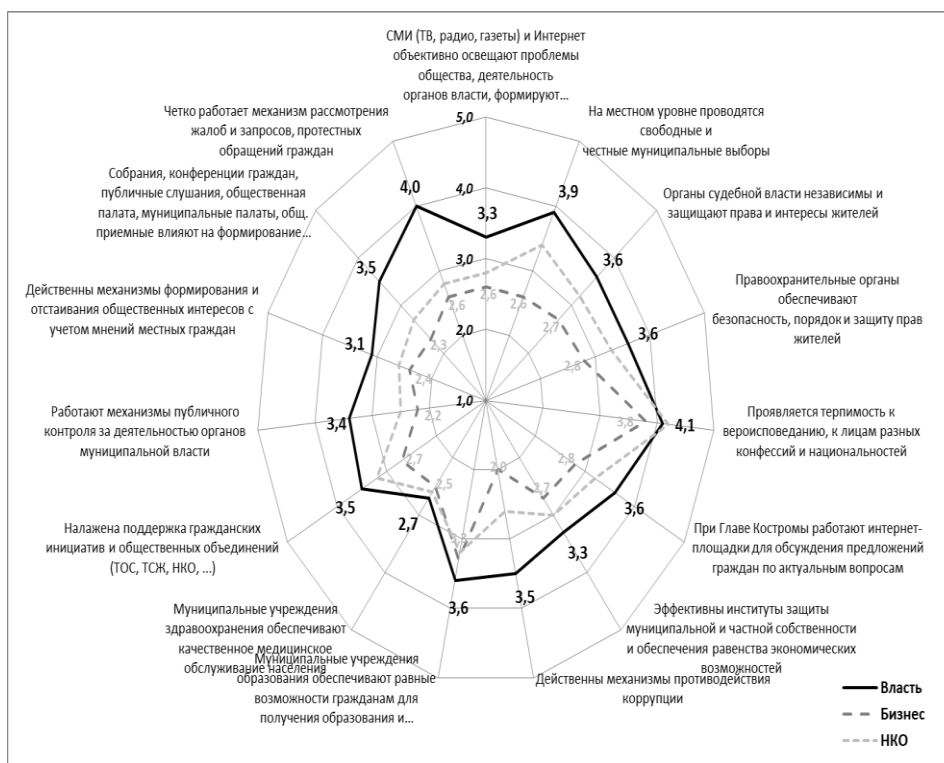

Рис. 3 Оценка работы институтов и механизмов МПП, Кострома, 2019

Но более информативной является оценка деятельности институтов и механизмов МПП по критерию состоятельности/ несостоятельности. Суть этого критерия, по нашей методике эмпирически сводилась к выявлению доли респондентов, проставивших тому или иному институту наивысшие оценки в 4 и/или 5 баллов. При этом все изучаемые институты (механизмы) разбивались на 3 группы:

– **Состоятельные институты (механизмы) ПП**, когда более 50 %

респондентов оценили высоко работу институтов (за линией 0,5);

– **Слабосостоятельные**, если лишь от 33 до 50 % респондентов от всех трех групп оценили работу институтов в 4 и 5 баллов (между 0,33 и 0,5);

– **Несостоятельные**, если менее трети респондентов от всех трех групп оценили работу институтов в 4 или 5 баллов (до линии 0,33).

Рис. 4 Состоятельность институтов и механизмов МПП, средняя оценка для 3-х групп. Кострома. 2019 г.

Видно, что состоятельными оказались всего 2 института: национального согласия и терпимости между конфессиями и институт выборов (последний показатель является очень хорошим прогрессом для состояния избирательной ситуации в Костроме по сравнению с 2012 годом). В зону средней состоятельности попали 6 из оставшихся 13 институтов (система образования, правоохраны, деятельность судебной власти, интернет-площадки для обсуждения предложений граждан, поддержка гражданских инициатив, рассмотрение жалоб). Самыми несостоятельными

оказались – система отстаивания общественных интересов, общественного контроля, защиты частной собственности и работа системы здравоохранения, (последние две проблемы так и сохранились с таким низким модусом оценки с 2012 года).

В Красном-на-Волге картина выглядит несколько оптимистичнее. Состоятельными оказались 6 институтов из 15: безусловно, институт национального согласия и веротерпимости, муниципального образования, работа правоохранительной системы и судебной власти, а также два гражданских института –

общественного контроля и поддержки гражданских инициатив. К границе состоятельности подошли оценка избирательной системы на муниципальном уровне и механизм оценки рассмотрения жалоб и обращений граждан. В зоне среднесостоятельных оказались 4 института – работа общественных и консультативных структур, механизмы противодействия коррупции и защиты частной собственности, и – что удивительно – оценка работы системы первичного звена муниципального здравоохранения и только два института оказались в этом городском поселении в разряде несостоятельных – институт отстаивания общественных интересов и работа СМИ.

Последние попали в эту номинацию по причине, по мнению участников фокус-группы, излишней коммерческой прагматичности, что у местного сообщества вызывает однозначный негатив. А вот о негативной коннотации института отстаивания общественных интересов стоит сказать более подробно. Исходя из мнения представителя Департамента внутренней политики г. Костромы, можно сделать вывод, что этот момент в организации живой работы граждан в публичной сфере оказывается избыточно зарегламентирован: «Самый страшный ужас сотрудника органа муниципальной и государственной власти – прийти к общественности,

выслушать ее и понять, что ты не можешь удовлетворить все то, что хотят от тебя люди, к которым ты пришел. Этот механизм требует правовой согласованности действий всех уровней и органов «властной вертикали» и поэтому, чтобы удовлетворить запрос населения по проблеме общедомового имущества (*далее ОДИ*) многоквартирных домов, нам пришлось много поработать... Почему власти не идут к народу? Потому что ты идешь к народу и понимаешь, что нет быстрых способов и механизмов, чтобы помочь реализовать этот запрос, правовые рамки очень медленно меняются...» (из интервью руководителем Департамента муниципальной власти).

Показательно, что в Красном-на-Волге, в отличие от Костромы, население более оптимистично оценило эффект работы по улучшению функционирования системы муниципального здравоохранения: «В Костроме считают, что проблемы здравоохранения находятся вне полномочий органов МСУ? А вот мы в Красном смотрим иначе, наша новая местная команда совместно с региональными властями навалилась на эту проблему: все медицинские кадры укомплектованы. Есть пробелы с оборудованием, еще что-то, строительство модульных ФАПов, и т. д. В принципе, я считаю, что как образование, так и здравоохранение – это ключевые позиции

качества жизни населения. Поэтому мы все держим под контролем» (из интервью с руководителем Департамента муниципальной власти). Именно поэтому местное население позитивно оценило усилия Администрации района и поселения и дало оценку состоятельности института муниципального здравоохранения практически в 2 раза выше, чем в Костроме. Хочется отметить значение субъективного фактора: в Красном-на-Волге собралась новая команда муниципальных руководителей социального блока, которая сделала ставку именно на открытость и прозрачность работы с общественными организациями и населением. Активно задействовала консультативные механизмы привлечения гражданской инициативы – Общественный и Консультативный Совет при Администрации поселения и лишней раз доказала, что публичный принцип взаимодействия с гражданским обществом всегда выступает существенным ресурсом развития территорий и формирования доверия к своей деятельности.

Субъектный срез особенностей МПП наиболее информативно был нами раскрыт через новый оригинальный инструмент оценки – **критерий успешной функциональности субъектов** (акторов) ПП. Для расчета его значений использовались оценки респондентов в отношении соответствия реализации субъектом его максимально возможного функционала. На основе рассчитанных значений функциональности все субъекты разбивались на три группы:

– **Субъекты (акторы) высокой функциональности**, если более половины (50 %) респондентов от всех 3 групп респондентов оценили их деятельность (за линией 0,5);

– **Субъекты (акторы) средней функциональности**, если от 33 до 50 % респондентов дали оценки в 4 или 5 баллов (между линиями 0,33 и 0,5);

– **Субъекты низкой функциональности**, если до трети респондентов (33 %) оценили их деятельность в 4 и 5 баллов (до линии 0,33).

Рис. 5 Оценка функциональности субъектов и акторов МПП, среднее для всех трех групп. Кострома. 2019

Более дифференцированный анализ субъектного среза МПП в Костроме показывает, что НКО-сектор более сдержан в своих оценках, но лучше всего оценил свои собственные социальные компетенции. Представители бизнеса дали самые критичные оценки в отношении своих публичных возможностей. Наиболее оптимистичные и высокие оценки демонстрируют представители муниципальной власти. Они лучше всего оценили активностный потенциал органов местного самоуправления и работы Администрации Костромы. Эти особенности оценок и вытянули в зону средней состоятельности деятельность органов МСУ, Адми-

нистрации Костромы, НКО-сектора. Несостоятельными оказались следующие акторы МПП – отделения политических партий, профсоюзы, население. В эту же группу попала деятельность депутатов Гордумы.

В Красном-на-Волге, в силу специфики этого муниципального образования, субъектный срез оказался специфичным: типично гражданские образования в лице НКО-сектора, профсоюзов, отделений политических партий оказались в зоне низкой субъектной функциональности, зато субъектный статус органов местной власти и населения подошел к границе средней состоятельности. Главной силой МСУ

признана Администрация, местный депутатский корпус, которые напрямую выходят на контакт с населением.

В целом институт местного самоуправления в городе Кострома и Красном-на-Волге признаны средне состоятельным. Его доминантой выступают, прежде всего, Администрации МО: «... принятие нормативных актов, каких-то судьбоносных решений, оно прямого влияния на население не оказывает. На него оказывает влияние уже исполнение этих самых решений, которые осуществляются руками Администрации, поэтому, хотим мы, не хотим, но люди видят, прежде всего, Администрацию, это так, депутаты остаются немного в тени» (мнение представителя НКО, фокус-группа). «С Администрацией ясно: у них финансы, полномочий у них больше, даже Устав города» (мнение депутата, фокус-группа). Все участники фокус-группы единодушно отмечали единство властного взаимодействия органов МСУ с органами государственного управления: «...местное самоуправление – оно отделено от власти, но здесь мы реалисты и на территории выступаем получателями ресурсов всех тех федеральных программ, поэтому мы не можем работать в отрыве от исполнительной власти региона...Мы работаем в единстве» (мнение депутата, фокус-группа).

В Костроме гражданское начало местного самоуправления больше проявляется в институциональном

разрезе: активнее НКО-сектор и общественные объединения, меньше – бизнес-сообщество. Население же как актор МПП оценено очень низко. Таким образом, общественная активность функциональна только в институциональном формате, тогда население как актор МПП оценено очень низко.

В Красном-на-Волге население, напротив, как ресурс развития территории оценено высоко (в силу неразвитости типичного НКО-сектора). Ставка сделана на прозрачность деятельности Администрации и активное информирование населения по проблемным точкам развития территории на Общественном и Координационном Советах.

Гражданские институты местного самоуправления активно используются как в традиционном формате, так и электронном: в Костроме есть механизмы народного голосования, действенны общественные слушания по бюджету, неплохо работает интернет-приемная при Администрации (все эти институты попали в зону средней состоятельности), но контуры сетевого управления через краудсорсинговые механизмы находятся пока только в начале своего пути: «...Мы поддерживаем площадку «Активный гражданин», как в Москве. Но нас слишком мало пока, доля населения, которая будет в этом участвовать ниже, чем в столице. У нас уровень компьютерной грамотности низкий...Ветераны говорят, что пока к этому не готовы. И они вы-

падут за рамки народного голосования...» (мнение представителя муниципальной власти, фокус-группа). Очень слабо оценена роль СМИ на местном уровне в силу высокой коммерческой составляющей в ее деятельности.

Исследование показало проблемность функционирования института общественного контроля и защиты частной собственности. По мнению участников фокус-группы, причина этих сбоев кроется в слабостью ответственности власти и неэффективной работе с целевыми группами: «Приводится пример: гаражные кооперативы были не то, что недовольны – возмущены, когда цены и плата за землю выросли не на проценты, а в разы, в пять раз. И все же на сегодня нашли решение этого вопроса, но не на муниципальном уровне, а на региональном. Почему? Во-первых, слабая информированность населения. Если бы было сказано, что вышло постановление, сейчас будут такие цены и тарифы, разъяснили, рассказали людям по СМИ, потом собрали представителей гаражных кооперативов – это два – все бы успокоились... Но когда приходит платежка, и вместо 100 рублей им нужно заплатить 500, уже в сотнях это как? Начинается: «Так, мы пойдем в суд!» и муниципальная власть, чтобы заниматься плановой работой, они, или их руководители или помощники, бегают по судам и доказывают правоту, потому что вот такой вышел новый норматив... А нужно было вести работу

среди гаражных кооперативов!» (мнение предпринимателя, фокус-группа).

В целом, характер сложившейся публичной политики на муниципальном уровне в Костромской области характеризуется свойствами государственного патернализма. Государство распределяет, контролирует основные ресурсы и выступает в роли «садовника», поддерживая или пресекая те или иные проекты и сферы активности представителей гражданского общества и деловой инициативы. В условиях непростых социально-экономических условий, кризисного развития, неустойчивой системы бюджетного федерализма, доминирующие позиции региональной государственной власти возможно и оправданы. Интегральный индекс МПП в Костроме показывает, что оценки всех трех групп почти консолидированы. Они расположены в центрированной области. По сравнению с 2012 г. это указывает на позитивные сдвиги в публичном взаимодействии. Это значит, что в своих ожиданиях власть и представители гражданского общества не слишком отрываются друг от друга и готовы слышать взаимные предложения. Значит, есть потенциал для роста. Важно с учетом полученных результатов выработать предложения по улучшению институтов и механизмов публичного взаимодействия и диалога в публичном пространстве. Власти надо задуматься о таком улучшении ра-

боты институтов, которое приведет к снятию недоинформированности и росту удовлетворенности деятельностью институтов и субъектов МПП. Создать переговорные пло-

щадки, где можно последовательно обсуждать качество институтов и механизмов МПП и искать пути улучшения их работы, совершенствовать их.

Библиографический список

1. Желтов, В. В., Желтов, М. В. Публичная политика [Текст] / В. В. Желтов, М. В. Желтов // Политическая социология. – М. : Академический проект, 2009.
2. Кумбс, Д. Введение в концепцию публичной политики в контексте посткоммунистического транзита [Текст] // Публичная политика: от теории к практике / сост. и науч. ред. Н. Ю. Данилова, О. Ю. Гурова, Н. Г. Жидкова. – СПб. : Алетейя, 2008. С. 351–352.
3. Мирошниченко, И. В. Публичная политика как сложносоставной концепт политической науки. – Современная политическая реальность и государство: сложные методы исследования [Текст] : монография / И. В. Мирошниченко. – Краснодар : Кубанский госуниверситет, 2015. – С. 31–49.
4. Никовская, Л. И., Якимец, В. Н. Публичная политика в регионах России: характеристика типов и ресурс влияния [Текст] / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Вестник МГИМО-Университета. - 2011. - № 1. - С. 224–232.
5. Никовская Л. И., Якимец В. Н., Зайцев А. В. Публичная политика в Костромской области: субъекты и институты (по результатам социологического исследования) [Текст] / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Вестник КГУ им. Некрасова. – 2012. – № 5. – С. 5–17.
6. Публичная политика: от теории к практике [Текст] / сост. и науч. ред. Н. Ю. Данилова, О. Ю. Гурова, Н. Г. Жидкова. – СПб. : Алетейя, 2008. – 356 с.
7. Сморгунов, Л. В. Управление публичной политикой: становление научной дисциплины [Текст] / Л. В. Сморгунов // Управление публичной политикой: Коллективная монография. – М. : Аспект Пресс, 2015. – С. 10–18.
8. Сунгуров, А. Ю. Публичная политика: основные направления исследований (мировой и российский опыт) [Текст] / А. Ю. Сунгуров // Публичная политика. - 2017. – № 1. – С. 8–28.
9. Шматко, Н. Феномен публичной политики // Социологические исследования [Текст] / Н. А. Шматко. – 2001. – № 7. – С. 106–112.
10. Edwards A. Scientific expertise and policy-making: the intermediary role of the public sphere. // Science and Public Policy, Vol. 26, June 1999. p. 23.

Bibliograficheskij spisok

1. Zheltov, V. V., Zheltov, M. V. Publichnaja politika [Tekst] / V. V. Zheltov, M. V. Zheltov // Politicheskaja sociologija. – M. : Akademicheskij projekt, 2009.
2. Kumbs, D. Vvedenie v koncepciju publichnoj politiki v kontekste postkommunisticheskogo tranzita [Tekst] // Publichnaja politika: ot teorii k praktike / sost. i nauch. red. N. Ju. Danilova, O. Ju. Gurova, N. G. Zhidkova. – SPb. : Aletejja, 2008. – S. 351–352.

3. Miroshnichenko, I. V. Publichnaja politika kak slozhnosostavnoj koncept politicheskoj nauki. – Sovremennaja politicheskaja real'nost' i gosudarstvo: slozhnye metody issledovanija [Tekst] : monografija / I. V. Miroshnichenko. – Krasnodar : Kubanskij gosuniversitet, 2015. – С. 31–49.
4. Nikovskaja, L. I., Jakimec, V. N. Publichnaja politika v regionah Rossii: harakteristika tipov i resurs vlijanija [Tekst] / L. I. Nikovskaja, V. N. Jakimec // Vestnik MGIMO-Universiteta. – 2011. – № 1. – S. 224–232.
5. Nikovskaja L. I., Jakimec V. N., Zajcev A. V. Publichnaja politika v Kostromskoj oblasti: sub'ekty i instituty (po rezul'tatam sociologicheskogo is-sledovanija) [Tekst] / L. I. Nikovskaja, V. N. Jakimec // Vestnik KGU im. Nekrasova. – 2012. – № 5. – S. 5–17.
6. Publichnaja politika: ot teorii k praktike [Tekst] / sost. i nauchn. red. N. Ju. Danilova, O. Ju. Gurova, N. G. Zhidkova. – SPb. : Aletejja, 2008. – 356 s.
7. Smorgunov, L. V. Upravlenie publichnoj politikoj: stanovlenie nauchnoj discipliny [Tekst] / L. V. Smorgunov // Upravlenie publichnoj politikoj: Kollektivnaja monografija. – M. : Aspekt Press, 2015. – S. 10–18.
8. Sungurov, A. Ju. Publichnaja politika: osnovnye napravlenija issledovanij (mirovoj i rossijskij opyt) [Tekst] / A. Ju. Sungurov // Publichnaja politika. – 2017. – № 1. – S. 8–28.
9. Shmatko, N. Fenomen publichnoj politiki // Sociologicheskie issledovanija [Tekst] / N. A. Shmatko. – 2001. – № 7. – S. 106–112.
10. Edwards A. Scientific expertise and policy-making: the intermediary role of the public sphere. // Science and Public Policy, Vol. 26, June 1999. r. 23.

**ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ
(РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА)**

DOI 10.24411/2658-428X-2019-10549
УДК 332.1

Л. Г. Батракова

<https://orcid.org/0000-0003-2356-3511>

Формирование кластерно-сетевой экономики регионов

Для цитирования: Батракова Л. Г. Формирование кластерно-сетевой экономики регионов // Социально-политические исследования. – 2019. – № 4 (5). – С. 69–92

В статье рассмотрено формирование кластерно-сетевой экономики в регионах России. Раскрыты теоретические аспекты региональной сетевой экономики, кластерной формы сетевого взаимодействия регионов. Определены основы управления социально-экономическим развитием региона в условиях становления сетевой экономики. Выделены важные принципы развития сетевой экономики: принцип глобализации; возрастающего эффекта; полноты; экспоненциального развития; обратного ценообразования; принцип хаоса. Показаны отличительные особенности развития кластеров в различных странах мира, а также различные модели кластеров. Актуальность создания кластеров в России определена развитием партнерства между государством, экономикой и наукой. Отмечены новые стратегические тенденции в развитии кластерных инициатив в регионах, в частности к современным тенденциям можно отнести вовлечение кластеров в формирование и реализацию региональных стратегий. Дана характеристика кластерной политики в России. Отмечено, что регионы с кластерными образованиями имеют характерные особенности в управлении и функционировании кластеров напрямую влияет на социально-экономическое развитие регионов. Приведен опыт развития кластеров в экономике Ярославской области. Проанализированы тенденции в образовании кластеров в различных регионах России. Определены проблемы реализации кластерной политики в регионах, в частности отсутствие правовой основы по определению основных направлений и механизмов кластерной политики, отсутствие системной информационной и методической поддержки потенциальных участников кластеров, а также недостаточный уровень компетенции специалистов.

Ключевые слова: регион, сетевая экономика, кластер, кластерное развитие, управление, кластерные образования.

ECONOMY AND ECONOMIC MANAGEMENT
(REGIONAL ECONOMICS)

L. G. Batrakova

Formation of cluster-network economy of regions

The article considers the formation of cluster-network economy in the regions of Russia. Theoretical aspects of regional network economy, cluster form of network interaction of regions are revealed. The bases of management of social and economic development of the region in the conditions of formation of network economy are defined. Important principles of network economy development are highlighted: the principle of globalization; increasing effect; completeness; exponential development; reverse pricing; chaos principle. The distinctive features of cluster development in different countries of the world, as well as different models of clusters are shown. The relevance of creating clusters in Russia is determined by the development of partnership between the state, economy and science. New strategic trends in the development of cluster initiatives in the regions are noted, in particular, the involvement of clusters in the formation and implementation of regional strategies can be attributed to modern trends. The characteristic of cluster policy in Russia is given. It is noted that regions with cluster formations have characteristic features in management and functioning of clusters directly influences social and economic development of regions. The experience of cluster development in the economy of the Yaroslavl region is given. Trends in cluster formation in different regions of Russia are analyzed. The problems of implementation of cluster policy in the regions, in particular, the lack of a legal basis for determining the main directions and mechanisms of cluster policy, the lack of systematic information and methodological support for potential participants of clusters, as well as the insufficient level of competence of specialists.

Key words: region, network economy, cluster, cluster development, management, cluster formations.

Регион – многозначное слово, оно происходит от латинского regio, (родительный падеж regionis – область). В научной литературе нет четкого определения понятия «регион», поэтому как отечественные, так и зарубежные ученые трактуют это понятие по-разному. Остановимся на мнении российского ученого, доктора политических наук, профессора Андрея Павловича Клемешева, который указывает на то, что подходы к определению

«регион» кардинальным образом отличаются в зависимости от того, кто рассматривает это понятие. В статье «Регион в условиях глобализации» он пишет о существовании трех подходов к определению региона: зона (зонирование), комплекс, район [8]. С точки зрения западных экономистов, важный атрибут региона – осознание общественных региональных интересов.

Регион – это крупное физико-географическое, экономико-

географическое и геополитическое образование, определенная территория, обладающая целостностью и взаимосвязью ее составных элементов. Поэтому регионы классифицируют на географический, политический, социально-экономический, экологический, информационный, цивилизационный и другие подходы. Например, «регион» рассматривается как:

– территория со своими природными, географическими и социально-экономическими и другими особенностями развития (Н. Н. Некрасов, А. И. Добрынин, В. И. Видяпин, Е. А. Черныш и др.);

– административно-хозяйственная территория, являющаяся субъектом федерации со сходными природными и социально-экономическими условиями (А. П. Градов, Ю. А. Корчагин, В. Н. Коган и др.);

– целостная социально-экономическая система со своими взаимосвязанными элементами (В. Ф. Захаров, В. С. Бильчак, И. М. Бусыгина и др.).

Регион – это территория в административных границах субъекта Федерации, характеризующаяся: комплексностью, целостностью, специализацией и управляемостью, то есть наличием политико-административных органов управления.

В условиях глобализации важным направлением в управлении является формирование конкурентоспособной экономики региона. Актуальными в настоящее время являются проблемы информатиза-

ции и формирования современного уклада экономики региона, который называют информационным. В качестве определения влияния информационных технологий на экономический уклад региона было введено новое понятие «*региональная сетевая экономика*», которое наиболее точно характеризует социально-экономическое развитие. Под «сетью» чаще всего понимается система связанных взаимоотношениями элементов на основе интерактивной среды Интернет. Нельзя не отметить, что сетевая форма существовала и раньше, однако новые информационные технологии создали материальную базу для образования организаций нового сетевого пространства.

В настоящее время сетевой подход как направление исследований получил распространение в различных сферах деятельности, в том числе в экономической социологии, маркетинге, стратегическом управлении и др. Однако современная экономическая теория не располагает инструментарием для исследования сетевых форм совместной деятельности в условиях развития региональной экономики. В то же время возникает необходимость исследования специфики сетевого подхода в региональном управлении, как на институциональном (управление структурой), так и на операционном (управление процессом) уровнях.

Институциональный уровень определяет создание или изменение

отдельных параметров сети. Управление сетью на этом уровне предполагает:

- определение направлений деятельности, связанных с изменениями позиций участников в сети, а также включение новых участников;

- установление правил взаимодействия между участниками;

- нахождение общего понимания проблемы, которая может быть вызвана трансформациями, например, в политической или экономической жизни [17].

Операционный уровень – это уровень координации поведения участников в целях улучшения качества взаимодействия между ними, сближения позиций по решению общей проблемы [2, 3].

Сетевую экономику можно представить в виде следующей формулы:

сетевая экономика = традиционная экономика + информационные ресурсы и технологии

Сетевую экономику определяют как среду, в которой любая компания и индивид, находящийся в любой точке экономической системы, могут легко и с минимальными затратами контактировать с любой другой компанией или индивидом в процессе работы или другого общения. В этом определении автор указывает на главную особенность сетевой экономики – возможность установления прямых длительных связей между всеми участниками совместной деятельности. Если говорить о традиционной экономике,

то создание таких связей потребовало бы либо компактного географического расположения участников, либо больших затрат на их перемещения.

Основатель и редактор журнала «Wired», один из главных пропагандистов новой экономики Кевин Келли в своей работе «Новые правила для новой экономики» сформулировал следующие особенности «сетевой экономики» [27]:

- внедрение новых электронных средств коммуникаций приводит к формированию многоуровневых разнообразных связей между всеми участниками производственной и экономической деятельности;

- ценность продуктов труда вытекает из их множественности, что противоречит двум фундаментальным аксиомам эпохи индустриальной экономики: ценность продукта связана с редкостью, и изобилие вещей снижает их ценность;

- ценность участия растет экспоненциально от числа участников совместной хозяйственной деятельности, и этот рост включает все новых и новых участников.

К. Келли сформулировал и двенадцать принципов преуспевания в условиях сетевой экономики:

- связи: овладей немой мощью;
- полноты: чем больше, тем больше;

- экспоненциального роста: успех нелинеен;

- переломных точек: вовремя заметить значимость перемен;

– увеличивающихся отдач: создавай положительную обратную связь;

– обратного ценообразования: надо предвидеть дешевизну;

– щедрости: двигайся к бесплатному,

– преданности: сначала накорми сеть;

– временного спуска: движемся к вершине;

– замещения: сеть побеждает;

– маслобойки: ищи стабильное неравновесие;

– неэффективности: не решайте проблем!

Остановимся на последнем принципе. Он противоречит утверждению некоторых экономистов о том, что сеть обеспечивает сверхвысокую продуктивность. На наш взгляд, следует учитывать то, что развитие сетевой экономики не ведет к бесконечному росту продуктивности, так как постоянно растущая и высокая производительность может обеспечиваться только роботами.

В настоящее время к наиболее важным принципам развития сетевой экономики можно отнести: принцип глобализации; возрастающего эффекта; полноты; экспоненциального развития; обратного ценообразования; принцип хаоса, который характеризуется неравновесным состоянием жизнеспособности компаний, что проявляется в уничтожении неконкурентоспособных сетевых предприятий и при этом

создаются условия для более эффективного бизнеса.

Уровень социально-экономического потенциала страны можно определить развитием ее территориальных образований. К основным направлениями развития региона можно отнести:

– социально-экономическое развитие;

– развитие сетевой инфраструктуры;

– развитие сегментов сетевого пространства (сетевого взаимодействия).

В связи с этим региональную сетевую экономики можно представлять как совокупность организационных, социальных и информационных форм взаимодействия всех сторон, а также методов управления, обеспечивающих прогнозирование и практическую реализацию социально-экономического развития региона. В свою очередь, территориальное образование как экономическое пространство должно характеризоваться такими признаками как инновационность и конкурентоспособность.

Механизм управления социально-экономическим развитием региона в сетевой экономике должен: 1 – опираться на обеспечение единства экономического пространства региона и создание равных условий развития территорий, 2 – осуществляться при обязательном планировании и контроле. При этом нельзя не отметить, что развитие регионов в России происходит не-

равномерно. В 2012 г. Ассоциацией инновационных регионов России совместно с Министерством экономического развития Российской Федерации для целей мониторинга и управления был разработан рейтинг инновационных регионов, включающий 29 индикаторов. В 2018 г. рейтинг был обновлен, но методика расчета и набор показателей рейтинга не изменились.

В группу индикаторов, характеризующих социально-экономические условия инновационной деятельности, включены следующие показатели:

– коэффициент обновления основных фондов, %;

– ВРП в расчете на одного занятого в экономике региона (без учета добывающих производств);

– удельный вес занятых в высокотехнологичных и среднетехнологичных (высокого уровня) видах деятельности в общей численности занятых в экономике региона, %;

– доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП, %;

– удельный вес организаций, использовавших Интернет со скоростью не менее 2 Мбит/сек, в общем числе обследованных организаций, %.

Лидерами рейтинга являются г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан и г. Москва. Далее следуют Томская, Московская, Новосибирская и Калужская области. Значение индекса инновационного развития этих регионов превышает 140 % от

среднего по стране уровня. Группу средне-сильных инноваторов образуют 21 субъект РФ, в группу средних вошли 24 субъекта РФ, средне-слабыми инноваторами являются 26 субъектов РФ, к слабым инноваторам относятся 6 субъектов РФ, в данную группу входят представители северных регионов, регионов Сибири и Северного Кавказа.

Механизмы сетевого взаимодействия регионов проявляются в разнообразных формах, одной из таких форм является кластерная.

Термин кластер (от англ. cluster – скопление) означает объединение нескольких однородных элементов, которое может рассматриваться как самостоятельную единицу, обладающую определенными свойствами. Например, в статистике кластером является класс родственных элементов статистической совокупности. В информационных технологиях кластер означает единицу хранения данных на гибких и жестких дисках компьютеров или же группу компьютеров, объединенных высокоскоростными каналами связи и представляющую единый аппаратный ресурс. В экономике кластером является сконцентрированная на некоторой территории группа взаимосвязанных компаний: поставщиков оборудования, комплектующих и специализированных услуг; инфраструктуры; научно-исследовательских институтов; вузов и других организаций, взаимодополняющих друг друга и усиливающих конкурентные пре-

имущества отдельных компаний и кластера в целом.

Ядром кластерной концепции региона является географическая концентрация предприятий и организаций. В методических рекомендациях по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации [13], подписанных заместителем Министра экономического развития Российской Федерации А. Н. Клепачем, дано определение территориальным кластерам как объединению предприятий, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных производственных и сервисных услуг, научно-исследовательских и образовательных организаций, связанных отношениями территориальной близости и функциональной зависимости в сфере производства и реализации товаров и услуг. При этом кластеры могут размещаться на территории как одного, так и нескольких субъектов Российской Федерации [13].

В методических рекомендациях рассмотрена система мероприятий по реализации кластерной политики, раскрыты основные направления предоставления методической, информационно-консультационной, образовательной поддержки развития кластеров, осуществляемые Министерством экономического развития Российской Федерации, а также меры, направленные на предупреждение рисков неэффективной реализации кластерной поли-

тики в субъектах Российской Федерации.

Человечество было знакомо с кластерным эффектом начиная с XVII века. В России на рубеже XVII и XVIII веков прототипы современных кластеров были в области солеварения и в металлургии. Это были знаменитые уральские заводы Демидовых. Кластеризация имела место и во времена промышленной революции.

Кластерная теория начала свое развитие со знаменитой работы основоположника неоклассической экономики, классика экономической науки Альфреда Маршалла (1842-1924) «Принципы экономической науки» (Principles of Economics, 1890). В главе X «Организация производства. Концентрация специализированных производств в отдельных районах» он называет на три причины, по которым группы фирм, располагаясь близко друг к другу, оказываются более производительными, чем тогда, когда они отдалены. К этим причинам он отнес: объединение рынка труда, специализацию поставщиков и переливы знаний. Пространственное размещение производства он называл «локализацией» (localized industry).

Вторичное открытие кластерной теории состоялось в конце XX в., и получило развитие в трудах американского экономиста, эксперта в области стратегического планирования, профессора кафедры делового администрирования Гарвардской

школы бизнеса Майкла Юджина Портера: «Конкурентные преимущества: Создавая и поддерживая более высокую производительность» (1985), «Международная конкуренция» (1993). М. Портер писал, что конкурентоспособность региона или страны следует рассматривать с точки зрения конкурентоспособности не отдельных ее организаций, а именно кластеров – объединений предприятий различных отраслей, способных эффективно использовать внутренние ресурсы. На основе анализа экономических процессов 10 стран он предположил, что их особые конкурентные преимущества обусловлены наличием концентрации предприятий в аналогичных или смежных отраслях, то есть связаны с территориальными и отраслевыми взаимосвязями предприятий в рамках этих кластеров. Следовательно, кластеры он рассматривал как фактор международной конкурентоспособности.

По мнению М. Портера, кластеры присутствуют как в крупномасштабной, так и в малой экономике, в городской или сельской области, как в условиях развитой, так и развивающейся экономики. Он утверждал, что кластеры «различаются по размеру, мощности и стадии развития». Некоторые кластеры, по его мнению, состоят в основном из малых и средних фирм.

М. Портер определил кластер, как «группу географически соседствующих взаимосвязанных компа-

ний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере, характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга» [18] и доказал, что эти механизмы:

- обеспечивают привилегированный или дешевый доступ к специализированным факторам производства при условии, если в регионе есть конкурентоспособные поставщики и конкурентоспособные родственные отрасли;

- позволяют накапливать специализированную информацию (знания), доступ к которой лучше организован и требует меньших издержек, облегчать движение потоков информации;

- обеспечивают взаимодополняемость видов деятельности (по удовлетворению покупательского спроса, маркетингу, закупкам), повышая тем самым качество и эффективность работы.

М. Портером разработана диаграмма для определения конкурентных преимуществ, получившая название «конкурентный ромб» («алмаз») с четырьмя группами преимуществ, к которым относятся:

- факторные условия – людские и природные ресурсы, научно-информационный потенциал, капитал, инфраструктура, в том числе качество жизни;

- условия внутреннего спроса – качество спроса, соответствие тенденциям развития спроса на мировом рынке, рост объемов спроса;

– смежные и обслуживающие отрасли (кластеры отраслей) – сферы поступления сырья и полуфабрикатов, сферы поступления оборудования, сферы использования сырья, оборудования, технологий;

– стратегия и структура фирм, наличие конкуренции – цели, стратегии, способы организации, менеджмент фирм, внутриотраслевая конкуренция.

Кроме того, существуют два дополнительных фактора, существенно влияющие на эффективность работы кластера: государственная политика и случайные события.

Термин «кластер» стал популярен среди экономистов с конца 1980-х гг. Период активного распространения по всему миру государственных кластерных программ пришелся на начало 2000-х гг. В советское время также были сформированы несколько небольших кластеров, но в целом промышленное разнообразие было подавлено монокультурной практикой.

В СССР достаточно активно развивался институт территориально-промышленных комплексов (*далее ТПК*). Существовали такие определения как «научно-производственный комплекс» и «территориально-производственная кооперация», однако плановая система и отраслевой принцип управления экономикой накладывали жесткие ограничения на их деятельность. Например, выбор поставщика, как правило, определялся распоряжением «сверху», а не са-

мым предприятием. В результате детали, которые производились в регионе, приходилось возить из дальних областей. Индустриальный комплекс создавался на принципах внутрисоюзного разделения труда, когда огромное количество поставщиков могло располагаться за тысячи километров от стержневого производства. С распадом СССР связи между предприятиями разорвались и многие производства остановились.

Вместе с тем, на наш взгляд, на данном этапе развития России при формировании кластерных структур не следует пренебрегать накопленным опытом, связанным с ТПК. Ряд положений концепции ТПК могут быть применены при создании кластеров, формировании новых промышленных районов, проектного и программного управления.

Кластерная теория нашла отражение в трудах М. Портера, И. Толенадо и Д. Солье, В. Фельдмана, Д. Керне, К. Кетелса и др. В России этому направлению посвящены работы В. Н. Цыганковой, М. И. Уманского, П. Г. Щедровицкого, Н. И. Лариной, В. З. Ямпольского и др.

Кластерное развитие – современная популярная концепция, но как показывает анализ публикаций специалистов в области кластерного развития, нет единого определения этому явлению. Общее понятие «кластер» представляет собой достаточно абстрактную категорию. Разные авторы делают акцент на разных характеристиках, присущих

этой форме сетевого взаимодействия. Термин «кластер» имеет более широкую трактовку и должен рассматриваться как совокупность не только взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга хозяйствующих субъектов, но и бизнес-проектов, разработок технологических решений, проектирования, а также этапы подготовки производства новых продуктов. Поэтому можно говорить, что кластеры представляют собой не просто форму, а специфическую форму сетевой организации. В кластерах субъекты взаимодействуют друг с другом, образуя сеть долгосрочных взаимоотношений и взаимозависимостей.

Анализ мировой практики горизонтальной и вертикальной интеграции промышленных предприятий показал, что одним из наиболее перспективных направлений развития кооперации предприятий является объединение их в кластеры. При этом наиболее динамичное развитие получают те регионы, где сформировались инновационные кластеры, включающие комплексы предприятий (промышленных компаний, исследовательских центров, финансовых и научных учреждений), органов государственного управления, профсоюзов, общественных организаций. Развитие кластерных форм кооперации предприятий снижает транзакционные издержки, приводит к синергетическим эффектам.

Пионерами в реализации кластерного подхода стали США.

В настоящее время полностью кластеризированы датская, финская, норвежская и шведская промышленность. Успешно функционируют отдельные кластеры в Германии (химия и машиностроение), Франции (производство продуктов питания, косметики), в Сингапуре (нефтехимия), в Японии (автомобилестроение) и других государствах. Количество кластеров в странах мира различно, например, на территории США функционирует около 20 промышленных инновационных центров, в Дании их 29, в Финляндии 9, а в Нидерландах 10 мегакластеров.

Существуют различные модели кластеров:

- европейская – концентрация конкурирующих компаний на определенной территории, которые выпускают различную продукцию, а за пределами территории проводят особую маркетинговую стратегию;

- североамериканская – географическая концентрация компаний связанных между собой экономическими отношениями по принципу территориальной специализации;

- азиатская – вертикальная интеграция предприятий и организаций на территории, созданной в рамках государственной экономической политики;

- японская – совокупность малых компаний, концентрирующихся вокруг предприятия-лидера.

Рассмотрим национальные особенности формирования и развития кластеров. В число лидеров по

успешности кластерной политики входят Финляндия и Германия. В этих странах за формирование кластеров отвечают министерства финансово-экономического блока, промышленности и торговли. Кластерно-инновационная политика Германии характеризуется вовлеченностью в процесс множества малых и средних предприятий, а также высоким уровнем образования специалистов, при этом близкое расположение кластеров позволяет добиться синергетического эффекта.

Экономика Швейцарии также развивается на основе кластеризации, здесь более 20 крупных кластеров (фармакологический, часовой, туристический и др. кластеры, кластер по производству медицинской техники и высокоточных инструментов), которые представляют отдельные отрасли. Правительство страны не принимало для этого специальных программ, оно лишь создало благоприятную бизнес-среду и политическую стабильность для развития кластеров.

Отличительной особенностью кластеров Италии является то, что они заняты преимущественно изготовлением потребительских товаров и пищевым производством. Среди кластеров есть крупные, объединяющие 100, 200 и более предприятий.

Формирование кластеров в российской экономике началось с 2005 г. Многие специалисты сходятся на том, что формирование кластера характеризуется наличием

как минимум трех условий, определяющих сетевую природу данной структуры:

- географическая концентрация организаций в определенной сфере деятельности: территория размещения, отраслевая специализация;

- ресурсы кластерного образования, которые носят взаимодополняющий характер и в результате объединения организаций может быть получен новый продукт;

- высокий уровень их связанности и организационная, информационная, технологическая согласованность действий, а также инновационная активность всех участников кластера.

Кластерная политика в России реализуется в общегосударственном и региональном масштабах путем внедрения кластерного подхода в систему управления развитием территорий. Из множества современных значений термина «политика» (греч. *πολιτική* – искусство управления государством) остановимся на следующем, это «совокупность мер и действий, направленных на достижение заведомо заданного результата», то есть для формирования и эффективного использования кластеров.

Актуальность создания кластеров заключается в развитии партнерства между государством, экономикой и наукой. К тому же кластер выступает как схема, согласно которой все производство продукции, начиная от ее разработки, первичного изготовления и заканчивая

продажей, идет по единой цепи. Цель создания региональных кластеров состоит в использовании местных особенностей для создания и повышения конкурентоспособности регионов. В состав участников кластеров входят сети производителей, поставщиков, потребителей, промышленная инфраструктура, НИИ, которые взаимосвязаны в процессе создания и экспорта продукции с большой долей добавленной стоимости.

Проблема формирования кластеров и кластерной политики впервые появилась в материалах Правительства Российской Федерации в конце 2005 года, несмотря на то, что в научных исследованиях российских специалистов она начала обсуждаться намного раньше. В документах Министерства экономического развития РФ в 2006 году отмечалось, что единственный путь наращивания экономического потенциала России – повышение производительности труда и диверсификация экономики.

Кластерная политика в России реализуется усилиями двух федеральных органов власти: Минэкономразвития и Минпромторга. Минэкономразвития в рамках программы поддержки малого и среднего предпринимательства с 2010 г. реализует практику предоставления субсидий субъектам Российской Федерации для создания и поддержки функционирования центров кластерного развития (*далее ЦКР*).

В 2012 г. Российское правительство заявило о начале реализации кластерной политики в рамках Стратегии инновационного развития до 2020 г. В п. 4 «Направления перехода к инновационному социально ориентированному типу экономического развития» Концепции стратегии социально-экономического долгосрочного развития Российской Федерации до 2020 года говорится о формировании новых центров социально-экономического развития и создании сети перспективных территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий [20].

В 2012 г. Минэкономразвития инициировало первую и наиболее масштабную на сегодня программу поддержки пилотных инновационных территориальных кластеров с совокупным бюджетом свыше 5 млрд руб. (2013-2015 гг.). В 2013 г. были утверждены Правила распределения и предоставления субсидий из федерального бюджета субъектам Российской Федерации на реализацию мероприятий, предусмотренных программами развития пилотных инновационных территориальных кластеров.

Премьер-министр Д. Медведев утвердил перечень пилотных инновационных территориальных формирований. В список вошли 25 иннокластеров в различных субъектах РФ, ориентированных на отрасли, приоритетные для будущего стабильного развития этих регионов.

Проекты отбирали на конкурсной основе из 94 заявок, которые поступили от территориальных образований, а также производственных и бизнес-структур, технопарков. Кластеры формировались по четырем основным критериям: наличие научно-технологического и образовательного потенциала; наличие производственного потенциала; соответствие определенным стандартам качества жизни и уровня развития транспортной, энергетической, инженерной и жилищной инфраструктуры; уровень организационного развития кластера. Перед регионами была поставлена задача повышения экономической эффективности их деятельности.

По данным Минэкономразвития, в 2013-2015 гг. объем производства в рамках кластеров увеличился на 429 млрд руб. (почти до 2 трлн руб.), совокупный объем совместных исследовательских проектов участников превысил 75 млрд руб.

Новое направление кластерной политики было задано в 2014 г. с принятием Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации», закрепившего определение промышленного кластера, а также возможность применения мер стимулирования его деятельности. С конца 2015 г. Минпромторг реализует программу поддержки промышленных кластеров.

В 2016 г. Минэкономразвития перешло к поддержке кластерных инициатив, основанной на принципах проектного управления, запу-

стив приоритетный проект «Развитие инновационных кластеров – лидеров инвестиционной привлекательности мирового уровня». В 2016 г. организации-участники инновационных кластеров-лидеров получили суммарно 100 зарубежных патентов на изобретения.

Ведущий научный сотрудник отдела анализа и прогнозирования развития отраслевых систем института экономики и организации промышленного производства, доктор экономических наук Леонид Сергеевич Марков выделяет пять наиболее общих типов кластерной политики:

1. Политика посредничества, направленная на создание условий для конструктивного диалога внутри кластера и усиление кооперации между его участниками.

2. Политика стимулирования спроса – формирование потребительских предпочтений в регионе, развитие родственных и поддерживающих секторов экономики, государственный и муниципальный заказы.

3. Образовательная политика, целью которой выступает формирование необходимых компетенций и подготовка кадров высокой квалификации в регионе.

4. Политика стимулирования внешних связей, заключающаяся в устранении торговых барьеров, защите прав интеллектуальной собственности, реализации инфраструктурных и инвестиционных проектов.

5. Политика создания благоприятных структурных условий: макроэкономических, институциональных и др. [11, 12].

В последние годы наметились новые стратегические тенденции в развитии кластерных инициатив, под которыми следует понимать отдельные составляющие кластерной политики. В частности, к современным тенденциям можно отнести вовлечение кластеров в формирование и реализацию региональных стратегий (smart specialization). К основным целям кластерных инициатив относят: развитие сетевых взаимодействий между фирмами и их со-

трудниками; развитие инноваций и новых технологий; привлечение в кластер специалистов и ученых; создание бренда кластера; создание условий для привлечения инвестиций и др. Преимущество кластера состоит в первую очередь в тесных внутрифирменных связях.

Регионы с кластерными образованиями имеют характерные особенности в управлении, при этом функционирование кластеров напрямую влияет на социально-экономическое развитие регионов. Характеристика кластерных преобразований в регионах представлена в таблице 1.

Таблица 1.

Характеристика кластерных образований в регионах

Характерные особенности	Индикаторы	Примечания
Кластерная политика является ядром стратегии регионального развития	Темпы развития экономики	Правовая база: Концепция долго-срочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.
Существование модели тройной спирали (Triple Helix Model)	Показатели взаимодействия предприятий и организаций, представляющих бизнес (продуцирует инновации), науку (продуцирует знания) и власть (выполняет функцию координатора)	Качество взаимодействия всех групп участников кластера определяет эффективность его деятельности
Развитие территориальных кластеров является одной из наиболее эффективных моделей частно-государственного партнерства	Оценка модели партнерства	Активность региональных стейк-холдеров формирует инициативную группу в целях институционализации отношений между участниками кластера
Наличие конкурентоспособных	Высокие показатели дея-	

Характерные особенности	Индикаторы	Примечания
Характерные особенности предприятий	Индикаторы: тельности участников кластера, по сравнению с другими аналогичными предприятиями (уровень мультифакторной производительности, уровень экспорта продукции и услуг; прирост чистой прибыли, выручки рентабельности и др.)	
Географическая концентрация и близость	Показатели, характеризующие уровень специализации региона на выпуске (оказании) определенного вида продукции (услуг). Коэффициент локализации (рассчитывается как отношение производства отрасли на душу населения в области к производству на душу населения в России) (эмпирически определенное минимальное значение – 1,25)	Участники кластеров находятся в географической близости друг к другу
Количество участников, достаточное для возникновения позитивных эффектов кластерного взаимодействия	Высокие показатели темпов роста новых рабочих мест на предприятиях и организациях, входящих в кластер, по сравнению с предприятиями в других отраслях и сферах бизнеса	
Наличие связей и взаимодействия между участниками кластеров	Партнерство предприятий с образовательными и исследовательскими организациями. Оценка реакции на потребительские ожидания и потребительский спрос	Взаимодействие направлено на продвижение товаров и услуг на существующие и новые рынки
Инновационная направленность кластера	Показатели выпуска инновационной продукции и уровня технической оснащенности	Инновационные территориальные кластеры в основном располагаются в европейской части страны. Карта кластеров России представлена в [6]
Гибкость состава и структуры		Отсутствие жестких ограничений, препятствующих изменению кластера

Если территориальный кластер представляет собой географически локализованное добровольное объединение различного рода организаций (фирм, банков, НИИ, ВУЗов и др.), взаимодействующих в области предпринимательской деятельности на основе кооперации, что позволяет повысить конкурентные пре-

имущества всех входящих в него участников, то экономический кластер – это структура предприятий, объединенных едиными финансовыми, информационными и материальными потоками. Примерную структуру кластера можно представить на рисунке 1.

Рис. 1. Возможная структура кластера

Кластеры различают по видам: монопроизводственный, который был характерен для XX в. (в нем одна линейная технологическая цепочка) – линейный кластер; диверсифицированный, в котором эффект образуется благодаря перебросу решений и технологий, идей, знаний из одних технологических цепочек в другие – диверсифицированный кластер, в котором появляется так называемая кластерная синергия.

В настоящее время в Северо-Западном, Центральном, Уральском, Сибирском, Дальневосточном и При-

волжском федеральных округах сформированы инновационные кластеры. Например, кластеры Санкт-Петербурга профилированы на медицинскую и фармацевтическую промышленность, радиационные технологии, в Новосибирской области создан инновационный кластер информационных и биофармацевтических технологий, в Димитровграде Ульяновской области – ядерно-инновационный кластер [7].

В 2016 г. Минэкономразвития представило итоги формирования и развития инновационных террито-

риальных кластеров: за три года выработка на одного работника организаций-участников увеличилась с 2 630 тыс. (в 2013 г.) до 3 235 тыс. руб. (в 2016 г.), число новых (или модернизированных) высокопроизводительных рабочих мест выросло с 27,2 тыс. (в 2013 г.) до 41,4 тыс. единиц (в 2016 г.), а объем произведенной продукции, работ и услуг (за тот же период) – с 1,54 трлн руб. ежегодно до 2,17 трлн руб. [7].

Проанализируем динамику развития кластеров по федеральным округам за период 2015-2017 гг.: в 52 регионах России образовано 137 кластеров, включая межрегиональные, так как их участники расположены на территории двух и более субъектов РФ. Опыт кластерно-сетевых формирований показывает, что сетевые структуры появились спонтанно, поэтому не все кластеры имеют эффективно функционирующие сетевые объединения.

Таблица 2

Динамика развития кластеров в России [12]

Федеральный округ	Годы		
	2015	2016	2017
Центральный	33	34	35
Северо-Западный	20	22	23
Южный	8	9	11
Северо-Кавказский	2	4	4
Приволжский	29	28	34
Уральский	13	13	7
Сибирский	16	17	21
Дальневосточный	4	3	2

С перечнем кластеров России можно ознакомиться в Ежегодном обзоре «Кластеры России» [12].

Промышленность как основа экономического развития регионов имеет преимущественно кластерную структуру экономики. В 2017 г. было 25 промышленных кластеров, включенных в реестр Министерства промышленности и торговли Российской Федерации. В 2018 г. промышленные кластеры были в 29 регионах, в их состав входили 1 800 промышленных предприятий с численностью сотрудников более 700 тысяч человек, имеющих средний уровень производственной кооперации в размере 20 % [13]. В 2019 г. промышленных кластеров стало уже 36, большинство из которых расположены в следующих федеральных округах: Приволжский, Центральный [13, 15]. К межрегиональным кластерам были отнесены: промышленный кластер метровагоностроения (Московская и Тверская области), национальный аэрозольный кластер (Ставропольский край, Карачаево-Черкесская Республика), промышленный кластер фотоники (Пермский край, Удмуртская Республика, Свердловская область), насосостроительный кластер (Воронежская и Липецкая область), кластер производителей композитных материалов (Республика Татарстан, Московская и Саратовская области).

К особенностям образования кластеров в регионах России можно отнести то, что они образуются в основном самостоятельно, путем формирования кластерных инициатив в уже освоенных районах, в городских агломерациях; в них выстраивается преимущественно гори-

зонтальная система взаимосвязей; ориентируются в своей производственной деятельности на рыночный спрос; характеризуются наличием как внешней, так и внутренней конкурентной среды. В целом кластерно-сетевые структуры дают мультипликативный эффект развития региона и способствуют повышению качества жизни населения.

В ряде регионов принимаются отдельные программы развития кластеров или создаются организационные структуры по их развитию. В 2018 году в г. Казани прошла IV Международная конференция кластеров «Партнерство для развития кластеров 2018». Конференция была посвящена обсуждению актуальных вопросов участия регионов и кластеров в реализации национальных проектов, а также различных аспектов международного кластерного сотрудничества. На конференции было отмечено, что существует проблема недостаточной разработанности нормативных актов, регулирующих кластерную политику. Так, формирование кластеров предусматривается в основном в законах, регулирующих общие вопросы социально-экономического развития, в частности: в законах, которыми утверждаются стратегии социально-экономического развития субъектов РФ (Республики Мордовия, Чувашская Республика; Краснодарский и Приморский края; Воронежская, Кемеровская, Самарская и другие области); в программах социально-экономического развития субъектов

РФ (Республики Татарстан, Бурятия и Удмуртская; Ростовская, Челябинская и другие области); в концепциях (Псковская область, Ставропольский край).

К регионам, в которых достаточно успешно осуществляется кластерная политика можно отнести Нижегородскую, Томскую и Самарскую области, а также Красноярский край. Так, в Нижегородской области активно формируются энергетический кластер, кластер лесной и деревообрабатывающей промышленности, кластер химической и нефтехимической промышленности, кластер в металлургической промышленности и металлообработки. В Красноярском крае кластеры формируются в лесной промышленности, сельском хозяйстве, ювелирной промышленности, а также в сфере транспорта. В Томской области формируется региональный кластер, функционирующий в рамках нефтегазового комплекса Западной Сибири. В Самарской области сформированы Поволжский автомобильный, Самарский космический, а также Авиационный промышленный кластер.

Нельзя не отметить, что, несмотря на наличие кластеров в различных регионах России, кластеризация региональной экономики остается одной из целей экономической политики страны [20]. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. определяет одним из основных направлений развития экономики

формирование новых центров социально-экономического развития за счет создания сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий. Координатором реализации кластерной политики в регионах на федеральном уровне выступает Министерство экономического развития Российской Федерации.

Проанализируем опыт развития кластеров в экономике Ярославской области, которая является экономически развитым регионом России, по совокупному показателю уровня социально-экономического развития занимает 11 место в России. Особенностью региональной экономики региона является вхождение крупных промышленных предприятий в состав вертикально-интегрированных структур (холдингов), которые имеют собственные стратегии и программы развития предприятий. Около 300 ярославских предприятий имеют федеральное значение и являются лидерами в своих отраслях. Без сомнений это необходимо учитывать при реализации кластерной политики в области.

В Ярославском регионе имеются высоко развитая промышленная база, квалифицированные трудовые ресурсы, развитая структура начального, среднего и высшего профессионального образования, значительный научный, инвестиционный и инновационный потенциал, эффективно действующий механизм поддержки малого и среднего бизнеса. В области реализуется последовательная кластерная политика, кластеры форми-

руются как в традиционных для области отраслях экономики (дизельостроение, лакокраска и др.), так и новых (фармацевтический, туристический).

Ярославский фармацевтический кластер развивается с 2009 г., является приоритетным направлением развития экономики и одним из самых успешных бизнес-проектов региона. В 2016 г. в Ярославле зарегистрирована некоммерческая корпоративная организация, объединяющая 15 участников, «Ассоциация современной фармацевтической промышленности и инновационной медицины Ярославской области». Она создана с целью координации деятельности и привлечения финансирования за счет федеральных и региональных программ поддержки кластерных инициатив. В число задач Ассоциации входит взаимодействие с органами исполнительной власти региона и представительство кластера на внешних мероприятиях, установление контактов с аналогичными кластерами других регионов [5].

Целью создания туристско-рекреационного кластера является повышение конкурентоспособности Ярославской области на туристическом рынке за счет синергетического эффекта. Создание туристического кластера во многом определяет позиционирование территории и влияет на формирование имиджа региона.

Вместе с тем нельзя не отметить отсутствие правовой основы по определению основных направлений и механизмов кластерной по-

литики и соответственно сформированных кластеров в экономике. К слабым сторонам можно отнести и отсутствие системной информационной и методической поддержки потенциальных участников кластеров, а также недостаточный уровень компетенции их специалистов в вопросах кластерной политики.

В «Концепции кластерной политики Правительства области», утвержденной постановлением Правительства Ярославской области от 30.06.2009 N 650-п, развитие кластеров определено как стратегическое направление развития региональной экономики. В документе имеется SWOT-анализ социально-экономического положения Ярославской области, даны предпосылки и условия для создания перспективных (пилотных) кластеров в экономике Ярославской области, таких как кластеры дизелестроения, лакокрасочный, льнопереработки, автокомпонентов, полиграфического машиностроения, IT-, нано- и биотехнологий и др. [19]

В «Стратегии социально-экономического развития Ярославской области до 2020 года и на перспективу до 2030 года» указано, что одной из задач стратегии Ярославской области является формирование 2-3 кластеров современных высокотехнологичных производств промышленности и создание 1-2 технико-внедренческих зон. В документе говорится об экономической основе развития химического кластера и о завершении к 2030 году кластера транспортного машиностроения. В

качестве проектов предлагается восстановление Ярославского автозавода по выпуску тяжелых грузовиков и спецтранспорта, организация производства трамваев, пригородных компактных электропоездов и дизельпоездов, производство самолетов-воздушных такси, судостроение полного цикла [24].

В рамках реализации концепции кластерной политики Правительства области реализуются уникальные образовательные проекты совместно с промышленными предприятиями фармацевтического кластера, высшими учебными заведениями и учреждениями среднего профессионального образования. С 1 сентября 2010 г. работает центр подготовки технического персонала для фармацевтической промышленности на базе химико-технологического лицея г. Ярославля при поддержке фармацевтической компании «Никомед», которая представляет собой сеть взаимосвязанных инновационных фирм-разработчиков лекарств, производственных компаний, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных услуг; объектов инфраструктуры: вузов, колледжей и других организаций. В кластер входят и реально интегрируются российские и иностранные компании: «Р-ФАРМ», «Такеда-Никомед», «Тева», «НТ-фарма», «Витафарма», «Фармославль».

В заключение отметим, что развитие регионов и повышение их конкурентоспособности является актуальной задачей для экономики России. Кластеризация экономики

позволяет сформировать основные направления государственной политики регионального развития, повысить производительность, эффективность и конкурентоспособность бизнеса. Формирование и развитие кластеров в регионах яв-

ляется совместной задачей бизнеса и органов власти соответствующего уровня (федеральной, региональной и муниципальной); только взаимодействие между ними гарантирует достижение успеха в построении кластера.

Библиографический список

1. Анохин, К. Регионы применяют кластеры [Электронный ресурс] // РБК. Партнерские проекты. Российский инвестиционный форум – 2018. – Выпуск № 1. – 15 февраля 2018 года. – URL: <https://plus.rbc.ru/news/5a8485aa7a8aa91b5bc0733a/>. – (Дата обращения: 10.11.2019).
2. Батракова, Л. Г. Развитие цифровой экономики в регионах России [Текст] / Л. Г. Батракова // Социально-политические исследования. – 2019. – № 1. – С. 51–64.
3. Батракова, Л. Г. Развитие цифрового управления в регионах [Текст] / Л. Г. Батракова // Социально-политические исследования. – 2019. – № 2 (3). – С. 45–60.
4. Ежегодный обзор «Кластеры России». – 2017 [Электронный ресурс]. – URL: <http://akitrf.ru/upload/iblock/633/63383ea5dd27629d5c2a0cf7ff5ae53f.pdf>. – (Дата обращения: 10.11.2019).
5. Инвестиционный портал Ярославской области. Инвестиционная и кластерная политика Ярославской области [Электронный ресурс]. – URL: https://www.yarinvestportal.ru/business/tourism_p_9/tourism_p_9_p_1/. – (Дата обращения: 10.11.2019).
6. Карта кластеров России [Электронный ресурс]. – URL: <http://clusters.monocore.ru/list>. – (Дата обращения: 10.11.2019).
7. Кластерный анализ регионов Центрального Федерального округа по социально-экономическим и демографическим показателям // Экономика, Статистика и Информатика. – 2015. – № 5. – С. 111–115.
8. Клемешев, А. П. Регион в условиях глобализации [Текст] / А. П. Клемешев // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2005. – № 2. – С. 22–38.
9. Концепция кластерной политики Ярославской области от 22.06.2007 № 572 «Стратегия социально-экономического развития Ярославской области до 2030 года». [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/24536170/>. – (Дата обращения: 10.11.2019).
10. Корабейников, И. Н., Корабейникова, О. А., Макеева, Е. Н. Исследование проблем управления социально-экономическим развитием региона в условиях становления сетевой экономики [Текст] / И. Н. Корабейников, О. А. Корабейникова, Е. Н. Макеева // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. – 2012. – № 6. – С. 4–15.
11. Марков, Л. С. Проблемы реализации кластерной политики в России [Электронный ресурс] / Л. С. Марков. – URL: <http://www.cluster-center.ru/about1.html>. – (Дата обращения: 26.08.2019).
12. Марков, Л. С. Теоретико-методологические основы кластерного подхода [Текст] / Л. С. Марков. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2015. – 300 с.

13. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации от 26.12.2008 г. № 20636-АК/Д19 // Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/development/doc1248781537747>. – (Дата обращения: 10.11.2019).
14. Общие вопросы промышленной политики: некоторые важные решения и факты за 6 лет // Правительство России, 11 апреля 2018 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/info/32124/>. – (Дата обращения: 10.11.2019).
15. Официальный сайт Департамента инвестиций и промышленности по Ярославской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.yarregion.ru/depts/der/Pages/klaster.aspx>. – (Дата обращения: 10.11.2019).
16. Перечень – список промышленных кластеров России – 2019 // Индустриальные парки и технопарки России [Электронный ресурс]. – URL: <https://russiaindustrialpark.ru/article/perechen-spisok-promyshlennyh-klasterov-rossii-2019-god>. – (Дата обращения: 10.11.2019).
17. Пожидаев, Г. Сетевой подход в управлении регионом [Текст] / Г. Пожидаев // ВЕСТНИК ВГУ. СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ. – 2017. – № 2. – С. 71-75.
18. Портер, М. Конкуренция [Текст] / М. Портер ; пер. с англ. – М. : Издательский дом «Вильямс», 2005. – 608 с.
19. Постановление Правительства Ярославской области от 30.06.2009 N 650-п «Об утверждении Концепции кластерной политики Правительства области» [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/24550558/>. – (Дата обращения: 10.11.2019).
20. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=308069&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.2910331247969089#06951678437616022>. – (Дата обращения: 10.11.2019).
21. Рейтинг инновационных регионов России 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://i-regions.org/reiting/rejting-innovatsionnogo-razvitiya/2018>. – (Дата обращения: 10.11.2019).
22. Сводная статистическая информация геоинформационной системы по кластерам // Минпромторг России – 2019. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gisip.ru/stats_sum_clusters/pdf/ru/. – (Дата обращения: 10.11.2019).
23. Сетевая экономика (определение) // Инфопедия для углубления знаний [Электронный ресурс]. – URL: <https://infopedia.su/4x4a8b.html>. – (Дата обращения: 10.11.2019).
24. Стратегия социально-экономического развития Ярославской области до 2030 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://resurs-yar.ru/files/vip22/blok1/3.pdf>. – (Дата обращения: 10.11.2019).
25. Стрелец, И. А. Сетевая экономика [Текст] / И. А. Стрелец. – М. : Эксмо, 2006. – 208 с.
26. Шибаева, Т. А. Особенности кластерно-сетевого управления региональной экономикой [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» Том 9, № 3 (май – июнь 2017). – URL: <http://naukovedenie.ru>. – (Дата обращения: 10.11.2019).

27. Kelly K. New Rules for the New Economy. WIRED September, 1997. [Электронный ресурс]. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/ZS/KELLY.HTM>. – (Дата обращения: 10.11.2019).

Bibliograficheskij spisok

1. Anohin, K. Regiony primenjajut klasteri [Jelektronnyj resurs] // RBK. Partner-skie proekty. Rossijskij investicionnyj forum – 2018. – Vypusk № 1. – 15 fevralja 2018 goda. – URL: <https://plus.rbc.ru/news/5a8485aa7a8aa91b5bc0733a/>. – (Дата obrashhenija: 10.11.2019).
2. Batrakova, L. G. Razvitie cifrovoj jekonomiki v regionah Rossii [Tekst] / L. G. Batrakova // Social'no-politicheskie issledovanija. – 2019. – № 1. – S. 51–64.
3. Batrakova, L. G. Razvitie cifrovogo upravlenija v regionah [Tekst] / L. G. Batrakova // Social'no-politicheskie issledovanija. – 2019. – № 2 (3). – S. 45–60.
4. Ezhegodnyj obzor «Klasteri Rossii». – 2017 [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://akitrf.ru/upload/iblock/633/63383ea5dd27629d5c2a0cf7ff5ae53f.pdf>. – (Дата obrashhenija: 10.11.2019).
5. Investicionnyj portal Jaroslavskoj oblasti. Investicionnaja i klaster-naja politika Jaroslavskoj oblasti [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://www.yarinvestportal.ru/business/tourism_p_9/tourism_p_9_p_1/. – (Дата obrashhenija: 10.11.2019).
6. Karta klasterov Rossii [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://clusters.monocore.ru/list>. – (Дата obrashhenija: 10.11.2019).
7. Klasternyj analiz regionov Central'nogo Federal'nogo okruga po soci-al'no-jekonomicheskim i demograficheskim pokazateljam // Jekonomika, Statistika i Informatika. – 2015. – № 5. – S. 111–115.
8. Klemeshev, A. P. Region v uslovijah globalizacii [Tekst] / A. P. Klemeshev // Vestnik VGU. Serija Gumanitarnye nauki. 2005. – № 2. – S. 22–38.
9. Koncepcija klasternoj politiki Jaroslavskoj oblasti ot 22.06.2007 № 572 «Strategija social'no-jekonomicheskogo razvitija Jaroslavskoj oblasti do 2030 goda». [Jelektronnyj resurs]. – URL: <https://base.garant.ru/24536170/>. – (Дата obrashhenija: 10.11.2019).
10. Korabejnikov, I. N., Korabejnikova, O. A., Makeeva, E. N. Issledovanie problem upravlenija social'no-jekonomicheskim razvitiem regiona v uslovijah stanovlenija setevoj jekonomiki [Tekst] / I. N. Korabejnikov, O. A. Korabejnikova, E. N. Makeeva // Vestnik UrFU. Serija jekonomika i upravlenie. – 2012. – № 6. – S. 4–15.
11. Markov, L. S. Problemy realizacii klasternoj politiki v Rossii [Jelektronnyj resurs] / L. S. Markov. – URL: <http://www.cluster-center.ru/about1.html>. – (Дата obrashhenija: 26.08.2019).
12. Markov, L. S. Teoretiko-metodologicheskie osnovy klasterного podhoda [Tekst] / L. S. Markov. – Novosibirsk : IJeOPP SO RAN, 2015. – 300 s.
13. Metodicheskie rekomendacii po realizacii klasternoj politiki v sub#ektah Rossijskoj Federacii ot 26.12.2008 g. № 20636-AK/D19 // Sajt Ministerstva jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj federacii. [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/development/doc1248781537747>. – (Дата obrashhenija: 10.11.2019).

14. Obshhie voprosy promyshlennoj politiki: nekotorye vazhnye reshenija i fakty za 6 let // Pravitel'stvo Rossii, 11 aprelja 2018 goda [Jelektronnyj re-surs]. – URL: <http://government.ru/info/32124/>. – (Data obrashhenija: 10.11.2019).
15. Oficial'nyj sajt Departamenta investicij i promyshlennosti po Jaro-slavskoj oblasti [Jelektronnyj resurs]. – URL: <https://www.yarregion.ru/depts/der/Pages/klaster.aspx>. – (Data obrashhenija: 10.11.2019).
16. Perechen' – spisok promyshlennyh klasterov Rossii – 2019 // Industri-al'nye parki i tehнопarki Rossii [Jelektronnyj resurs]. – URL: <https://russiaindustrialpark.ru/article/perechen-spisok-promyshlennyh-klasterov-rossii-2019-god>. – (Data obrashhenija: 10.11.2019).
17. Pozhidaev, G. Setevoj podhod v upravlenii regionom [Tekst] / G. Pozhidaev // VESTNIK VGU. SERIJa: JeKONOMIKA I UPRAVLENIE. – 2017. – № 2. – S. 71–75.
18. Porter, M. Konkurencija [Tekst] / M. Porter ; per. s angl. – M. : Izdatel'skij dom «Vil'jams», 2005. – 608 s.
19. Postanovlenie Pravitel'stva Jaroslavskoj oblasti ot 30.06.2009 N 650 p «Ob ut-verzhenii Konceptii klasternoj politiki Pravitel'stva oblasti» [Jelektronnyj resurs]. – URL: <https://base.garant.ru/24550558/>. – (Data obrashhenija: 10.11.2019).
20. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 N 1662 r (red. ot 28.09.2018) «O Konceptii dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda» [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=308069&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.2910331247969089#06951678437616022>. – (Data obrashhenija: 10.11.2019).
21. Rejting innovacionnyh regionov Rossii 2018 [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://i-regions.org/reiting/rejting-innovatsionnogo-razvitiya/2018>. – (Data obrashhenija: 10.11.2019).
22. Svodnaja statisticheskaja informacija geoinformacionnoj sistemy po klasteram // Minpromtorg Rossii – 2019. [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://www.gisip.ru/stats_sum_clusters/pdf/ru/. – (Data obrashhenija: 10.11.2019).
23. Setevaja jekonomika (opredelenie) // Infopedija dlja uglublenija znanij [Jelektronnyj resurs]. – URL: <https://infopedia.su/4x4a8b.html>. – (Data obrashhenija: 10.11.2019).
24. Strategija social'no-jekonomicheskogo razvitija Jaroslavskoj oblasti do 2030 goda [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://resurs-yar.ru/files/vip22/blok1/3.pdf>. – (Data obrashhenija: 10.11.2019).
25. Strelec, I. A. Setevaja jekonomika [Tekst] / I. A. Strelec. – M. : Jeksmo, 2006. – 208 s.
26. Shibaeva, T. A. Osobennosti klasterno-setevogo upravlenija regional'noj jekonomikoj [Jelektronnyj resurs] // Internet-zhurnal «NAUKOVEDENIE» Tom 9, № 3 (maj – ijun' 2017). – URL: <http://naukovedenie.ru>. – (Data obrashhenija: 10.11.2019).
27. Kelly K. New Rules for the New Economy. WIRED September, 1997. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/ZS/KELLY.HTM>. – (Data obrashhenija: 10.11.2019).

DOI 10.24411/2658-428X-2019-10550
УДК 332.02

В. А. Гордеев

<https://orcid.org/0000-0002-1147-2295>

С. В. Шкиотов

<https://orcid.org/0000-0002-6070-3950>

Точки роста и факторы торможения в экономике Ярославской области

Для цитирования: Гордеев В. А., Шкиотов С. В. Точки роста и факторы торможения в экономике Ярославской области // Социально-политические исследования. – 2019. – № 4 (5). – С. 93–101

Статья посвящена современным проблемам региональной экономики на примере Ярославской области Российской Федерации. Изложена критическая оценка выполнения губернаторской программы «Десять точек роста». Выявлен ряд факторов торможения в этой деятельности. Отмечается падение индекса промышленного производства, прекращение промышленного строительства, сохранение убыточности трети всех производственных предприятий, опережающий рост цен на потребительские товары, падение реальных располагаемых доходов жителей области, снижение реального размера пенсии. Подчеркивается, что в области происходит дальнейшее серьезное сокращение совокупного спроса и стимулирования производства. Особое внимание уделено финансовому обеспечению реализации губернаторской программы, пополнению регионального бюджета. Сформулированы предложения по преодолению выявленных факторов торможения.

Ключевые слова: региональная экономика; Ярославская область РФ; губернаторская программа «Десять точек роста»; факторы торможения; финансовое обеспечение программы; проблема пополнения регионального бюджета.

V. A. Gordeev, S. V. Shkiotov

Growth points and braking factors in the economy of Yaroslavl region

The article is devoted to contemporary problems of the regional economy using the example of the Yaroslavl region of the Russian Federation. A critical assessment of the implementation of the governor's program "Ten Points of Growth" is presented. A number of inhibition factors were identified in this activity. There is a drop in the index of industrial production, the cessation of industrial construction, continued losses of one-third of all industrial enterprises, the accelerated growth of prices of consumer goods, the fall in real disposable income of the residents of the region, the decline in real pensions. It is emphasized that in the region there is a further serious reduction in

© Гордеев В. А., Шкиотов С. В., 2019

aggregate demand and stimulation of production. Particular attention is paid to financial support for the implementation of the governor's program, replenishment of the regional budget. Suggestions are made to overcome the identified inhibition factors.

Key words: regional economy; Yaroslavl region of the Russian Federation; Governmental program «Ten points of growth»; braking factors; program financial support; the problem of replenishing the regional budget.

Три года назад руководить нашим регионом был направлен из Москвы энергичный генерал Дмитрий Юрьевич Мионов. К этому времени ярославцы уже привыкли слушать и читать в СМИ, что при его предшественнике С. Н. Ястребове Ярославская область среди 85 субъектов Российской Федерации по тем или иным направлениям социально-экономического развития неизменно занимала одно из последних мест. А ведь когда-то, в советское время, девять из 15-ти союзных республик огромного СССР уступали нашей малюсенькой (всего 37 тыс. км²) по географическим масштабам области, например, по объему выпускаемой промышленной продукции. Тогда и представить никто не мог даже в страшном сне, что вот теперь наш регион станет дотационным, впрочем, как и большинство других субъектов РФ.

Приход Д. Ю. Миронова на пост и. о. губернатора пробудил надежды на оздоровление социально-экономической ситуации в регионе. Была поддержана выдвинутая временно исполняющим обязанности губернатора программа «Десять точек роста», определявшая целевые рубежи на каждом из десяти основных направлений экономиче-

ской и социальной региональной политики. В сентябре 2017 на выборах губернатора Ярославской области избиратели активно поддержали кандидатуру Д. Ю. Миронова. Если проанализировать ежегодные отчеты губернатора перед Государственной думой Ярославской области, структуру регионального бюджета, текущие постановления губернатора, статистику, то можно обнаружить, что Д. Ю. Мионов и правительство области направляют активные усилия по выполнению намеченной программы.

Однако нельзя не видеть и того, что в этой деятельности, к сожалению, не достигается достаточной эффективности. Возьмем, к примеру, документ Ярославльстата «Социально-экономическое положение области за январь-июль 2019 года», который одному из нас уже довелось комментировать в интервью газете «Аргументы и факты» [1]. В нем отмечено, что индекс промышленного производства в нашем регионе упал в анализируемый период (январь-июль 2019 года) почти на 5 % по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года – 95,9 % – это самое глубокое падение среди регионов Центрального федерального округа. Однако и в прошлом году этот индекс ни-

как нельзя было признать достаточным, а значит плохо идет достижение такой важной точки роста, как развитие промышленного производства. Чтобы читатели представляли степень важности этой точки, заметим, что почти треть (30 %) поступлений в региональный бюджет обеспечивает не что иное, как налог с прибыли промышленных предприятий, зарегистрированных на территории области.

Неблагополучие в промышленном секторе региональной экономики резко сокращает возможности для финансового обеспечения достижения вообще всех точек роста. А если к этому добавить, что у нас треть производственных предприятий вообще убыточна, то есть с нее никакого налога с прибыли, естественно, не возьмешь, то проблема предстает еще более острой. К тому же у нас практически прекращено промышленное строительство: не строится и не планируется строить ни одного промышленного предприятия. Но ведь необходимый прорыв для региона как раз и заключается в создании высокотехнологичных и высококонкурентных производственных предприятий, от которых можно бы получать и налоговые пополнения в региональный бюджет.

Тем более, что у ярославцев есть опыт создания таких предприятий, например, завод по выпуску современных двигателей в Заволжском районе Ярославля, который при посещении высоко оценил президент

РФ В. В. Путин, назвав лучшим в стране, а владелец предприятия О. Дерипаска при этом не без резона поправил: «В мире». Кроме того, если еще учесть, что за последние годы закрыто (снято с регистрации) шесть тысяч малых и средних предприятий в области, то картина выглядит просто удручающей.

Правда, документ Ярославльстата дает и некоторое утешение, показав, что своеобразной точкой роста в первой половине 2019 года выступило сельскохозяйственное производство. Так, например, выросло по сравнению с аналогичным периодом прошлого года производство животноводческой продукции: мясо – 109,8 %, молоко – 101,6 %, яйца – 115,5 %. Конечно, этот рост «душу греет» патриотам малой родины – Ярославии.

Однако нельзя не заметить, что темпы этого роста все еще недостаточны по сравнению с потребностями и собственными результатами, например, конца советского периода. Тогда на территории области обрабатывалось и удобрялось восемьсот тысяч гектаров пашни, а сейчас только двести, то есть вчетверо меньше. На месте ржаных и льняных полей сегодня ядовитый борщевик, заросли ольхи и ивы с энцефалитными клещами. Ярославцы лишены теперь вкуса настоящего ржаного хлеба, а те из них, кто трудился на наших многочисленных льнокомбинатах, оказались без работы.

Поэтому заслуживает одобрения намерение Д. Ю. Миронова, в отличие от предшествующих губернаторов, восстанавливать пашню, возрождать льноводство. Но на пути к реализации такого намерения встают факторы торможения, зачастую внешние для региона. Сегодня в РФ практически не осталось производителей той техники, которая бы выкорчевывала иву и ольху, окультуривая бывшие поля, и той, которая обеспечивала бы льноводческую подотрасль. А та техника, которая работала в колхозах и совхозах советских лет, давно сгнила или сдана в металлолом. Конечно, можно вспомнить инициативу и опыт ряда промышленных предприятий Ярославской области по кооперации в выпуске, например, в 1970-е годы столь дефицитных тогда кормоуборочных комбайнов за пределами собственной специализации и государственных планов (Госплан включал это в директивные показатели уже потом, по предложению самих ярославцев «задним числом»). Ну, так, вроде, сегодня и планами сверху не скованы.

Однако нет уже той мощи у сегодняшних ярославских заводов. Например, глава тогдашней упомянутой кооперации Ярославский моторный завод имел тогда численность работающих 45 тысяч человек, а сегодня около четырех тысяч, практически при том же уровне производительности труда.

Словом, использование того опыта было бы сегодня непосильно

затратным для предприятий региона. А говорить о возможностях регионального бюджета тут вообще бессмысленно: его объем на 2019 год на стадии проекта при обсуждении в ноябре 2018 года составлял всего 60 млрд рублей, при этом его долг равнялся двум третям от этой суммы. Выходит, остается только искать инвесторов-миллиардеров. К сожалению, сотрудники соответствующих департаментов областного правительства пока не умеют этого делать. Не умеют достаточно эффективно мониторить ситуацию на рынках тех или иных промышленных изделий, прогнозировать спрос на них в предстоящие годы, чтобы предложить потенциальному инвестору убедительные расчеты-аргументы для заключения соглашения об инвестировании в строительство соответствующих промышленных предприятий на территории региона.

Далее упомянутый документ Ярославльстата на цифрах показывает, что в нашей области быстрее, чем в соседних регионах растут цены. Так, индекс потребительских цен в июне 2019 года в % к декабрю 2018 года в нашем регионе самый высокий – 103,2, тогда как в других областях Центрального федерального округа – 102,6.

По данным Ярославльстата, в первой половине 2019 года более чем на 5 % упали реальные располагаемые доходы жителей нашей области, идет нарастание и обострение социальной и нрав-

ственной проблем. Но, кроме того, считаем необходимым обратить внимание и на следующий экономический аспект: еще одна треть поступлений в региональный бюджет обеспечивается подоходным налогом с физических лиц. А если эти физические лица беднеют, как показали бесстрастные цифры статоргана, то мелеет и приток для финансирования точек роста региона. К тому же уровень благосостояния граждан, как в свое время убедительно показал английский экономист Дж. М. Кейнс, выступает фактором повышения совокупного спроса, а значит, и стимулирования производства товаров и услуг, и, следовательно, способствует экономическому росту. Причем за счет мультипликационного эффекта результат в объеме увеличения производства оказывается многократно больше, чем вызвавшее его увеличение совокупного спроса. У нас же при обеднении потенциальных покупателей мультипликационный эффект действует в противоположную сторону, сокращая совокупный спрос, тем самым значительно снижая стимулы к росту производства. Ведь надо еще иметь в виду, как отмечает Ярославльстат, что у нас в первой половине 2019 года, уменьшились и пенсии. Хотя средний размер назначенных пенсий на 1 июля 2019 года составил 14 352 рубля, увеличившись по сравнению с аналогичной датой прошлого года на 6,3 %, но реальный размер пенсий в 2019 году – лишь 99,5 % к

соответствующему периоду предыдущего года. Дело в том, что, как известно, в реальном выражении «съедается» часть назначенной пенсии из-за инфляции.

Так, у работающих пенсионеров, лишенных индексации, хоть и не снижается назначенная пенсия, зато реальная интенсивно сокращается. А значит, повторимся, происходит дальнейшее значительное сокращение совокупного спроса и стимулирования производства, пополнения регионального бюджета для финансового обеспечения достижения точек роста.

Таким образом, степень реализации программы «Десять точек роста» не может удовлетворять ярославцев. Поэтому требуется более активное научное осмысление проблем деятельности на этом направлении и разработка конкретных рекомендаций областному правительству по ее оптимизации, повышению эффективности. Первая часть этой задачи настойчиво, по нашему мнению, осуществляется редакционной коллегией, которую мы представляем, сетевого журнала «Теоретическая экономика» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», его авторами [2, с. 11].

В статье одного из нас совместно со студентом автомеханического факультета ЯГТУ И. К. Кудратовым «Экономические проблемы двигателестроения в РФ и пути их решения» [2] обращено внимание на главную для нашего региона от-

расль, проанализировано состояние двигателестроения на ярославских предприятиях, предложены рекомендации по его восстановлению и развитию на новой, современной основе. Теоретическим аспектам развития региональных хозяйственных систем посвящена рецензия одного из нас на научную монографию по этим проблемам [3]. В этом же плане теоретического осмысления вопросов развития региональной экономики представляет интерес работа «Геоэкономическая природа региона: потенциал для роста российской экономики», которую представили в наш журнал исследователи из Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова: доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой экономики и статистики Е. В. Сапир и кандидат экономических наук, доцент И. А. Карачев [4].

Целый ряд статей [5, с. 11] посвящен такой актуальной и практически значимой для экономики Ярославской области проблеме, как совершенствование кластерной политики. В нашем регионе считается созданным более десятка кластеров различных направлений, но немало вопросов и претензий к степени их развитости и эффективности. Проблемам аграрного кластера посвящены работы одного из нас в соавторстве с заместителем главного редактора М. А. Майоровой и ответственным секретарем редколлегии нашего сетевого издания

М. И. Маркиным [5, 6]. Три публикации нашего журнала раскрывают проблемы лучшего в России из фармацевтических кластеров, каким признан ярославский [9, 11]. В тезисах доклада и. о. ректора ЯГТУ, кандидата экономических наук Е. О. Степановой на международной научной конференции, состоявшейся в нашем вузе, анализируются вопросы кадровой работы в ярославском фармацевтическом кластере [10]. Статья магистранта В. С. Зверева из Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, написанная им совместно с научным руководителем, доктором экономических наук, профессором Е. Г. Патрушевой [4], обращает внимание областного правительства на существенное упущение в недополучении федеральных субсидий, предусмотренных правительством РФ при условии оформления определенных документов, которое не было сделано ярославскими чиновниками то ли по недосмотру, то ли по некомпетентности. А публикация кандидата технических наук, доцента кафедры «Управление предприятием» ЯГТУ М. Б. Абрамовой [1] содержит рецензию на статью В. С. Зверева и Е. Г. Патрушевой. Работа Е. О. Степановой о кластерном подходе в развитии IT-инфраструктуры региона [10] посвящена самому актуальному для развития цифровой экономики вопросу. Важному для Ярославля, столицы Золотого туристического кольца, туристско-

рекреационному кластеру посвящена работа одного из нас в соавторстве с М. И. Маркиным [11].

Что касается второй части, обозначенной выше задачи – разработки практических рекомендаций областному правительству по повышению эффективности региональной социально-экономической политики, реализации программы «Десять точек роста», – то она решается не только публикациями в нашем сетевом издании «Теоретическая экономика». Как эксперт по экономике и финансам Общественной палаты Ярославской области, один из нас при обсуждении проекта регионального бюджета на 2019-2021 годы в ноябре 2018 года и выполнения областного бюджета за 2018 год в июне 2019 года высказывал эти рекомендации. Во-первых, сотрудникам всех департаментов администрации региона постоянно заниматься пополнением бюджета на том направлении, которое они курируют по служебным обязанностям. Как нам известно, губернатор Д. Ю. Миронов эту рекомендацию высказывает подчи-

ненным на аппаратных совещаниях, но еще, по нашему мнению, нет последовательной системы спроса с сотрудников за реализацию этого требования со стороны руководителей структурных подразделений. Во-вторых, восстановить ведущую роль Экономического совета, общественной организации руководителей местных предприятий в поиске источников пополнения регионального бюджета сверх установленных налогов. В-третьих, тщательнее готовиться к встречам с потенциальными инвесторами и активнее привлекать их к строительству новых высокотехнологических и высококонкурентных производственных предприятий на территории региона. В-четвертых, систематически работать с депутатами ГД РФ от Ярославской области, чтобы они совместно с избранниками из других регионов блокировали законопроекты, ущемляющие возможности региональных и муниципальных бюджетов по финансированию местных социально-экономических программ.

Библиографический список

1. Абрамова, М. Б. Отзыв на статью В. С. Зверева и Е. Г. Патрушевой «Управление региональным промышленным кластером на основе мониторинга условий его функционирования» [Текст] / М. Б. Абрамова // Теоретическая экономика. – 2018. – № 6. – С. 146–150.
2. Гордеев, В. А., Кудратов, И. К. Экономические проблемы двигателестроения в РФ и пути их решения [Текст] / В. А. Гордеев, И. К. Кудратов // Теоретическая экономика. – 2015. – № 6. – С. 21–26.
3. Гордеев, В. А. Рецензия на монографию «Совершенствование методических подходов к оценке эффективности развития региональных хозяйственных систем:

аспект инновационности [Текст] / В. А. Гордеев // Теоретическая экономика. – 2016. – № 2. – С. 23–25.

4. Зверев, В. С., Патрушева, Е. Г. Управление региональным промышленным кластером на основе мониторинга условий его функционирования [Текст] / В. С. Зверев, Е. Г. Патрушева // Теоретическая экономика. – 2018. – № 4. – С. 99–116.

5. Майорова, М. А., Шкиотов, С. В., Маркин, М. И. Адаптация высокоточного земледелия в производственно-экономической деятельности предприятий АПК на примере Ярославской области [Текст] / М. А. Майорова, С. В. Шкиотов, М. И. Маркин // Теоретическая экономика. – 2018. – № 5. – С. 74–78.

6. Майорова, М. А., Шкиотов, С. В., Маркин, М. И. Оценка современного состояния производственно-экономической деятельности сельскохозяйственных предприятий на примере Ярославской области [Текст] / М. А. Майорова, С. В. Шкиотов, М. И. Маркин // Теоретическая экономика. – 2018. – № 4. – С. 164–170.

7. Савичева, О. «Съеденные доходы». Каково экономическое положение области [Текст] // Аргументы и факты. № 36, 2019 г. / Региональное приложение для жителей Ярославля и Ярославской области. – С. 2.

8. Сапир, Е. В., Карачев, И. А. Геоэкономическая природа региона: потенциал для роста российской экономики [Текст] / Е. В. Сапир, И. А. Карачев // Теоретическая экономика. – 2017. – № 5. – С. 44–52.

9. Степанова, Е. О. Кадровое обеспечение цифровой экономики (на примере фармацевтической отрасли промышленности) [Текст] / Е. О. Степанова // Теоретическая экономика. – 2019. – № 4. – С. 38–40.

10. Степанова, Е. О. Кластерный подход в развитии ИТ-инфраструктуры региона (на примере Ярославской области) [Текст] / Е. О. Степанова // Теоретическая экономика, 2019. – № 2. – С. 54–57.

11. Шкиотов, С. В., Маркин, М. И. Оценка текущего состояния туристско-рекреационного кластера на территории Ярославской области [Текст] / С. В. Шкиотов, М. И. Маркин // Теоретическая экономика. – 2019. – № 5. – С. 58–65.

Bibliograficheskij spisok

1. Abramova, M. B. Otzyv na stat'ju V. S. Zvereva i E. G. Patrushevoj «Upravlenie regional'nym promyshlennym klasterom na osnove monitoringa uslovij ego funkcionirovanija» [Tekst] / M. B. Abramova // Teoreticheskaja jekonomika. – 2018. – № 6. – S. 146–150.

2. Gordeev, V. A., Kudratov, I. K. Jekonomicheskie problemy dvigatelestroenija v RF i puti ih reshenija [Tekst] / V. A. Gordeev, I. K. Kudratov // Teoreticheskaja jekonomika. – 2015. – № 6. – S. 21–26.

3. Gordeev, V. A. Recenzija na monografiju «Sovershenstvovanie metodicheskikh podhodov k ocenke jeffektivnosti razvitija regional'nyh hozjajstvennyh sistem: aspekt innovacionnosti [Tekst] / V. A. Gordeev // Teoreticheskaja jekonomika. – 2016. – № 2. – S. 23–25.

4. Zverev, V. S., Patrusheva, E. G. Upravlenie regional'nym promyshlennym klasterom na osnove monitoringa uslovij ego funkcionirovanija [Tekst] / V. S. Zverev, E. G. Patrusheva // Teoreticheskaja jekonomika. – 2018. – № 4. – S. 99–116.

5. Majorova, M. A., Shkiotov, S. V., Markin, M. I. Adaptacija vysokotochnogo zemledelija v proizvodstvenno-jekonomicheskoj dejatel'nosti predpriyatij APK na primere Jaroslavskoj oblasti [Tekst] / M. A. Majorova, S. V. Shkiotov, M. I. Markin // Teoreticheskaja jekonomika. – 2018. – № 5. – S. 74–78.

6. Majorova, M. A., Shkiotov, S. V., Markin, M. I. Ocenka sovremennogo sostojanija proizvodstvenno-jekonomicheskoj dejatel'nosti sel'skohozjajstvennyh predpriyatij na primere Jaroslavskoj oblasti [Tekst] / M. A. Majorova, S. V. Shkiotov, M. I. Markin // Teoreticheskaja jekonomika», 2018. – № 4. – S. 164–170.

7. Savicheva, O. «S#edennye dohody». Kakovo jekonomicheskoe polozhenie oblasti [Tekst] // Argumenty i fakty. № 36, 2019 g. / Regional'noe prilozhenie dlja zhitelej Jaroslavlja i Jaroslavskoj oblasti. – S. 2.

8. Sapir, E. V., Karachev, I. A. Geojekonomicheskaja priroda regiona: potencial dlja rosta rossijskoj jekonomiki [Tekst] / E. V. Sapir, I. A. Karachev // Teoreticheskaja jekonomika. – 2017. – № 5. – S. 44–52.

9. Stepanova, E. O. Kadrovoe obespechenie cifrovoj jekonomiki (na primere farmaceuticheskoj otrasli promyshlennosti) [Tekst] / E. O. Stepanova // Teoreticheskaja jekonomika. – 2019. – № 4. – S. 38–40.

10. Stepanova, E. O. Klasternyj podhod v razvitii IT-infrastruktury regiona (na primere Jaroslavskoj oblasti) [Tekst] / E. O. Stepanova // Teoreticheskaja jekonomika, 2019. – № 2. – S. 54–57.

11. Shkiotov, S. V., Markin, M. I. Ocenka tekushhego sostojanija turistsko-rekreacionnogo klastera na territorii Jaroslavskoj oblasti [Tekst] / S. V. Shkiotov, M. I. Markin // Teoreticheskaja jekonomika. – 2019. – № 5. – S. 58–65.

DOI 10.24411/2658-428X-2019-10551
УДК 33.336.13

Р. В. Колесов

<https://orcid.org/0000-0001-7337-3578>

А. В. Юрченко

<https://orcid.org/0000-0001-7085-5731>

И. А. Наумов

<https://orcid.org/0000-0002-0710-3833>

Совершенствование механизма оценки качества управления региональными и муниципальными финансами

Для цитирования: Колесов Р. В., Юрченко А. В., Наумов И. А. Совершенствование механизма оценки качества управления региональными и муниципальными финансами // Социально-политические исследования. – 2019. – № 4 (5). – С. 102–115

В статье авторами рассмотрена проблема совершенствования механизмов управления региональными и муниципальными финансами в современных условиях с учетом обеспечения эффективного и ответственного использования ограниченных финансовых ресурсов. Особое внимание авторами уделено научному обоснованию методики оценки качества системы управления формированием и исполнением бюджетов субъектов Российской Федерации как неотъемлемого элемента надежного функционирования механизма эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами.

Ключевые слова: механизм, качество, управление финансами, региональные финансы, муниципальные финансы, оценка, эффективность, рейтинг, бюджет.

R. V. Kolesov, A. V. Yurchenko, I. A. Naumov

Improvement of the mechanism for assessing the quality of regional and municipal finance in order to improve its efficiency

In the article, the authors consider the problem of improving the management mechanisms of regional and municipal finances in modern conditions, taking into account the effective and responsible use of limited financial resources. Special attention is paid to the scientific substantiation of the methodology for assessing the quality of a control system of formation and execution of budgets of subjects of the Russian Federation as an integral part of reliable operation of the mechanism for effective and responsible management of regional and municipal finances.

Key words: mechanism, quality, financial management, regional finance, municipal finance, assessment, efficiency, rating, budget.

Реформирование бюджетной сферы в России ведется на протяжении трех последних десятилетий. Решено существенное число проблем, однако окончательно негативные тенденции в сфере региональных и муниципальных финансов переломить не удалось.

В частности, в 2018 году при наметившемся в сравнении с 2017 годом росте промышленного производства, инвестиции, тем не менее, сократились более чем в 40 % субъектов Российской Федерации. Они по-прежнему концентрируются в «столичных и прилегающих к ним» регионах, а также в регионах, где традиционно осуществляется нефте- и газодобыча. Если в 2017 году спад инвестиций был характерен для 32 российских регионов, то по итогам 2018 года он произошел уже в 37 сформировалась отрицательная динамика. Если существенное снижение инвестиций в 2018 году в Ростовской области (на 24 %), в Севастополе (на 23 %), в Ненецком автономном округе (на 16 %), можно объяснить тем, что в 2017 году их объемы значительно выросли по отношению к предыдущим периодам, то для остальных регионов, где произошло снижение инвестиций, подобный факт не является актуальным. Тем не менее, снижение объемов инвестирования весьма существенно. Например, в Тамбовской области оно составило около 21 %, в Новгородской областях и Республике Мордовии – 19 %, в Архангельской, Владимир-

ской, Волгоградской, Воронежской, Калужской, Липецкой и Рязанской областях примерно на 11–13 % [1].

В 2018 году продолжился спад жилищного строительства более чем в 50 % субъектов Российской Федерации и доходов населения почти в 3/4 регионов.

Спад в жилищном строительстве в 2016-2018 годах привел к снижению сдачи жилья на 12 %, в том числе в 2018 году на 5 %. Спад наблюдался в 47 регионах России. Если сопоставить показатели ввода жилья на душу населения в 2018 году и в последнем году роста объемов его ввода в эксплуатацию, которым являлся 2015 год, то снижение в Тюменской области произошло на 38 %, в Новосибирской области на 33 %, в Калининградской области на 25 %, в Белгородской области на 22 % и т. д. Даже в Москве по итогам 2018 года не удалось восстановить «докризисные» объемы жилищного строительства. Его спад в сравнении с 2015 год составил 9 % [1].

Положительным является наметившийся рост доходов региональных бюджетов, однако он был обеспечен не только за счет роста налоговых поступлений, но и на 22 % за счет трансфертов. Несмотря на позитивную динамику, суммарный размер задолженности регионов в 2018 году сократился лишь на 4 %.

Еще одна серьезная проблема, решение которой в значительной степени лежит в сфере региональ-

ных и муниципальных финансов – продолжающееся, хотя и понижающимися темпами, снижение доходов населения в 2018 году. Региональная статистика дает показатель реальных, без учета вычета обязательных платежей, изменение доходов населения территорий. С учетом ежемесячной денежной выплаты 2017 года данный показатель в целом вырос на 0,9 %. Однако, в 62 российских регионах реальные доходы населения сократились. Наиболее существенное снижение произошло в Ивановской, Костромской, Ярославской областях и Ямало-Ненецком автономном округе – в среднем на 7–9 % [1].

Вместе с тем, если оценивать количественные показатели, то следует отметить, что для региональных бюджетов 2018 год был значительно более позитивным, чем предыдущие 5–6 лет. Основную роль в этом сыграл рост трансфертов, ставший самым высоким за последнее десятилетие. Максимальное поступление трансфертов в регионы произошло в IV квартале 2018 года. Причем их распределение осуществлялось без учета использовавшихся ранее методик, главным образом за счет принятия политических решений. По нашему мнению, это было обусловлено, в том числе необходимостью исполнения ряда указов Президента Российской Федерации 2012 года, в части, касающейся повышения заработной платы, например, врачам до 200 % от средней по региону.

В условиях складывающейся ситуации ключевое значение приобретает повышение качества управления региональными и муниципальными финансами на основе оперативного мониторинга ситуации на каждом из отдельных этапов этого процесса, обобщения полученных результатов в целях проведения комплексной рейтинговой оценки регионов по качеству управления региональными бюджетами, выявления общих недостатков и формулирования конкретных предложений, направленных на совершенствование процесса управления региональными бюджетами на основе выявления проблем в конкретных регионах, оценки и распространения опыта регионов, в которых сложились лучшие практики управления региональными финансами.

В этой связи актуальным является и необходимость совершенствования действующей системы государственного и муниципального финансового контроля [2, 3, 4].

В качестве этапов для подобного оперативного, но, в тоже время информативного мониторинга, нами предлагаются следующие:

- этап бюджетного планирования;
- этап финансирования получателей бюджетных средств и их непосредственного расходования получателями;
- этап формирования полной и достоверной учетной и отчетной

информации об использовании бюджетных средств.

Для целей оценки качества осуществления управления финансами региона или муниципального образования на каждом из этапов сформируем перечень показателей, ко-

торые, по нашему мнению, будут наиболее полно отражать ключевые результаты, которые должны быть получены должностными лицами в ходе исполнения своих функций. Представим указанные показатели в таблице 1.

Таблица 1.

Показатели оценки качества управления региональными финансами на различных этапах бюджетного цикла

№ п/п	Частные показатели	Методика расчета	Примечание
<i>А. Показатели, характеризующие качество управления региональным бюджетом на этапе бюджетного планирования</i>			
1	Наличие необходимой и актуальной нормативной и методической базы для осуществления разработки проектов региональных бюджетов на соответствующий год и плановый период (НБ)	НБ = x	Показатель оценивается по приведенной в гр. 3 формуле, где x = 1, если в регионе разработана и утверждена соответствующая нормативная и методическая база; x = 0, если соответствующая нормативная или методическая база в регионе отсутствует
2	Своевременность проведения в регионе процедур бюджетного планирования, предусмотренных бюджетным законодательством (СП)	СП = x	Показатель оценивается по приведенной в гр. 3 формуле, где x = 1, если в регионе соблюдены установленные сроки проведения процедур бюджетного планирования; x = 0, если системой сроки проведения процедур бюджетного планирования в регионе были нарушены
3	Соотношение величины дефицита бюджета в планируемом году с величиной дефицита бюджета в отчетном году, скорректированным на уровень инфляции, предусмотренный для планового года (ДБ)	ДБ = x	Показатель оценивается по приведенной в гр. 3 формуле, где x = 1, если в регионе в плановом году величина дефицита бюджета будет ниже, чем в предыдущем с учетом его корректировки на уровень инфляции; x = 0, если в регионе в плановом году величина дефицита бюджета будет выше, чем в предыдущем с учетом его корректировки на уровень инфляции
4	Соотношение доходов регионального бюджета (без учета трансфертов) в плановом году и доходов регионального бюджета	СД = x	Показатель оценивается по приведенной в гр. 3 формуле, где x = 1, если в регионе в плановом году величина доходов бюдже-

№ п/п	Частные показатели	Методика расчета	Примечание
	(без учета трансфертов) в отчетном году, скорректированных на уровень инфляции, предусмотренный для планового года (СД)		та (без учета трансфертов) будет выше, чем в предыдущем, с учетом их корректировки на уровень инфляции планового года; $x = 0$, если в регионе в плановом году величина доходов бюджета (без учета трансфертов) будет ниже, чем в предыдущем, с учетом их корректировки на уровень инфляции планового года
5	Соотношение удельного веса расходов регионального бюджета, которые в перспективе будут генерировать доходы, в их общей величине в плановом году и удельного веса аналогичных расходов в отчетном году (РГД)	РГД = x	Показатель оценивается по приведенной в гр. 3 формуле, где $x = 1$, если удельный вес расходов регионального бюджета, которые в перспективе будут генерировать доходы, в их общей величине в плановом году выше удельного веса аналогичных расходов в отчетном году; $x = 0$, если удельный вес расходов регионального бюджета, которые в перспективе будут генерировать доходы, в их общей величине в плановом году ниже удельного веса аналогичных расходов в отчетном году
<i>Б. Показатели, характеризующие качество управления региональным бюджетом на этапе финансирования получателей и расходования бюджетных средств</i>			
6	Ритмичность исполнения регионального бюджета по доходам (РИБД)	РИБД = x	Показатель оценивается по приведенной в гр. 3 формуле, где $x = 1$, если в регионе по итогам каждого квартала кассовое исполнение бюджета по доходам (за исключением поступления трансфертов) осуществлялось в объемах не ниже плановых; $x = 0$, если в регионе по итогам хотя бы одного квартала кассовое исполнение бюджета по доходам (за исключением поступления трансфертов) осуществлялось в объемах ниже плановых
7	Ритмичность исполнения регионального бюджета по расходам (РИБР)	РИБР = x	Показатель оценивается по приведенной в гр. 3 формуле, где $x = 1$, если в регионе по итогам каждого квартала кассовое исполнение бюджета по расходам (за исключением использования трансфертов) осуществлялось в объемах не выше плановых; $x = 0$,

№ п/п	Частные показатели	Методика расчета	Примечание
			если в регионе по итогам каждого квартала кассовое исполнение бюджета по расходам (за исключением использования трансфертов) осуществлялось в объемах, превышающих плановые
8	Соотношение удельного веса расходов регионального бюджета, осуществляемых в рамках государственных программ в плановом году с аналогичным показателем отчетного года (РГП)	РГП = x	Показатель оценивается по приведенной в гр. 3 формуле, где x = 1, если удельный вес расходов регионального бюджета, осуществляемых в рамках государственных программ в плановом году не ниже аналогичного показателя отчетного года; x = 0, если удельный вес расходов регионального бюджета, осуществляемых в рамках государственных программ в плановом году ниже аналогичного показателя отчетного года
9	Соотношение объема просроченной кредиторской задолженности регионального бюджета на конец отчетного года с аналогичным показателем предыдущего года, увеличенным на уровень инфляции отчетного года (ПКЗ)	ПКЗ = x	Показатель оценивается по приведенной в гр. 3 формуле, где x = 1, если объем просроченной кредиторской задолженности регионального бюджета на конец отчетного года ниже аналогичного показателя предыдущего года, увеличенного на уровень инфляции отчетного года; x = 0, если объем просроченной кредиторской задолженности регионального бюджета на конец отчетного года выше аналогичного показателя предыдущего года, увеличенного на уровень инфляции отчетного года
10	Соотношение объема средств, взысканных из регионального бюджета в связи с наличием фактов нарушения условий их предоставления и расходования, либо в случае нецелевого использования межбюджетных трансфертов в отчетном году с аналогичным показателем предыдущего года, увеличенным на уровень инфляции отчетного года (ВСБ)	ВСБ = x	Показатель оценивается по приведенной в гр. 3 формуле, где x = 1, если объем средств, взысканных из регионального бюджета в связи с наличием фактов нарушения условий их предоставления и расходования либо нецелевого использования межбюджетных трансфертов в отчетном году ниже аналогичного показателя предыдущего года, увеличенного на уровень инфляции отчетного года; x = 0, если объем средств, взыскан-

№ п/п	Частные показатели	Методика расчета	Примечание
			ных из регионального бюджета в связи с наличием фактов нарушения условий их предоставления и расходования, либо нецелевого использования межбюджетных трансфертов в отчетном году выше аналогичного показателя предыдущего года, увеличенного на уровень инфляции отчетного года
<i>В. Показатели, характеризующие качество управления региональным бюджетом на этапе формирования учетной и отчетной информации об использовании бюджетных средств</i>			
11	Наличие замечаний по организации учета средств регионального бюджета в соответствующем органе исполнительной власти региона при проведении контрольных мероприятий (ЗОУ)	ЗОУ = x	Показатель оценивается по приведенной в гр. 3 формуле, где x = 1, если в отчетном году по итогам проведения контрольных мероприятий в соответствующем органе исполнительной власти, организующем учет средств регионального бюджета, отсутствовали замечания, связанные с организацией учетного процесса; x = 0, если в отчетном году по итогам проведения контрольных мероприятий в соответствующем органе исполнительной власти, организующем учет средств регионального бюджета, имели место замечания, связанные с организацией учетного процесса
12	Наличие в отчетном году фактов несвоевременного направления (не направления) подведомственным учреждениям писем об особенностях формирования и представления отчетности по итогам финансового года (ННП)	ННП = x	Показатель оценивается по приведенной в гр. 3 формуле, где x = 1, если в отчетном году отсутствовали факты несвоевременного направления (не направления) подведомственным учреждениям писем об особенностях формирования и представления отчетности по итогам финансового года; x = 0, если в отчетном году имели место факты несвоевременного направления (не направления) подведомственным учреждениям писем об особенностях формирования и представления отчетности по итогам финансового года
13	Соблюдение ГРБС требований в части состава годовой бюджетной отчетности (ССО)	ССО = x	Показатель оценивается по приведенной в гр. 3 формуле, где x = 1, если в отчетном году отсутствовали факты нарушения

№ п/п	Частные показатели	Методика расчета	Примечание
			требований по составу годовой отчетности ГРБС; $x = 0$, если в отчетном году имели место факты нарушения требований по составу годовой отчетности ГРБС
14	Соблюдение ГРБС требований в части соблюдения сроков представления годовой бюджетной отчетности (ССП)	ССП = x	Показатель оценивается по приведенной в гр. 3 формуле, где $x = 1$, если в отчетном году отсутствовали факты нарушения сроков представления ГРБС годовой отчетности; $x = 0$, если в отчетном году отсутствовали факты нарушения сроков представления ГРБС годовой отчетности
15	Соблюдение требований в части соблюдения сроков представления бюджетной отчетности в Минфин России и Федеральное казначейство (ССП МФ)	ССП МФ = x	Показатель оценивается по приведенной в гр. 3 формуле, где $x = 1$, если по итогам отчетного года отсутствовали факты нарушения сроков представления бюджетной отчетности в Минфин России и Федеральное казначейство; $x = 0$, если по итогам отчетного года имели место факты нарушения сроков представления бюджетной отчетности в Минфин России и Федеральное казначейство

Важным является вопрос о выборе способа агрегирования частных показателей [5]. По нашему мнению, наиболее целесообразно произвести оценку пяти промежуточных обобщающих показателей, которые позволят в обобщенном виде дать характеристику качества управления региональным бюджетом конкретного субъекта Российской Федерации в отчетном периоде по трем основным направлениям (разделы А, Б, В таблицы 1).

На начальном этапе реализации методики рекомендуется воспользоваться простым усреднением частных показателей. С одной стороны,

это оправдано тем, что значение весовых коэффициентов может быть объективно сформировано только в процессе практического применения методики, основываясь на глубоком понимании более высокой значимости для обеспечения повышения качества деятельности органов власти региона по управлению региональным бюджетом в целом, каждого из отдельно взятых направлений. Кроме того, данный подход обеспечит более высокую степень понятности и простоты реализации предлагаемой методики в процессе ее практического применения.

Обобщим методику расчета промежуточных обобщающих показателей в таблице 2.

Таблица 2.

Расчет промежуточных обобщающих показателей, характеризующих качество осуществления отдельных групп процедур в ходе управления региональным бюджетом

Промежуточный обобщающий показатель (A)	Методика расчета	Примечание
Промежуточный обобщающий показатель, характеризующие качество управления региональным бюджетом на этапе бюджетного планирования (A1)	$A1 = (НБ + СП + ДБ + СД + РГД) / 5$	Расшифровка частных показателей, приведенных в формуле, приведена в гр. 2 (стр. 1-5) таблицы 1
Промежуточный обобщающий показатель, характеризующие качество управления региональным бюджетом на этапе финансирования получателей и расходования бюджетных средств (A2)	$A2 = (РИБД + РИБР + РГП + ПКЗ + ВСБ) / 5$	Расшифровка частных показателей, приведенных в формуле, приведена в гр. 2 (стр. 6-10) таблицы 1
Промежуточный обобщающий показатель, характеризующие качество управления региональным бюджетом на этапе формирования учетной и отчетной информации об использовании бюджетных средств (A3)	$A3 = (ЗОУ + ННП + ССО + ССП + ССР МФ) / 5$	Расшифровка частных показателей, приведенных в формуле, приведена в гр. 2 (стр. 11-15) таблицы 1

Для целей дальнейшего формирования рейтинга регионов по качеству управления региональными бюджетами следует использовать таблицу 3.

Таблица 3.

Промежуточная таблица рейтинговой оценки регионов по качеству управления региональными бюджетами

Субъекты РФ (по алфавиту)	Промежуточная оценка региона по показателю A ₁		Промежуточная оценка региона по показателю A ₂		Промежуточная оценка региона по показателю A ₃	
	A ₁	значение A ₁ , скорректированное с учетом эталонного значения	A ₁	значение A ₂ , скорректированное с учетом эталонного значения	A ₅	значение A ₃ , скорректированное с учетом эталонного значения
Регион 1	A ₁₀₁	A ^{стан} ₁₀₁	A ₁₀₁	A ^{стан} ₂₀₁	A ₅₀₁	A ^{стан} ₃₀₁
Регион 2	A ₁₀₂	A ^{стан} ₁₀₂	A ₁₀₂	A ^{стан} ₂₀₂	A ₅₀₂	A ^{стан} ₃₀₂
...
Регион 85	A ₁₈₅	A ^{стан} ₁₈₅	A ₁₈₅	A ^{стан} ₂₈₅	A ₅₈₅	A ^{стан} ₃₈₅

В соответствии с предлагаемой методикой формирования рейтинга, по каждому из показателей граф 2, 4, и 6 определяется наибольшее значение, являющееся в соответствии с лежащем в основе методики подходом к формированию частных и агрегированных показателей наилучшим. Полученное таким образом наибольшее значение по каждой из указанных граф принимается за эталон. У региона, имеющего эталонное значение показателя A_1 , в графе 3 проставляется значение равное 1. У региона, имеющего эталонное значение показателя A_2 , в графе 5 проставляется значение равное 1. У региона, имеющего эталонное значение показателя A_3 , в графе 7 проставляется значение равное 1. Остальные показатели графы 3 формируются путем деления значения показателя A_2 для данного региона на эталонное значение данного показателя. В аналогичном порядке формируются остальные, помимо эталонных, значения показателей по графам 5 и 7. Значения показателей таблицы 3, помимо эталонных, рекомендуется

округлять до четвертого знака после запятой.

В результате показатели, приведенные в графах 3, 5 и 7 таблицы 3 представляют собой набор стандартизированных коэффициентов, характеризующих соотношение соответствующих для каждого региона оценочных показателей по укрупненным направлениям осуществления управления региональным бюджетом. Преимуществом такого подхода является то, что в процессе дальнейшей рейтинговой оценки будет фактически нивелировано влияние на конечный результат построения рейтинга отдельных существенных факторов, зависящих от сложившихся особенностей социально-экономического развития региона на конкретный момент времени.

Полученные стандартизированные значения промежуточных обобщающих показателей оценки осуществления управления региональными бюджетами систематизируем в итоговой таблице рейтинговой оценки регионов по качеству управления региональными бюджетами (см. табл. 4).

Таблица 4.

Итоговая таблица рейтинговой оценки регионов по качеству управления региональными бюджетами

Субъекты РФ (по алфавиту)	Оценка региона по показателю A_1		Оценка региона по показателю A_2		Оценка региона по показателю A_3		Сумма мест (гр. 3 + гр. 5 + гр. 7)	Итоговое место в рейтинге
	стандартизированные A_1	место региона по A_1	стандартизированные A_2	место региона по A_2	стандартизированные A_3	место региона по A_3		
Регион 1	$A_{101}^{стан}$	M_{A1}^1	A_{201}	M_{A2}^1	A_{301}	M_{A3}^1	$M_{сум}^1$	Более высоко-

Субъекты РФ (по алфавиту)	Оценка региона по показателю A_1		Оценка региона по показателю A_2		Оценка региона по показателю A_3		Сумма мест (гр. 3 + гр. 5 + гр. 7)	Итоговое место в рейтинге
	стандартизированные A_1	место региона по A_1	стандартизированные A_2	место региона по A_2	стандартизированные A_3	место региона по A_3		
Регион 2	$A_{102}^{стан}$	M_{A1}^2	A_{202}	M_{A2}^2	A_{302}	M_{A3}^2	$M_{сум}^2$	кое место в рейтинге занимает регион с наименьшим показателем в графе 8
...	
Регион 85	$A_{185}^{стан}$	M_{A1}^{85}	A_{285}	M_{A2}^{85}	A_{385}	M_{A3}^{85}	$M_{сум}^{85}$	

В графах 3, 5 и 7 таблицы 4 более высокое место присваивается региону, имеющему наибольшее значение показателя в графах 2, 4 и 6 соответственно.

Полученные результаты позволяют не только выявить наиболее и наименее развитые в целом с точки зрения качества управления бюджетом регионы. Они позволяют ответить на вопрос по каким конкретно причинам тот или иной регион является лучшим, а какой отстающим в данной сфере.

Результаты оценки предоставляют возможность выявить на объективной основе регионы с лучшими практиками управления бюджетом, обратить внимание на отстающие регионы, сделать обоснованные выводы в процессе подготовки и реализации управленческих ре-

шений по вопросам совершенствования системы межбюджетных отношений и механизмов управления региональными финансами [6, 7, 8, 9, 10].

Результаты рейтинговой оценки могут использоваться также при проведении оценки эффективности деятельности региональной власти и по другим направлениям [4, 11].

Вместе с тем, нам представляется целесообразным для более полного использования формируемой в результате рейтинговой оценки информационной базы органами, осуществляющими управление бюджетным процессом на региональном уровне, классифицировать регионы по итогам рейтинга на 4 группы:

– 1 группа – регионы с высоким качеством управления региональным

бюджетом (регионы, занявшие по итогам рейтинга места с 1 по 21);

– 2 группа – регионы с достаточным уровнем качества управления региональным бюджетом (регионы, занявшие по итогам рейтинга места с 22 по 42);

– 3 группа – регионы с удовлетворительным качеством управления региональным бюджетом (регионы, занявшие по итогам рейтинга места с 43 по 64);

– 4 группа – регионы с низким качеством управления региональным бюджетом (регионы, занявшие по итогам рейтинга места с 65 по 85).

Предложенная методика может быть в полной мере использована

для оценки качества управления бюджетами муниципальных образований, создания тем самым в регионах информационной базы, необходимой для органов управления региональными и муниципальными финансами, которые, учитывая тенденции в его развитии в муниципальных образованиях и возможности взаимодействия с ними, могут активизировать свои действия в направлении обмена передовым опытом совершенствования механизма управления финансами на региональном и муниципальном уровнях.

Библиографический список

1. Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2019. № 4 (87). Март Факторы, определяющие эффективность государственного финансового контроля [Текст] / Ю. Бобылев, А. Дерюгин, Н. Зубаревич, С. Цухло ; под ред. В. С. Гуревича, С. М. Дробышевского, Кадочникова П. А., Колесникова А. В., Мау В. А., Синельникова-Мурылева С. Г.; Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 22 с.

2. Быков, В. А. Факторы, определяющие эффективность государственного финансового контроля [Текст] / В. А. Быков // Сборник научных трудов по материалам международной очно-заочной научно-практической онлайн-конференции. – Ярославль : ФГБОУ ВО «Ярославская государственная сельскохозяйственная академия». – 2016. – С. 125-129.

3. Юрченко, А. В. Государственный финансовый контроль на новый уровень / А. В. Юрченко, Р. В. Колесов [Текст] // Деньги, кредит, бюджет России: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Г. Я. Сокольникова. – М. : МФЮА, 2014. – С. 327–330.

4. Бурыкин, А. Д. Внешний государственный финансовый контроль на региональном и муниципальном уровнях: оценка эффективности [Текст] / А. Д. Бурыкин, В. А. Быков, А. И. Кокарев // Вестник БИСТ. – 2019. – № 3 (44). – С. 81–91.

5. Васильева, Л. В. Анализ методических подходов к построению интегральных экономических показателей [Текст] / Л. В. Васильева // Экономические исследования и разработки. – 2017. – № 12. – С. 8-18.
6. Смагина, М. Н. Проблемы и перспективы совершенствования системы межбюджетных отношений в Российской Федерации [Текст] / М. Н. Смагина, Г. Т. Мукенге // Социально-экономические явления и процессы. – 2017. – № 2. – С. 115–121.
7. Мохнаткина, Л. Б. Система организации и механизм функционирования межбюджетных отношений в Российской Федерации [Текст] / Л. Б. Мохнаткина // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 2. – С. 58-64.
8. Тарасова, А. Ю. Прогнозирование уровня инфляции при формировании региональных и муниципальных бюджетов [Текст] / А. Ю. Тарасова, Г. Е. Козлов, Р. В. Колесов // Экономика. Налоги. Право. – 2019. – № 4. – Т. 12. – С. 102-110.
9. Колесов, Р. В. Пути повышения эффективности механизма межбюджетных отношений в России в целях обеспечения устойчивого экономического роста регионов [Текст] / Р. В. Колесов, А. Д. Бурькин, В. А. Кваша // Вестник БИСТ». – 2019. – № 3 (44). – С. 103-111.
10. Синявский, Н. Г. Общие признаки и условия организации эффективного управления финансами в отдельных регионах России [Текст] / Н. Г. Синявский, К. И. Солодовникова, А. В. Юрченко // Вестник БИСТ. – 2019. – № 3 (44). – С. 92-102.
11. Кваша, В. А. Совершенствование механизмов управления региональными и муниципальными финансами: оценка и рекомендации [Текст] / В. А. Кваша, Р. В. Колесов, Д. В. Туманов // Вестник БИСТ. – 2019. – № 3 (44). – С. 65-80.

Bibliograficheskij spisok

1. Monitoring jekonomicheskoy situacii v Rossii: tendencii i vyzovy soci-al'no-jekonomicheskogo razvitija. 2019. № 4 (87). Mart Faktory, opredel'jajushhie jeffektivnost' gosudarstvennogo finansovogo kontrolja [Tekst] / Ju. Bobylev, A. Derjugin, N. Zubarevich, S. Cuhlo ; pod red. V. S. Gurevicha, S. M. Drobyshevskogo, Kadochnikova P. A., Kolesnikova A. V., Mau V. A., Sinel'nikova-Muryleva S. G.; Institut jekonomicheskoy politiki imeni E. T. Gajdara, Rossijskaja akade-mija narodnogo hozjajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii. – 22 s.
2. Bykov, V. A. Faktory, opredel'jajushhie jeffektivnost' gosudarstvennogo finansovogo kontrolja [Tekst] / V. A. Bykov // Sbornik nauchnyh trudov po materialam mezhdunarodnoj očno-zaочноj nauchno-prakticheskoy onlajn-konferencii. – Jaroslavl' : FGBOU VO «Jaroslavskaja gosudarstvennaja sel'skohozjajstvennaja akademija». – 2016. – S. 125–129.
3. Jurchenko, A. V. Gosudarstvennyj finansovyj kontrol' na novyj uroven' / A. V. Jurchenko, R. V. Kolesov [Tekst] // Den'gi, kredit, bjudzhet Rossii: istorija i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashhennoj 125 letiju so dnja rozhdenija G. Ja. Sokol'nikova. – M. : MFJuA, 2014. – S. 327–330.
4. Burykin, A. D. Vneshnij gosudarstvennyj finansovyj kontrol' na regional'nom i municipal'nom urovnjah: ocenka jeffektivnosti [Tekst] / A. D. Burykin, V. A. Bykov, A. I. Kokarev // Vestnik BIST. – 2019. – № 3 (44). – S. 81–91.

5. Vasil'eva, L. V. Analiz metodicheskikh podhodov k postroeniju integral'-nyh jekonomicheskikh pokazatelej [Tekst] / L. V. Vasil'eva // Jekonomicheskie issledovanija i razrabotki. – 2017. – № 12. – S. 8–18.
6. Smagina, M. N. Problemy i perspektivy sovershenstvovanija sistemy mezhhjudzhetnyh otnoshenij v Rossijskoj Federacii [Tekst] / M. N. Smagina, G. T. Mukenge // Social'no-jekonomicheskie javlenija i processy. – 2017. – № 2. – S. 115–121.
7. Mohnatkina, L. B. Sistema organizacii i mehanizm funkcionirovanija mezhhjudzhetnyh otnoshenij v Rossijskoj Federacii [Tekst] / L. B. Mohnatkina // Intellekt. Innovacii. Investicii. – 2019. – № 2. – S. 58–64.
8. Tarasova, A. Ju. Prognozirovanie urovnja infljicii pri formirovanii re-gional'nyh i municipal'nyh bjudzhetov [Tekst] / A. Ju. Tarasova, G. E. Kozlov, R. V. Kolesov // Jekonomika. Nalogi. Pravo. – 2019. – № 4. – T. 12. – S. 102–110.
9. Kolesov, R. V. Puti povyshenija jeffektivnosti mehanizma mezhhjudzhetnyh otnoshenij v Rossii v celjah obespechenija ustojchivogo jekonomicheskogo rosta regionov [Tekst] / R. V. Kolesov, A. D. Burykin, V. A. Kvasha // Vestnik BIST». – 2019. – № 3 (44). – S. 103–111.
10. Sinjavskij, N. G. Obschie priznaki i uslovija organizacii jeffektivnogo upravlenija finansami v otдел'nyh regionah Rossii [Tekst] / N. G. Sinjavskij, K. I. Solodovnikova, A. V. Jurchenko // Vestnik BIST. – 2019. – № 3 (44). – S. 92–102.
11. Kvasha, V. A. Sovershenstvovanie mehanizmov upravlenija regional'nymi i municipal'nymi finansami: ocenka i rekomendacii [Tekst] / V. A. Kvasha, R. V. Kolesov, D. V. Tumanov // Vestnik BIST. – 2019. – № 3 (44). – S. 65–80.

**ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА,
ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ**

DOI 10.24411/2658-428X-2019-10552
УДК 378.111

О. А. Коряковцева

<https://orcid.org/0000-0003-0376-827X>

Л. В. Плуженская

<https://orcid.org/0000-0002-8276-1705>

**Формирование инновационной стратегии развития
образовательного учреждения**

Для цитирования: Коряковцева О. А., Плуженская Л. В. Формирование инновационной стратегии развития образовательного учреждения // Социально-политические исследования. – 2019. – № 4 (5). – С. 116–127

Статья посвящена проблематике формализации стратегии развития университета, актуальной для реформирования российского высшего образования. Как показывает дискурсивная практика, основные проблемы стабильного долгосрочного развития вуза связаны с преодолением трудностей, возникающих при выборе способа реализации инноваций в связи с особенностями инновационной политики вуза. Опираясь на ряд программных государственных документов, авторы актуализируют проблему кардинального преобразования экономической политики вузов, опосредованной деятельностью национальной инновационной системы (НИС). По их мнению, необходим ускоренный переход от фрагментарных инноваций к системной инновационной экономике вуза. Механизмом реализации являются коммерциализация интеллектуальной собственности вузов, заказы партнеров на проведение научных исследований и консалтинг по управлению знаниями. Корпоративная стратегия формируется миссией организации и целями её развития, а обеспечивается ресурсной политикой.

В статье раскрывается сущность ряда концепций корпоративной стратегии и определяется их полезность для инновационного развития вуза. Авторы выявляют несколько проблем формализации инновационной стратегии: систематизация инноваций, обеспечивающая университету эволюционное развитие по спирали, выбор принципов распространения знаний для их коммерциализации, выбор политик внедрения инноваций в образовательном коллективе.

Обращается внимание на то, что условие реального воплощения инновационных отношений в высшей школе является четкая инновационная политика руководства организации, опирающаяся на коллективный социальный процесс развития университета на основе сложившихся традиций, передового опыта, тенденций развития региона и страны. В связи с этим рассматривается

сущность политик нововведений разного типа и определяется степень значимости факторов, влияющих на их выбор: факторы темпов изменений, уровня сопротивляемости и информированности коллектива; факторы наличия авторитета и полномочий у инициатора изменений, наличия кризиса или конфликта в вузе.

Материалы статьи убеждают, что в каждый период времени с учетом определенных организационных условий, уровня развития университета как корпорации и определенного ресурсного направления менеджмента выбирается и разрабатывается соответствующая инновационная политика. Совокупность этих политик и является проекцией стратегии инновационного развития вуза на конкретном этапе.

Ключевые слова: стратегия развития вуза, инновационная стратегия типология концепций развития университета, типы и виды инновационных стратегий, инновационная политика.

GENERAL PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

O. A. Koryakovtseva, L. V. Pluzhenskaja

Formation of innovative development strategy of educational institution

The article is devoted to the problems of formalization of the development strategy of the University, relevant for the reform of Russian higher education. As discursive practice shows, the main problems of stable long-term development of the university are associated with overcoming the difficulties that arise when choosing a way to implement innovations due to the peculiarities of the innovation policy of the university. Based on a number of program state documents, the authors actualize the problem of radical transformation of economic policy of universities, mediated by the activities of the national innovation system. In their opinion, it is necessary to accelerate the transition from fragmented innovations to the system innovation economy of the university. The mechanism of implementation is the commercialization of intellectual property of universities, orders of partners for research and consulting on knowledge management. Corporate strategy is formed by the mission of the organization and its development goals, and is provided by the resource policy.

The article reveals the essence of a number of concepts of corporate strategy and determines their usefulness for the innovative development of the university. The authors identify several problems of formalization of innovation strategy: systematization of innovations, providing the university evolutionary development in a spiral, the choice of principles of knowledge dissemination for their commercialization, the choice of policies for innovation in the educational team.

Attention is drawn to the fact that the condition for the real implementation of innovative relations in higher education is a clear innovation policy of the organization's management, based on the collective social process of the university development on the basis of established traditions, best practices, trends in the development of the region

and the country. In this regard, the essence of innovation policies of different types is considered and the degree of significance of the factors influencing their choice is determined: factors of the rate of change, the level of resistance and awareness of the team; factors of authority and authority of the initiator of changes, the presence of a crisis or conflict in the university.

The materials of the article convince that in each period of time, taking into account certain organizational conditions, the level of development of the university as a corporation and a certain resource direction of management, an appropriate innovation policy is selected and developed. The combination of these policies will be a projection of the strategy of innovative development of the university at a particular stage.

Key words: university development strategy, innovation strategy typology of university development concepts, types and types of innovation strategies, innovation policy.

XXI век характеризуется чередой глобальных кризисов и сдвигов в жизни стран, для которых актуализировалась задача завоевания и поддержания экономического суверенитета. Для теоретико-методологической и производственно-технологических сфер стало крайне востребованным решение проблем поиска новых способов эволюционного развития национальных экономик и разработки моделей их устойчивого роста. Современные исследователи акцентируют внимание на концепции инновационной экономики как альтернативе сырьевой модели развития. Жизнеспособность этой концепции детерминирована ориентацией производительных сил на преимущественное производство знаний.

Поддержание высокого уровня национальной конкурентоспособности Россия возможно только при условии кардинального преобразования экономики, опосредованной деятельностью национальной инновационной системы (*далее НИС*). «НИС – это совокупность нацио-

нальных государственных, частных и общественных организаций и механизмов их взаимодействия, в рамках которых осуществляется деятельность по созданию, хранению и распространению новых знаний и технологий» [5, с. 7]. В направлении построения НИС сегодня в нашей стране реализуется государственная политика, принят к исполнению ряд программных мероприятий, таких, как:

– Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года;

– Меры по стимулированию инноваций на предприятиях (налоговая политика, формирование технологических платформ и планов инновационного развития госпредприятий);

– Федеральная целевая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России» на 2014-2020 годы;

– Федеральная целевая программа «Научные и научно-

педагогические кадры инновационной России»;

– Федеральная целевая программа развития образования на 2016 – 2020 годы.

Началом, способным активизировать процесс формирования НИС, как считает Президент России, являются образовательные структуры. В статье «О наших экономических задачах» В. В. Путин говорит о том, что, «...восстановление инновационного характера нашей экономики надо начинать с университетов – и как центров фундаментальной науки, и как кадровой основы инновационного развития» [9]. По мнению теоретиков, осмысливающих «менеджмент знаний», ускоренный переход от фрагментарных инноваций, характерных для современной российской практики, к полноценно функционирующей инновационной экономике вуза требует исполнения условий формализованной аутентичной стратегии развития, детерминированной инновационным развитием субъекта. Однако следует признать, что вопрос об институционализации и организации условий для инновационного развития в рамках каждого отдельно взятого вуза не имеет однозначного решения. Ряд исследователей, например, Р. Дарендорф, высказывается против идеи стратегического управления деятельностью университета, обозначая его как инструментальный чрезвычайных ситуаций [11]. Свое мнение они аргументируют тем, что у вуза отсутствует функция контроля развития внешней ситуации и отсутству-

ют права на регулирование ситуации. А поскольку контроль и возможность влияния на ситуацию отсутствуют, то образовательное учреждение должно ориентироваться лишь на оперативное управление, что оно и делает, формируя ежегодный бюджет или проходя очередную аккредитацию. Другая категория исследователей (Д. Пурдехнад, П. Лоранж) считает, что вуз нуждается в стратегическом планировании [8]. По нашему мнению, все их доводы можно свести к следующему: формализация стратегического процесса развития в образовательном учреждении необходима в силу избегания конфликтных ситуаций между академической бюрократией и творческим потенциалом научно-преподавательского персонала вуза.

Механизмом реализации модели инновационного развития общепризнанно является коммерциализация интеллектуальной собственности вузов во всем ее видовом многообразии, а также получение заданий индустриальных партнеров на проведение научных исследований и консалтинг по управлению знаниями.

Как правило, в общем стратегическом менеджменте корпоративная стратегия развития определяет горизонт перспектив развития организации и пути обеспечения долгосрочных конкурентных преимуществ на соответствующих товарных рынках в целом. Отметим, что общепринятое понятие «стратегия развития» сегодня не определено, традиционно его интерпретируют либо как программу, либо как план, либо как

набор правил для достижения конкретных целей. Корпоративная стратегия развития формируется миссией организации и целями её развития. На корпоративном уровне стратегия охватывает такие важнейшие вопросы как выбор видов хозяйственной деятельности, различные формы конгломератной реорганизации (слияния и поглощения), принципы распределения всех основных видов ресурсов между отдельными стратегическими зонами хозяйствования и стратегическими организационными единицами. Реализацию корпоративной стратегии призваны обеспечить ресурсные политики, декларирующие условия достижения цели на определенный период и стратегии управления различными видами ресурсов.

Применительно к стратегическому менеджменту университетов обеспечение перехода вуза в режим развития позволяет использовать принципиально новую стратегию, которая дает возможность успешно адаптироваться в быстро изменяющихся – как внешних, так и внутренних – условиях. Функциональную основу такой корпоративной стратегии развития университета может составлять одна из известных концепций [6]:

Концепция тройной спирали; концепция треугольника знаний; концепция третьей миссии университета; концепция закрытых инноваций; концепция открытых инноваций.

Концепция тройной спирали «University-Industry-Government», пред-

ложенная Г. Эцковичем и Л. Лейдсдорфом, по мнению мирового инновационного сообщества, является наиболее значимой [10]. Сущность концепции состоит в интеграции ресурсов власти, бизнеса и высшей школы, которые являются ключевыми компонентами НИС. Механизм функционирования «тройной спирали» обеспечен процессами эволюционирования по аналогии с развитием живых систем; их открытостью; приоритетностью горизонтальных связей перед вертикальными; а также приоритетностью информационно-знаниевых ценностей в сравнении с природно-ресурсными. Проанализировав ситуацию, можно сказать, что в настоящее время в России развиваются не «тройные», а «двойные спирали» отношений, представляющие следующие четыре вида парных связей:

- государство – фундаментальная наука;
- наука – бизнес;
- государство – сырьевые отрасли промышленности;
- государство – остальной бизнес.

Интеграция приоритетов Российской Федерации и интересов частного бизнеса как частно-государственного партнерства обеспечивает возникновение идеальной ситуации для высшей школы – возникает возможность полномасштабной реализации научно-исследовательского потенциала университетов, что позволяет вузу занять ключевую позицию в развивающейся инновационной системе государства.

Концепция «треугольника знаний» по существу базируется на взаимодействии элементов «треугольника знаний»: образовании, исследованиях и инновациях, которое обеспечивает возникновение синергетического эффекта. По мнению специалистов, «практика интеграции» всех трех ключевых элементов НИС в ведущих вузах России показывает, что один из элементов, а именно «инновации», является системообразующим компонентом «треугольника знаний».

Концепция «третьей миссии университета» основывается на том, что в условиях экономики знаний университеты помимо выполнения своих основных двух функций – подготовки кадров и проведения научных исследований, – становятся участниками процессов отраслевого и регионального экономического развития [4]. Реалии сегодняшнего дня не ограничивают миссию университета только подготовкой кадров, соответствующих запросам работодателей. Ключевая компетентность вуза расширяется до способности активного влияния на региональный рынок труда за счет умения выпускников создавать рабочие места в приоритетных отраслях развития экономики области. Достижение этого возможно только при условии интеграции образовательного, научно-исследовательского и проектно-инновационных процессов.

Концепция закрытых инноваций – икона промышленного менеджмента XX века, «модель R&D», – обеспечивала достижение значительных

результатов как при проведении научных исследований и опытно-конструкторских работ (НИОКР), так и в производстве продукции и в бизнесе. Модель R&D (аббревиатура от английского «research & development» – исследовательские разработки), активно применяли в своей деятельности по управлению экспериментальными структурными подразделениями ведущие западные компании [12, с. 151]. Целью использования модели R&D было постоянное улучшение качества выпускаемой продукции и процессов с циклическим выпуском новой продукции и внедрением новых технологий. В качестве результата такого управления ожидалось инициирование, генерирование и оценка новых идей для реализации их в производстве и выведении полученной продукции на рынок. Инфраструктура инновационной деятельности представляла собой проектно-конструкторские и технологические бюро, обеспеченные опытно-экспериментальными участками [12].

Концепции закрытых инноваций успешно эксплуатировалась более ста лет: корпорации размещали полный R&D-цикл от фундаментальных исследований до прикладных разработок, культивируя в своих лабораториях лучшие научно-технические кадры. Однако практика выявила низкую производительность «офиса инноваций». В среднем только 4 % от общего числа поступивших идей получали воплощение в произведенной продукции. Зачастую технологии, обладающие

потенциалом, и способные инициировать глобальный бизнес, выглядят бесперспективными в глазах узкоспециализированного вендора и его производственных ресурсов. Мы согласны, что миллиардные R&D-бюджеты не защищают индустриальных гигантов от конкуренции с новыми компаниями, постоянно возникающими на рынке.

В начале XXI века заговорили о закате парадигмы закрытых инноваций и вступлении в эпоху принципиально иного способа работы с инновациями – эпоху технологического предпринимательства. Многократно увеличил скорость обмена информацией Интернет. Г. Чезброу объясняет феномен «открытых инноваций» более высокой мобильностью и оперативностью малых инновационных предприятий по отношению к условиям существования R&D – структур крупных корпораций; значительным сокращением жизненного цикла продукта на рынке и стремительным увеличением скорости вывода новых продуктов на рынок, которые обрели решающее значение в конкурентной борьбе [12]. Большую мобильность обрели и научно-технические специалисты, которые стали реализовывать свой потенциал в форматах стартапа или коммерциализировать свои идеи в развивающиеся перспективные технологические ниши. Возникновение новаций возросло в десятки раз: количество патентов, полученных отдельными изобретателями и мелкими фирмами, в период с 1970 по 1992 г. увеличилось с 5

до 15 %. [13]. Многие инновационные компании, заметили, что «гораздо больше компетентных экспертов находится вне их стен». Исследования Генри Чезброу выявили, что с середины 1990-х годов крупные американские корпорации черпают значительную часть новаций не из собственных «закрытых» R&D-лабораторий, а со специфического рынка идей, образовавшегося из внекорпоративных источников знаний: от производителей товаров, от других организационных структур и просто физических лиц, что позволяет, таким образом, в современных условиях глобализации увеличивать прибыльность корпораций [12]. Сущность концепции открытых инноваций составляет идея о том, что не все изобретения R&D – департамента компании используются в собственном производстве. Некоторые из них востребованы другими производителями, поэтому некоторые идеи следует предлагать рынку для получения дополнительной прибыли. Концепция открытых инноваций позволяет увеличить эффективность использования результатов проводимых исследований до 60 %.

Как правило, выбранная модель развития позволяет вузу конкретизировать цели своего развития и определить стратегию инновационного развития университета, а также инновационную политику.

Формализация стратегии инновационного развития, по нашему мнению, связана с решением нескольких проблем.

Во-первых, это систематизация инноваций, которые должны обеспечить университету эволюционное развитие по спирали. Современные исследователи проблематики стратегического менеджмента рассматривают инновацию не как дискретное событие, а как своеобразную траекторию движения организации вперед, цикла развития, состоящего из нескольких этапов, обозначая четыре взаимосвязанных между собой вида инноваций:

- инновации в рынках, или рыночных сегментах;
- инновации в организационных структурах или подходах к менеджменту;
- инновации в технологиях;
- инновации в продуктах или услугах.

Развитие рынков, равно как и изменения в технологиях, способствует появлению нового продукта, который, в свою очередь, требует изменений в бизнес-процессах для его эффективного использования. В конечном счете, появление новых продуктов может привести к возникновению новых рынков и их развитию. Такая ситуация актуализирует для университетов проблему выбора стратегии приращения знаний.

Аналитики сегодня выделяют четыре типа «стратегии приращения знания»: копирование, заимствование, имитация, генерация.

Стратегии приращения знаний, принятые в вузе и горизонт планирования изменений взаимообусловлены:

– для генерации знаний необходим «длинный» горизонт планирования;

– для использования стратегии заимствования знаний достаточно изменения информационных ресурсов;

– две реализации стратегий копирования и имитации достаточно изменений организационно-структурных ресурсов предприятия.

Стратегия генерации знаний является наиболее ресурсозатратной и используется для изменения основных фондов предприятия и структуры финансовых активов, однако обеспечивает лидерские позиции.

Во-вторых, проблемой при формализации инновационной стратегии университета является выбор принципов распространения знаний, обеспечивающих их коммерциализацию как условие инновационного развития. Практика обозначает следующие механизмы передачи знаний [3]:

– диффузия знаний в овеществленной и неовеществленной формах;

– диффузия современных технологий, готовых к применению;

– процессы передачи интеллектуальной собственности;

– выращивание технологических предприятий;

– активная роль образования.

В-третьих, проблемой реализации инновационной стратегии является выбор политики внедрения инноваций в образовательном коллективе. Проблема заключается в том, что инновационная деятельность разрушает устоявшиеся не только

технологические процессы, но и финансово-экономическую деятельность организации, угрожая их успешности и устойчивости. Чем выше качество производственных процессов и эффективность менеджмента, тем с большим сопротивлением сталкивается внедрение инноваций [15].

Инновационные отношения в высшей школе становятся реальностью только при условии проведения определенной инновационной политики руководства организации. Предметом этой политики университета может быть научно-исследовательская, проектно-технологическая, опытно-конструкторская, образовательная (в отношении проектирования образовательных услуг и образовательных технологий, организации учебного процесса), воспитательная (в отношении воспитательных технологий), управленческая (в отношении моделирования системы управления, проектирования организационной инфраструктуры, формирования репутационного и инновационного капиталов) и издательская деятельность. При формализации инновационной политики используют либо традиционный подход, либо интуитивный.

Инновационная политика в традиционной парадигме не учитывает требований внешней среды, качественных изменений во внутренней среде и уровня развития организации. Интуитивная парадигма ориентирует инновационную политику вуза на субъективные ощущения

топ-менеджмента. Сегодня научно-обоснованная инновационная политика представляет собой коллективный социальный процесс развития университета на основе сложившихся традиций, передового опыта, тенденций развития страны и региона.

По наблюдениям менеджеров-аналитиков в образовательных учреждениях традиционно реализуются следующие типы политик нововведений [1]:

- директивная;
- политика переговоров;
- политика достижения общих целей;
- аналитическая политика;
- политика проб и ошибок.

«Директивной политике» свойственно то, что нововведения осуществляются руководителями без привлечения членов коллектива. Как правило, такая политика ориентирована на быстрые изменения в условиях кризисной ситуации. Персонал должен принять изменения в силу их неизбежности. Необходимыми условиями в этом случае является сильная харизма руководителя, наличие необходимой информации и способность мотивирования коллектива. Как правило, политика директивных изменений эффективна в случае невозможности применения других политик.

«Политика переговоров» заключается в том, что руководитель, являясь инициатором инноваций, организует переговоры с коллективом и рассматривает возможные условия частичных уступок и взаимных соглашений. Персонал имеет возмож-

ность обсуждать суть изменений и высказывать свое отношение к предлагаемым нововведениям. Как правило, эта политика детерминирована системой менеджмента качества учреждения.

Особенностью «политики достижения общих целей» является то, что руководитель привлекает к работе консультантов – «узких» специалистов в соответствующей области, получает согласие коллектива на внедрение нововведений и ставит перед каждым членом организации цели внедрения нововведения, распределяя ответственность за достижение целей, как личных, так и всей организации.

Суть «аналитической политики» состоит в том, что руководитель для изучения проблемы не использует ресурс коллектива учреждения, а привлекает специалистов – экспертов, которые занимаются сбором информации, ее анализом и прогнозируют оптимальные для определенных условий решения.

Если проблема на определенный момент не имеет четкой формулировки, то, как правило, используется «политика проб и ошибок». К решению проблемной ситуации привлекаются группы работников, которые предлагают различные подходы к решению проблемы и учатся на своих ошибках, вырабатывая определенное знание.

На выбор типа инновационной политики оказывают влияние следующие факторы:

– темп осуществления изменений;

– степень и вид сопротивления коллектива;

– наличие полномочий у инициатора изменений;

– наличие необходимой информации;

– наличие кризисной ситуации в организации.

Наибольшее значение для выбора типа инновационной политики имеет фактор времени как показатель динамики осуществления изменений. При высокой скорости внедрения инноваций требуется четкое планирование с минимальным привлечением персонала и твердое преодоление любого сопротивления членов коллектива. При наличии времени становится возможным обсуждение с персоналом альтернативных решений, принятие более размытого плана действий, вовлечение членов коллектива во внедрение инноваций и «мягкое» снятие напряжения в коллективе и погашение сопротивления отдельных работников путем увещаний и обещаний.

Таким образом, в связи с определенными организационными условиями, определенным уровнем развития университета как корпорации, определенным ресурсным направлением менеджмента в каждый период времени должна быть выработана соответствующая инновационная политика, а совокупность политик является проекцией стратегии инновационного развития вуза на конкретном этапе. Исходя из принципов, заявленных в политике, устанавливаются взаимосвязанные краткосрочные цели, и определяется

система процессов для их достижения по разработанным сценариям развития вуза.

Библиографический список

1. Коряковцева, О. А. Инновационная деятельность: основания и смыслы [Текст] / О. А. Коряковцева // Традиции и инновации в начальном образовании. Материалы российской научно-практической конференции. – Елецкий ГУ, 2018. – С. 166-170.
2. Кристенсен, К. М., Рейнор, М. Е. Решение проблемы инноваций в бизнесе. Как создать растущий бизнес и успешно поддерживать его рост [Текст] / К. М. Кристенсен, М. Е. Рейнор ; пер. с англ. – М. : Альпина Бизнес Бук, 2004.
3. Логунов, В. Н., Корчагин, Ю. А. Инвестиционная и инновационная политика государства [Текст] / В. Н. Логунов, Ю. А. Корчагин. – М., 2008.
4. Мархл М, Паусист А. Методология оценки третьей миссии университетов [Электронный ресурс] // Непрерывное образование: XXI век. 2013. Вып. 1. – URL: <http://1121.petsu.ru/journal/article.php?id=1949>. – (Дата обращения: 10.11.2019).
5. НТР и мировая политика: учеб. пособие [Текст] / под ред. А. В. Бирюкова, А. В. Крутских. Моск. Гос. Ин-т межд. отношений (Ун-т) МИД России. – М. : МГИМО – Университет, 2010 – 252 с.
6. Плуженская, Л. В., Коряковцева, О. А. Ступая на путь инноваций: концептуальные модели управления знаниями в университете [Текст] / Л. В. Плуженская, О. А. Коряковцева // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 2 (75). – С. 140–144.
7. Плуженская, Л. В. Управление инновационной деятельностью в университете: проблемы и перспективы. Вопросы общего, высшего и дополнительного образования: сборник статей национальной научно-практической конференции с международным участием [Текст] / под науч. ред. М. В. Новикова. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019.
8. Пурдехнад, Д. Открытые инновации и социальные сети [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/2011/000393746/07/image/07-022.pdf1>. – (Дата обращения: 10.11.2019).
9. Путин, В. В. О наших экономических задачах // Ведомости. – 2013. – 30 января [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.1tvnet.ru/content/show/statya-vladimiraputina-o-nashih-ekonomicheskikh-zadachah-polnii-tekst.html>. – (Дата обращения: 10.11.2019).
10. Эцковиц, Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии [Текст] / Г. Эцковиц. – Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. – 238 с.
11. Янсен, Ф. Эпоха инноваций [Текст] / Ф. Янсен ; пер. с англ. – М. : Инфра-М, 2002.
12. Chesbrough, H. W. Open Innovation: The New Imperative for Creating and Profiting from Technology. – Cambridge, MA: Harvard Business School Publishing, 2003.
13. Chesbrough, H. W. Open innovation: The new imperative for creating and profiting from technology. Boston: Harvard Business School Press, 2003.
14. Drucker, Peter F. The Essential Drucker: The best of sixty years of Peter Drucker's essential writings on management. Harper. Business, 2008.

15. Galbraith, Jay R., Kazanjian, Robert K., Strategy implementation: structure, systems and processes, 2nd ed. St. Paul, MN: West, 1986.

Bibliograficheskij spisok

1. Korjakovceva, O. A. Innovacionnaja dejatel'nost': osnovanija i smysly [Tekst] / O. A. Korjakovceva // Tradicii i innovacii v nachal'nom obrazovanii. Materialy Rossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Eleckij GU, 2018. – S. 166–170.
2. Kristensen, K. M., Rejnor, M. E. Reshenie problemy innovacij v biznese. Kak sozdat' rastushhij biznes i uspešno podderzhivat' ego rost [Tekst] / K. M. Kristetsen, M. E. Rejnor ; per. s angl. – M. : Al'pina Biznes Buk, 2004.
3. Logunov, V. N., Korchagin, Ju. A. Investicionnaja i innovacionnaja politika gosudarstva [Tekst] / V. N. Logunov, Ju. A. Korchagin. – M., 2008.
4. Marhl M, Pausist A. Metodologija ocenki tret'ej missii universitetov [Jelektronnyj resurs] // Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek. 2013. Vyp. 1. – URL: <http://li21.petsu.ru/journal/article.php?id=1949>. – (Data obrashhenija: 10.11.2019).
5. NTR i mirovaja politika: ucheb. posobie [Tekst] / pod red. A. V. Birjukova, A. V. Krutskih. Mosk. Gos. In-t mezhd. otnoshenij (Un-t) MID Rossii. –M. : MGIMO – Universitet, 2010 –252 s.
6. Pluzhenskaja, L. V., Korjakovceva, O. A. Stupaja na put' innovacij: konceptual'nye modeli upravlenija znaniyami v universitete [Tekst] / L. V. Pluzhenskaja, O. A. Korjakovceva // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. – 2019. – № 2 (75). – S. 140–144.
7. Pluzhenskaja, L. V. Upravlenie innovacionnoj dejatel'nost'ju v universite-te: problemy i perspektivy. Voprosy obshhego, vysshego i dopolnitel'nogo obrazovanija: sbornik statej nacional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Tekst] / pod nauch. red. M. V. Novikova. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019.
8. Purdehnad, D. Otkrytie innovacii i social'nye seti [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://www.lib.tsu.ru/mminfo/2011/000393746/07/image/07_022.pdf1. – (Data obrashhenija: 10.11.2019).
9. Putin, V. V. O nashih jekonomicheskikh zadachah // Vedomosti. – 2013. – 30 janvarja [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://www.1tvnet.ru/content/show/statya-vladimira-putina-onashih-ekonomicheskikh-zadachah-polnii-tekst.html>. – (Data obrashhenija: 10.11.2019).
10. Jeckovic, G. Trojnaja spiral'. University – predpriyatija – gosudarstvo. Innovacii v dejstvii [Tekst] / G. Jeckovic. – Tomsk : Izd-vo Tomsk. gos. un-ta sistem upr. i radiojelektroniki, 2010. – 238 s.
11. Jansen, F. Jepoha innovacij [Tekst] / F. Jansen ; per. s angl. – M. : Infra-M, 2002.
12. Chesbrough, H. W. Open Innovation: The New Imperative for Creating and Profiting from Technology. – Cambridge, MA: Harvard Business School Publishing, 2003.
13. Chesbrough, H. W. Open innovation: The new imperative for creating and profiting from technology. Boston: Harvard Business School Press, 2003.
14. Drucker, Peter F. The Essential Drucker: The best of sixty years of Peter Drucker's essential writings on management. Harper. Business, 2008.
15. Galbraith, Jay R., Kazanjian, Robert K., Strategy implementation: structure, systems and processes, 2nd ed. St. Paul, MN: West, 1986.

DOI 10.24411/2658-428X-2019-10553
УДК 374+379

Д. В. Чернов

<https://orcid.org/0000-0002-3022-5927>

Проектирование программ развития учреждений дополнительного образования детей

Для цитирования: Чернов Д. В. Проектирование программ развития современных учреждений дополнительного образования детей // Социально-политические исследования. – 2019. – № 4 (5). – С. 128–137

Предметом данного исследования является методическое обоснование проектных инструментов в определении стратегии развития в учреждениях дополнительного образования. Целью является поиск эффективных подходов разработки программ развития. В данном направлении накоплен значительный опыт в учреждениях дополнительного образования г. Новосибирска. Структурный и понятийный анализ проектной деятельности конкретных учреждений и методических рекомендаций ведущих отечественных экспертов позволяет выявить основные проектные особенности инновационных программ развития Центров детского творчества. Для определения наиболее эффективных стратегий проектирования программ развития с опорой на работы ведущих экспертов выделены основные элементы исследования: разработка миссии учреждения, особенности целеполагания, формирование ведущих проектных направлений, создание концептуальной базы. Особенное внимание было уделено обоснованию проектного подхода в создании программ развития учреждений дополнительного образования, представлению современных моделей в этой сфере. Проведенный анализ позволил сформировать рабочий алгоритм проектирования программы развития, который был апробирован в Центре детского творчества «Содружество» Калининского района г. Новосибирска. Результаты исследования могут быть использованы в учреждениях дополнительного образования в качестве методологического обоснования проектного подхода в разработке программ развития.

Ключевые слова: программа развития, дополнительное образование, образовательная среда, инновации, проектный подход в образовании.

D. V. Chernov

Design features of the development programs of institutions of non-formal education for children

The subject of the study is the methodological justification of design tools in determining the development strategy in institutions of further education. The goal is to find effective software development approaches. Considerable experience has been accumulated in this direction in institutions of additional education in the city of

Novosibirsk. A structural and conceptual analysis of the design activities of specific institutions and methodological recommendations of leading domestic experts allows us to identify the main design features of innovative programs for the development of centers for children's creativity. To determine the most effective strategies for designing development programs based on the work of leading experts, the main research elements are identified: the development of the mission of the institution, the specifics of goal setting, the formation of leading design areas, the creation of a conceptual base. Particular attention was paid to the justification of the project approach in the design of development programs for institutions of additional education, the presentation of modern design models in this area. The analysis made it possible to formulate a working algorithm for designing a development program, which was tested at the Center for Children's Creativity «Commonwealth» of the Kalinin District of Novosibirsk. The results of the study can be used in institutions of additional education as a methodological basis for the project approach in developing a development program.

Key words: social work, vocational education, scientific research systems.

В концепции развития дополнительного образования детей говорится, что эта сфера детей создает особые возможности для развития образования в целом, в том числе для расширения доступа к глобальным знаниям и информации, опережающего обновления его содержания в соответствии с задачами перспективного развития страны. Фактически эта сфера становится инновационной площадкой для отработки образовательных моделей и технологий будущего, а персонализация дополнительного образования определяется как ведущий тренд развития образования в XXI веке. Роль системы дополнительного образования в развитии региональных образовательных моделей сложно переоценить. Многочисленные исследования по данному вопросу были обобщены в коллективной монографии под редакцией доктора педагогических наук, профессора А. В. Золотаревой «Дополнительное образование детей как

фактор развития региональной системы образования» [5], а также в работах отечественных исследователей В. А. Березиной [1], М. В. Воробьева [2], М. В. Груздева [4], Е. Б. Евладовой [6] и др.

Концепция программы развития учреждения дополнительного образования сегодня представляет собой систему взглядов и приоритетов в деятельности, которые обусловлены современными требованиями общества, образовательными запросами семьи каждого учащегося и педагога. Современная концепция развития дополнительного образования, по мнению исследователя В. П. Голованова, подвергается постоянным изменениям и требует адекватной реакции на эти изменения в самих учреждениях [3, с. 60]

В данных условиях наиболее продуктивной концептуальной и инструментальной основой интегрирующей стратегические цели и содержание работы учреждения дополнительного образования при

разработке программы развития в современных условиях, определенно, является проектный подход.

Проектирование в образовании имеет свою специфику. Оно требует выстраивания связей с другими видами социальных практик, создания общественных коалиций, ориентированных на цели образования, выявление принципиально новых образовательных ресурсов, формулирования общественно-значимой образовательной политики, взятие на себя ответственности за социальные последствия реализуемых инициатив. Проектирование становится принципиально новым и фундаментальным способом адекватных изменений в образовании, создания условий и выявления внутренних механизмов его развития.

Проектное управление в развитии учреждения дополнительного образования это тип управления образовательной организацией в режиме развития, при котором осваиваются новшества, и наращивается образовательный потенциал организации, и, как следствие, улучшается качество его работы.

Необходимость применения проектного подхода в разработке программы образовательной организации определяется следующими положениями:

- потребностью учреждения в качественных изменениях в условиях продолжающегося развития и ограниченности ресурсов;
- потребностью руководства учреждения в использовании гиб-

ких управленческих технологий, обеспечивающих селективную консолидацию ресурсов, вариативность деятельности и формирующей мотивацию сотрудников учреждения к участию в процессах управления развитием организации;

- потребностью педагогического коллектива центра в создании качественных изменений в развитии учреждения, исходя из собственных творческих идей и потребностей учащихся и родителей своих детских объединений.

Возможность осуществления проектной деятельности для управления развитием базируется в учреждении дополнительного образования на следующих условиях: наличие стратегических целей; наличие проектной команды; наличие единого управления (интегральное управление).

Существенное значение в проектировании программы развития современного центра детского творчества приобретает такой элемент, как миссия и видение развития организации, которые являются отправной точкой для конструирования всей последующей стратегической программы организации. Формулировки данного раздела проектной системы могут отличаться и являются специфическими для каждой организации в отдельности, однако в современной сфере образования существуют универсальные тенденции, определяющие самые значимые направления развития данной отрасли, в частности,

и общества в целом. В основе продуктивной миссией в современных условиях, по мнению А. В. Золотаревой, должно стать сохранение и приумножение возможностей учреждения дополнительного образования детей, обеспечивающих эффективное функционирование и устойчивое развитие, повышение качества, доступности и конкурентоспособности дополнительного образования в интересах учащихся, их родителей, социальных партнеров и общества в целом [9, с. 116].

Для получения эмпирического материала в рамках описываемого исследования были проанализированные результаты реализации программы развития Центра детского творчества «Содружество» Калининского района г. Новосибирска [10]. Опыт данной организации позволяет предлагать в качестве следующего за определением миссии проектного этапа формирование потенциала дальнейшего развития организации в виде смысловых и системных процессов на уровне характеристики раскрывающих содержание миссии учреждения, а именно:

1. Поиск и внедрение новых моделей повышения качества образовательного процесса, научно-методического сопровождения и воспитательной работы.

2. Совершенствование работы учреждения дополнительного образования как ресурсного центра, содействующего развитию воспита-

тельной среды района и обеспечивающего оптимальный уровень развития задатков, способностей, творческого потенциала, профессионального самоопределения обучающихся в условиях здоровьесберегающего образовательного пространства.

3. Продвижение своего научно-методического потенциала, творческих идей, обучающих и воспитывающих концепций и технологий в целях развития единого культурно-воспитательного и образовательного пространства Калининского района.

Присоединяемся к мнению А. В. Золотаревой, которая отмечает следующее: «Цели современного дополнительного образования детей представляют собой разные варианты интеграции образовательных и социально-педагогических целей, которые определяются, с одной стороны, социальным заказом на дополнительное образование, с другой – возможностями учреждения дополнительного образования детей обучать, воспитывать, развивать, оздоравливать, поддерживать, адаптировать, реабилитировать детей» [8, с. 197].

Для обеспечения современного качества, доступности и эффективности дополнительного образования детей, создания благоприятных условий развития единого образовательного пространства на основе сохранения лучших наработок и сложившихся традиций в учреждении дополнительного образования и в качестве третьего этапа проек-

тирования предлагается определение стратегических целей развития организации. Применение процессного подхода позволяет выделить три уровня таковых.

1. Позиционирование или закрепление достигнутых к моменту проектирования новой программы развития образовательной организации результатов, статуса, общественного восприятия.

2. Изменения или определение новых целевых значений, которые приведут к принципиально новым результатам.

3. Потенциал или поиск в ограниченных ресурсах образовательной организации принципиально новых возможностей, позволяющих сохранить имеющиеся результаты и реализовать требуемые изменения.

В качестве примера приведем формулировки, предложенные Центром детского творчества «Содружество» Калининского района г. Новосибирска. Позиционирование в данной организации стратегической цели предполагает формирование условий для дальнейшего развития учреждения как образовательного комплекса с современной инфраструктурой, как ресурсного центра, реализующего дополнительное образование, отвечающее запросам населения, требованиям к качеству и перспективным задачам инновационного социально-ориентированного развития Калининского района г. Новосибирска. Изменения направлены на повышение привлекательности и кон-

курентоспособности образовательных услуг Центра путем внедрения новых перспективных направлений дополнительного образования, а также совершенствования качества реализующихся образовательных программ на основе сохранения доступности образования, интеграции обучения и творческой деятельности, использования новейших технологий и современных учебных материалов, ориентации на социально-экономические и научно-технологические изменения в обществе. Потенциал видится в создании, на основе развития внутренней системы оценки качества работы учреждения, инструментальных и концептуальных условий для устойчивого роста профессиональных компетенций педагогического коллектива, системных изменений в содержании и структуре образовательного, методического и воспитательных процессов, всестороннего удовлетворения потребностей обучающихся в интеллектуальном, нравственном, культурном и физическом развитии.

Следующим этапом проектирования программы развития в учреждении дополнительного образования с точки зрения логики и педагогического смысла должно быть определение принципов и направлений развития, которые фактически привнесут в инновационную среду проектирования программы развития традиционные, устойчивые положения, указывающие педа-

гогическому сообществу на фундаментальность программы развития.

Принципами, определяющими развитие учреждения дополнительного образования детей, в обобщенном варианте являются:

– регионализация – организация деятельности с учетом региональных (муниципальных) социально-экономических, географических, культурно-демографических и других условий;

– межведомственность реализации программы развития, межотраслевой характер, направленность на всех субъектов предоставления услуг дополнительного образования детей, что позволяет проводить единую политику в сфере дополнительного образования и воспитания детей;

– гуманизация – создание максимально благоприятных условий для развития интеллектуального, творческого потенциала ребенка как уникальной личности, признание самооценности детства;

– конкурентоспособность – формирование таких образовательных программ, объединений, систем, которые способны к динамичным и конструктивным изменениям, мобильной смене деятельности, ориентированной на востребованность услуг и создание необходимого продукта деятельности;

– открытость – участие общественных некоммерческих организаций, бизнес-структур, семьи, других социальных институтов в обеспечении каждому ребенку макси-

мально благоприятных условий для духовного, интеллектуального и физического развития, удовлетворения его творческих и образовательных потребностей.

Современная педагогическая и управленческая система дополнительного образования включает в себя значительное количество задач, аспектов деятельности, педагогических особенностей, подразделений и детских объединений. Управление такой сложной системой в рамках программы развития невозможно без определения важнейших направлений развития и консолидации усилий всего педагогического сообщества в их рамках.

Принципиальным положением в проектном подходе конструирования программы развития учреждения дополнительного образования, является выделение в отдельное направление воспитательной работы. Логика формирования направлений при этом должна быть напрямую связанна с миссией, стратегическими целями развития учреждения.

Ключевыми направлениями для развития системы дополнительного образования с учетом существующих нормативно-правовых изменений, современных приоритетов в российском образовании являются:

– Обеспечение качества, доступности и развития уже существующих и внедрения новых перспективных направлений дополнительного образования в Центре, отвечающих запросам населения, и

перспективным задачам инновационного, социально-ориентированного развития системы образования в Новосибирске за счет совершенствования образовательной среды учреждения и создание условий для раскрытия способностей и талантов ребенка через различные виды творческой и проектно-исследовательской деятельности, способствующих раннему выявлению, поддержке и сопровождению одаренных детей, инклюзивному образованию в учреждении [10].

– Развитие научно-методического содержания деятельности, предполагающее сопровождение процессов развития образовательной деятельности учреждения через внедрение системы оценки качества образования, устойчивого роста профессиональных компетенций педагогического коллектива, изменений в содержании и структуре образовательного, методического и воспитательных процессов в едином образовательном пространстве района или города.

С точки зрения особенностей функционирования методической службы в учреждении дополнительного образования продуктивно опираться на следующие:

1. Обеспечить устойчивый рост профессиональных компетенций педагогического коллектива и качества образовательных услуг.

2. Обеспечить формирование организационно-педагогической культуры, обеспечивающей поддержа-

ние миссии и основных стратегических целей учреждения.

Совершенствование воспитательной работы для учреждения дополнительного образования является ключевым направлением, целеполагание которого определяется как обеспечение развития воспитывающего потенциала процесса дополнительного образования, единства и взаимосвязи процессов обучения, воспитания, развития и социализации в условиях образовательной организации [7, с. 18].

Задачи данного направления могут быть многоаспектны и представлять собой характеристику воспитательной системы учреждения. В Центре детского творчества «Содружество» были определены две основные задачи:

1. Создать условия для повышения качества воспитательной среды Центра, обеспечивающей единство процессов обучения и воспитания, развитие творческого потенциала, социализации личности учащихся Центра.

2. Создать условия для повышения качества воспитательного пространства Калининского района г. Новосибирска, обеспечивающего формирование высоконравственной, образованной личности, обладающей базовыми компетенциями современного человека [10].

Завершает проектирование программы развития этап наполнения проектами определенных направлений развития. Практики разработки проектов в области воспита-

тельной работы, методического сопровождения и реализации образовательных программ располагают своими уже давно используемыми педагогическими, управленческими, организационными технологиями проектирования, рассмотрение которых не является предметной сферой данного исследования.

Необходимо отметить, что каждое определенное в программе развития направление, с учетом возможностей учреждения дополнительного образования, оптимально может быть развернуто двумя-тремя основными проектами. Динамично развивающаяся образовательная система, постоянно меняющиеся нормативы учредителя и запросы потребителей образовательных услуг, вместе с тем, требует перманентной коррекции основных проектов, которые могут реализовываться поэтапно в течение года или меньшего периода в зависимости от сложившейся конъюнктуры, с последующим дополнением и уточнением целеполагания проекта и его мероприятий. Данное положение формирует в программе развития не только инновационную составляющую, но и гибкую управленческую модель управления всеми педагогическими процессам. Преимуществом проектного подхода также является возможность конструирования дополнительных проектов, позволяющих оперативно решать возникающие проблемы и активно задействовать в этом не только педагогическое сообщество

учреждения, но и детей, родителей, общественные организации и коммерческий сектор.

Таким образом, структура проектной части программы развития представлена тремя направлениями деятельности, осуществление которых переносится в область решения нескольких проектных управленческих тактик в каждом. Каждый проект связан с остальными, но при этом является самостоятельным управленческим продуктом и включает в себя собственное целеполагание, описание ресурсов, ожидаемые результаты и критерии его эффективности. Проекты, собранные в направлениях, составляют единую систему управленческих, педагогических, научных и методических, а также общественных усилий, определенных педагогическим коллективом организации на пятилетний период развития учреждения, с целью достижения качественных изменений в системе дополнительного образования.

Программа развития учреждения дополнительного образования на современном этапе перестает быть объемным фундаментальным управленческим трактатом, вертикально регламентирующим все процессы и механизмы деятельности организации. Стратегическое управление образовательными системами в современных условиях возможно только в рамках инновационной деятельности, опирающейся на проектный подход и предполагающий конструирование

лаконичных управленческих моделей, которые быстро внедряются в работу учреждения, легко мониторяются и корректируются в зависимости от текущих потребностей. Существенно и то, что проектный подход позволяет включить в

управленческие процессы всех участников образовательной деятельности (педагогов, детей, родителей), обеспечивая, таким образом, реальное качество образовательных услуг во всех возможных его аспектах.

Библиографический список

1. Березина, В. А. Дополнительное образование детей в России [Текст] : учебно-методическое пособие / В. А. Березина. – М. : АНО «Диалог культур», 2007. – 511 с.
2. Воробьев, М. В., Гейн, А. Г. Информационные технологии в управлении региональной системой дополнительного образования детей [Текст] // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 8. – С. 23–27.
3. Голованов, В. П. Современное дополнительное образование детей: к вопросу о новой концепции развития [Текст] // Евразийский образовательный диалог: материалы международного форума. – Ярославль : ГАОУ ЯО ИРО, 2014. – С. 60–64.
4. Груздев, М. В. Интеграция формального и неформального образования: новый сценарий развития [Текст] // Народное образование. – 2014. – № 8. – С. 4–38.
5. Дополнительное образование детей как фактор развития региональной системы образования [Текст] : коллективная монография / под ред. А. В. Золотаревой, С. Л. Паладьева. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. – 300 с.
6. Евладова, Е. Б. Дополнительное образование в школе: В поисках смыслов и ценностей [Текст] : практико-ориентированная монография / Е. Б. Евладова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2013. – 186 с.
7. Золотарева, А. В. Модели социализации детей, обучающихся по программам дополнительного образования [Текст] // Образование личности: научно-методический журнал. – 2014. – № 1. – С. 18–25.
8. Золотарева, А. В. Принципы организации дополнительного образования детей в России [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 1. – Том II (Психолого-педагогические науки). – С. 194–199.
9. Золотарева, А. В. Интегративно-вариативный подход к управлению учреждением дополнительного образования детей [Текст] : монография / А. В. Золотарева. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2006. – 290 с.
10. Программа развития МБОУ ДОД ЦДТ «Содружество» Калининского района г. Новосибирска. 2019-2024гг. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.sodruzhestvonsk.edusite.ru/cs_document.html. – (Дата обращения: 18.06.2019).

Bibliograficheskij spisok

1. Berezina, V. A. Dopolnitel'noe obrazovanie detej v Rossii [Tekst] : uchebno-metodicheskoe posobie / V. A. Berezina. – M. : ANO «Dialog kul'tur», 2007. – 511 s.
2. Vorob#ev, M. V., Gejn, A. G. Informacionnye tehnologii v upravlenii re-gional'noj sistemoj dopolnitel'nogo obrazovanija detej [Tekst] // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. – 2014. – № 8. – S. 23–27.

3. Golovanov, V. P. Sovremennoe dopolnitel'noe obrazovanie detej: k voprosu o novoj koncepcii razvitija [Tekst] // Evrazijskij obrazovatel'nyj dialog: materialy mezhdunarodnogo foruma. – Jaroslavl' : GAOU JaO IRO, 2014. – S. 60–64.
4. Gruzdev, M. V. Integracija formal'nogo i neformal'nogo obrazovanija: novyj scenarij razvitija [Tekst] // Narodnoe obrazovanie. – 2014. – № 8. – S. 4–38.
5. Dopolnitel'noe obrazovanie detej kak faktor razvitija regional'noj sistemy obrazovanija [Tekst] : kollektivnaja monografija / pod red. A. V. Zolotarevoj, S. L. Palad'eva. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2009. – 300 s.
6. Evladova, E. B. Dopolnitel'noe obrazovanie v shkole: V poiskah smyslov i cennostej [Tekst] : praktiko-orientirovannaja monografija / E. B. Evladova. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2013. – 186 s.
7. Zolotareva, A. V. Modeli socializacii detej, obuchajushhihsja po programmam dopolnitelnogo obrazovanija [Tekst] // Obrazovanie lichnosti: nauchno-metodicheskij zhurnal. – 2014. – № 1. – S. 18–25.
8. Zolotareva, A. V. Principy organizacii dopolnitelnogo obrazovanija detej v Rossii [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2013. – № 1. – Tom II (Psihologo-pedagogicheskie nauki). – S. 194–199.
9. Zolotareva, A. V. Integrativno-variantivnyj podhod k upravleniju uchrezhdeniem dopolnitelnogo obrazovanija detej [Tekst] : monografija / A. V. Zolotareva. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2006. – 290 s.
10. Programma razvitija MBOU DOD CDT «Sodruzhestvo» Kalininskogo rajona g. Novosibirsk. 2019–2024gg. [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.sodruzhestvonsk.edusite.ru/cs_document.html. – (Data obrashhenija: 18.06.2019).

DOI 10.24411/2658-428X-2019-10554
УДК 378

Д. Т. Березин

<https://orcid.org/0000-0003-0193-2398>

**Применение активных и интерактивных методов обучения студентов:
опыт ЯГПУ им. К. Д. Ушинского**

Для цитирования: Березин Д. Т. Активные и интерактивные методы обучения студентов: на примере ЯГПУ им. К. Д. Ушинского // Социально-политические исследования. – 2019. – № 4 (5). – С. 138–152

Автором проведено социологическое исследование среди студентов Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. Установлено, что преподаватели поощряют активное участие каждого студента в учебном процессе, для этого в вузе активно используются имитационные и неимитационные технологии обучения. В ЯГПУ в основном применяют дискуссионные (диалог, групповая дискуссия, разбор ситуаций из практики и др.) и тренинговые формы и методы интерактивного обучения. В меньшей степени применяют игровые методы обучения (дидактические и творческие игры). Выявлено, что компетентностный подход при организации образовательного процесса способствует эффективному усвоению учебного материала. Доказано, что значительная часть студентов, независимо от гендерных особенностей, возраста и направления обучения позитивно относятся к активным и интерактивным методам обучения. Исследование демонстрирует наличие в вузе потенциальных ресурсов для применения активных и интерактивных методов, форм и средств обучения, о чем свидетельствует позитивный опыт большого числа кафедр и факультетов ЯГПУ и ответы студентов в рамках анкетирования. Предлагаются мероприятия направленные на повышение эффективности применения активных и интерактивных методов в процессе обучения.

Ключевые слова: интерактивные методы обучения, активные методы обучения, компетентностный подход, образовательные технологии, студенты, вуз.

D. T. Berezin

**Active and interactive methods, forms and means of training:
on the example of K. D. Ushinsky YSPU**

The author conducted a sociological study among students of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky. It is established that teachers encourage the active participation of each student in the educational process, for this purpose the University actively uses simulation and non-simulation learning technologies. YAGPU mainly uses discussion (dialogue, group discussion, analysis of situations from

practice, etc.) and training forms and methods of interactive learning. To a lesser extent, game methods of teaching (didactic and creative games) are used. It is revealed that the competence approach in the organization of the educational process contributes to the effective assimilation of educational material. It is proved that a significant part of students, regardless of gender characteristics, age and direction of study have a positive attitude to active and interactive teaching methods. The study demonstrates the presence of potential resources in the University for the use of active and interactive methods, forms and means of education, as evidenced by the positive experience of a large number of departments and faculties of YAGPU and the answers of students in the questionnaire. The activities aimed at improving the effectiveness of the use of active and interactive methods in the learning process are proposed.

Key words: interactive teaching methods, active teaching methods, competence approach, educational technologies, students, University.

Актуальность исследования

Министерство науки и высшего образования РФ целенаправленно повышает требования к качеству подготовки бакалавров, магистров и аспирантов в вузах. В связи с данным обстоятельством, все большее число преподавателей переходят на инновационные методы и средства обучения, позволяющие студентам овладевать необходимыми знаниями, навыками и умениями за короткий промежуток времени. Кроме того, благодаря применению интерактивных форм и средств обучения, у преподавателя есть обратная связь с аудиторией, а у студентов связь еще и друг с другом. В результате пробуждается интерес обучающихся к дисциплине, происходит развитие коммуникативных компетенций студентов. К сожалению, многие преподаватели не владеют интерактивными методами, формами и средствами обучения. Так, по данным позиционных экспертов многие

преподаватели не умеют применять интерактивные методы, при этом часть преподавателей особенно старшего поколения стараются не применять в учебном процессе такие формы и средства обучения, так как не верят в эффективность данного метода [5, 10].

Учитывая вышеизложенное, мы предприняли попытку изучить с какими трудностями сталкиваются преподаватели при применении активных и интерактивных методов в образовательном процессе.

Постановка проблемы

К проблеме активности обращались еще в свое время выдающиеся отечественные ученые С. Л. Рубинштейн, В. А. Сухомлинский, К. Д. Ушинский [8, 9, 11].

Большую роль в популяризации активных и интерактивных методов обучения внесли Ю. П. Азаров, Б. П. Никитин, Г. К. Селевко, С. А. Шмаков, Г. П. Щедровицкий [12].

В настоящее время целенаправленно и систематически изучают эффективность активных и интерактивных методов обучения в вузах ведущие российские социологи и педагоги [2, 3, 4].

Важный вклад в разработку интерактивных методов преподавания вносят и зарубежные ученые. В частности, педагоги анализируют, какие методы эффективно применять при подготовке будущих врачей, какие эффективно использовать при подготовке будущих инженеров, учителей и т. п. При этом зарубежные авторы при использовании методов учитывают гендерные и возрастные особенности обучающихся [13, 14, 15, 16].

Обобщая вклад отечественных и зарубежных авторов, мы делаем вывод, что ученые подготовили теоретическую базу позволяющую исследовать эффективность использования активных и интерактивных методов для обучения и воспитания будущих бакалавров и магистров в вузах России.

Эмпирическая база исследования

Осуществлен опрос студентов Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (ЯГПУ).

Выборка квотная, n=400. Переменные квотирования: пол, возраст, факультет.

Кроме того, проведена серия глубинных интервью с преподавателями ЯГПУ, n=10.

Также осуществлена серия глубинных интервью со студентами ЯГПУ, n=12.

Был проведен вторичный анализ данных:

– Федеральной службы государственной статистики России;

– результатов социологических исследований, проведенных ВЦИОМ, сотрудниками (института социологии) ФНИСЦ РАН (г. Москва).

Основная гипотеза

Преподаватели в ЯГПУ активно применяют традиционные, активные и интерактивные методы обучения. В результате оказывается многоплановое воздействие на обучающихся, обеспечивается логически правильная подача учебного материала, оптимальные затраты ресурсов при массовом обучении, поощряется активное участие каждого студента в учебном процессе, формируются важнейшие жизненные навыки.

Авторские гипотезы

1. Значительная часть профессорско-преподавательского состава в рамках учебного процесса перешла от односторонней формы коммуникации к многосторонней модели коммуникации.

2. Часть молодых преподавателей в учебном процессе по-прежнему используют одностороннюю форму коммуникации. Что объясняется отсутствием у ряда

преподавателей необходимых компетенции.

3. Обучающие лучше воспринимают материал, при использовании преподавателями активных и интерактивных методов, форм и средств обучения.

4. Значительная часть студентов, независимо от гендерных особенностей, возраста и направления обучения позитивно относятся к активным и интерактивным методам обучения.

5. В ЯГПУ в основном применяют дискуссионные (диалог, групповая дискуссия, разбор ситуаций из практики и др.) и тренинговые формы и методы интерактивного

обучения. В меньшей степени применяют игровые методы обучения (дидактические и творческие игры).

Теоретической основой исследования выступили труды ведущих российских ученых М. В. Груздева, М. В. Новикова, О. А. Коряковцевой и др. [1, 3, 5, 6, 7].

Результаты исследования

Сначала предприняли попытку проанализировать, какие знания, умения и навыки необходимы человеку для успешной жизнедеятельности в современном обществе (см. табл. 1).

Таблица 1.

Распределение ответов на вопрос: «Какие знания, умения и навыки необходимы человеку для успешной жизнедеятельности в обществе?»* (в %, от числа ответивших)

Ответы	Студенты	
	Юноши n=160	Девушки n=240
Способность работать с современными средствами массовой информации	81	82
Умение обращаться с деньгами, понимать структуру своих доходов и расходов, планировать свое финансовое будущее	64	83
Предприимчивость (действовать в быстро меняющихся неопределенных условиях)	60	58
Знать и уметь отстаивать свои права	56	57
Способность мыслить нестандартно и гибко	47	48
Умение создавать и сохранять семью	42	85
Знание английского языка	41	45
Сотрудничество в виртуальном пространстве	38	30
Находить и обрабатывать информацию	32	41
Межкультурные компетентности	30	42
Умение учиться	27	30
Навыки этикета	25	12
Другое	6	5

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов

Как видно из ответов респондентов, значительная часть опрошенных юношей и девушек считают, что для успешного человека важны навыки работы с современными средствами массовой информации. Кроме того, 64 % юношей и 83 % девушек указали, что важна финансовая грамотность. Студенты в ходе анкетирования имели возможность пояснить свои ответы. Так 83 % девушек пояснили, что все время нуждаются в деньгах, периодически приходится занимать деньги у родителей, родственников и друзей. Не лучше обстоит ситуация и у большей части юношей. Так 64 % юношей отметили, что, несмотря на то, что стараются контролировать свои расходы, вести финансовое планирование, де-

нег не хватает. Виной тому очень низкие доходы. Интересен тот факт, что даже та часть респондентов, которая отметила, что подрабатывает в свободное от учебы время (27 % девушек и 14 % юношей) все равно периодически вынуждена занимать деньги у родственников и друзей.

Общий вывод заключается в том, что студенты правильно указали те навыки, знания и умения которые необходимы современному человеку.

Нам как исследователям важно было посмотреть, какие методы обучения применяют в вузе (см. табл. 2). И как эти методы, формы и средства обучения влияют на формирование необходимых навыков, знаний и умений.

Таблица 2.

Распределение ответов на вопрос: «Какие методы обучения применяют в вузе?» (в %, от числа ответивших)

Ответы	Студенты n=400
Традиционные методы обучения (педагог является действующим лицом, управляющим процессом обучения, а студенты выступают в роли пассивных слушателей)	23
Активные методы обучения (педагог и студент находятся на равных правах, взаимодействуют друг с другом)	42
Интерактивные методы обучения (широкое взаимодействие студентов не только с педагогом, но и друг с другом)	35

Как видно из ответов, опрошенных, в ЯГПУ преподаватели широко применяют активные и интерактивные методы преподавания. В то же время, 23 % респондентов отме-

тили, что в вузе применяются традиционные методы обучения. Нас интересовало, какие методы обучения (традиционные, активные и интерактивные) с точки зрения сту-

дентов, способствуют более эффективному усвоению учебного материала и формируют важные жизненные навыки.

По этой причине далее мы изучали положительные и отрицательные аспекты традиционного обучения (см. табл. 3).

Таблица 3.

**Положительные и отрицательные аспекты традиционного обучения*
(в %, от числа ответивших)**

Ответы	Студенты	
	Юноши n=160	Девушки n=240
Отрицательные аспекты традиционного обучения		
Шаблонное построение, однообразие	86	88
Студенты изолируются от общения с друг с другом	76	80
Нерациональное распределение времени занятия	65	62
Преобладают репродуктивные методы обучения	55	52
Положительные аспекты традиционного обучения		
Оптимальные затраты ресурсов при массовом обучении	45	44
Систематический характер обучения	42	40
Упорядоченная, логически правильная подача учебного материала	33	36

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

Респонденты указали в анкете отрицательные и положительные моменты традиционного обучения. В итоге оказалось, что, по мнению студентов отрицательных аспектов при традиционном обучении больше, чем положительных.

Студенты имели возможность в рамках открытых вопросов в анкете пояснить свои ответы. Так, 45 % юношей и 63 % девушек отметили, что при традиционной подаче материала (односторонней форме коммуникации) на лекции очень скуч-

но, не интересно, и пропадает всякое желание изучать данную дисциплину.

В рамках социологического исследования мы провели серию глубоких интервью с рядом преподавателей. Преподаватели нашли больше преимуществ у традиционного обучения, чем студенты.

Далее мы изучали, что дают нашим респондентам активные и интерактивные формы проведения занятий (см. табл. 4).

Таблица 4.

Распределение ответов на вопрос: «Что дают лично Вам, интерактивные формы проведения занятий?»* (в %, от числа ответивших)

Ответы	Студенты	
	Юноши n=160	Девушки n=240
Способствуют эффективному усвоению учебного материала	83	82
Развивают критическое мышление	83	82
Пробуждают у меня интерес к предмету	79	80
Навыков публичного выступления	77	75
Поощряют мое активное участие в учебном процессе	73	74
Умение вести диалог	70	69
Оказывают многоплановое воздействие на мое мировосприятие	63	61
Способность лидировать, так как можно не бояться задавать вопросы преподавателю	56	52
Освоить техники быстрого установления делового контакта	52	50
Овладеть приемами и техниками влияния на других людей в процессе взаимодействия с ними	48	46
Умение быть объективным	41	42
Улучшить свой вербальный и визуальный имидж	38	37
Другое	5	6

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов опрошенных, значительная часть студентов считают, что интерактивные формы проведения занятий дают им очень много преимуществ. Кроме того, из ответов респондентов мы видим, что преподаватели широко исполь-

зуют интерактивные подходы в учебном процессе.

Далее мы изучали, какие имитационные методы (игровые и неигровые) обучения применяют в ЯГПИУ (см. табл. 5).

Таблица 5.

Распределение ответов на вопрос: «Какие игровые методы обучения применяют в вашем вузе?»* (в %, от числа ответивших)

Ответы	Студенты, n=400
Деловая игра	86
Разыгрывание ролей	51
Игровые занятия на машинных моделях (искусственные образовательные среды, компьютерные деловые, игры и др.)	32

Ответы	Студенты, n=400
Игровое проектирование	27
Стажировка (с выполнением должностной роли)	23
Другое	5

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

Как видно, широкое распространение в вузе получили деловые игры.

Студенты имели возможность пояснить свои ответы. Благодаря их

ответам мы получили представление о видах деловых игр, применяемых в рамках учебного процесса в ЯГПУ (см. табл. 6).

Таблица 6.

Распределение ответов на вопрос: «Виды деловых игр»* (в %, от числа ответивших)

Ответы	Студенты, n=400
Игры проективные	62
Имитационные	76
Управленческие	57
Исследовательские	56
Организационно-деятельные	54
Игры-тренинги	40

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов студентов в ЯГПУ широко применяют все разновидности деловых игр. Респонденты имели возможность по-

яснить свои ответы. В частности, они перечислили, что дают им деловые игры (см. табл. 7).

Таблица 7.

Распределение ответов на вопрос: «Что Вам дают деловые игры?»* (в %, от числа ответивших)

Ответы	Студенты	
	Юноши n=160	Девушки n=240
Повышают интерес к изучаемой дисциплине	83	82
Позволяют найти инновационный способ решения проблем	72	68
Учат отстаивать свою точку зрения	70	69
Жизненность и типичность ситуаций, рассматриваемых в ходе игры, позволяют в последствие применить знания на практике	62	73
Яркие моменты в рамках учебного процесса (новые эмоции)	62	65
Возможность проявить свои лидерские способности	56	52

*Применение активных и интерактивных методов обучения студентов:
опыт ЯГПУ им. К. Д. Ушинского*

Ответы	Студенты	
	Юноши n=160	Девушки n=240
Отличный дополнительный способ пообщаться с одногруппниками	54	87
Взвешивать альтернативные мнения	52	50
Улучшают работу мозга	47	24
Другое	5	5

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов респондентов, деловые игры дают студентам важные жизненные навыки. Поэтому не удивительно, что им так нравятся деловые игры.

Далее мы анализировали, какие неигровые методы обучения применяют в ЯГПУ (см. табл. 8).

Таблица 8.

Распределение ответов на вопрос: «Какие неигровые методы обучения применяют в вашем вузе?»* (в %, от числа ответивших)

Ответы	Студенты, n=400
Ситуационные методы (кейс-технологии, анализ конкретных ситуаций, решение ситуативных и производственных задач)	63
Действия по инструкции (алгоритму)	48
Групповой тренинг и др.	36
Другое	6

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов респондентов, в ЯГПУ активно применяются кейс-технологии.

Далее мы изучали, какие неимитационные методы обучения применяют в вузах г. Ярославля (см. табл. 9).

Таблица 9.

Распределение ответов на вопрос: «Какие неимитационные методы обучения применяют в вашем вузе?»* (в %, от числа ответивших)

Ответы	Студенты, n=400
Тематическая дискуссия (круглый стол, пресс-конференции, научно-практическая конференция)	76
Мозговая атака (штурм, эстафета)	73
Активные (проблемные) лекции и семинары	67
Презентация	65
Олимпиада	63
Лабораторные опыты и др.	31

Ответы	Студенты, n=400
Стажировка (без выполнения должностной роли)	22
Другое	6

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

Значительная часть респондентов указали, что активно применяются в ходе учебного процесса: тематические дискуссии, мозговые атаки, проблемные лекции. Опрошенные имели возможность пояснить свои ответы. Так, значительная часть студентов отметила, что

чаще всего преподаватели проводят дискуссии и дебаты.

В рамках исследования мы изучали, какие используют организационные методики преподаватели при проведении дискуссии, (см. табл. 10).

Таблица 10.

Распределение ответов на вопрос: «При проведении дискуссии, какие используют преподаватели организационные методики?»* (в %, от числа ответивших)

Ответы	Студенты, n=400
Свободно плавающая дискуссия.	82
Методика «вопрос – ответ».	78
Процедура «Обсуждение вполголоса».	65
Методика эстафеты.	59
Методика «лабиринта».	58
Методика клиники.	54

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов студентов, преподаватели в ЯГПУ используют различные организационные методики.

Далее мы изучали, в чем проявляется роль преподавателя при интерактивном взаимодействии (см. табл. 11).

Таблица 11.

Распределение ответов на вопрос: «В чем по-Вашему проявляется роль преподавателя при интерактивном взаимодействии?»* (в %, от числа ответивших)

Ответы	Студенты	
	Юноши n=160	Девушки n=240
Во взаимообогащении опыта участников взаимодействия	90	89
В поощрении творчества студентов	83	89

Ответы	Студенты	
	Юноши n=160	Девушки n=240
В создании условий для проявления инициативы студентов	79	84
В обращении к личному опыту студентов, в поддержке их активности	76	62
В выявлении многообразия точек зрения	66	80
В соединении теории и практики	56	38

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

Из ответов видно, что студенты имеют четкое представление о роли преподавателя при интерактивном взаимодействии.

В рамках исследования мы провели серию глубинных интервью со студентами ЯГПУ.

Далее мы приводим основные высказывания наших респондентов.

Алексей, 21 год.

«Есть преподаватели, которые ведут лекции очень скучно, неинтересно. Особенно очень грустно у таких преподавателей на лекции на третьей паре, то есть на паре после обеда. Когда преподаватель монотонно читает лекцию по листочку, и прячется за кафедру, то очень хочется спать. Однако надо отметить, что есть очень много преподавателей, которые при освоении нового материала создают дружелюбную, благоприятную, творческую атмосферу. Особенно мне нравились, как походили занятия по основам права. При изучении данной дисциплины у нас постоянно были: деловые игры, работа в малых группах, диспуты, дебаты. В итоге у меня по основам права оценка «отлично». Надо также от-

метить, что везде, где преподаватель с особым трепетом и любовью относился к своему предмету, всегда было интересно, повышалась мотивация при изучении дисциплины и как результат достойные оценки в зачетной книжке».

Ульяна, 22 года.

«Мне нравится, когда преподаватель позиционирует себя не как руководитель или начальник, а как равный нам студентам. Мне нравится, когда преподаватели проводят такие «мозговые штурмы», это всегда интересно. Я считаю, что очень многое зависит от преподавателя. Одни умеют создать благоприятную, творческую атмосферу на занятиях, а у других на парах даже страшно глаза поднять на преподавателя. Считаю, что интерактивные методы обучения способствуют закреплению, актуализации полученных ранее знаний. Я стала лучше усваивать материал, и меньше тратить время на выполнение домашних заданий».

Как видно, студенты высоко оценивают роль активных и осо-

бенно роль интерактивных методов обучения.

В рамках исследования мы провели серию глубинных интервью с преподавателями.

Далее мы приводим их основные высказывания.

Доцент, 45 лет.

«Необходимо не только применять активные методы обучения (презентации, кейс-технологии, проблемные лекции, дидактические игры, баскет-метод), но и интерактивные методы (мозговой штурм, круглые столы, методы проектов, деловые игры и т. п.). К сожалению, ряд преподавателей кроме «мозговой атаки» и в некоторых случаях деловых игр не способны применить интерактивные методы, формы и средства обучения. Соответственно необходимо систематически повышать квалификацию преподавателей. Главное, что для этого есть все условия. Но некоторые преподаватели стесняются сказать, что им нужны дополнительные знания, навыки и умения в сфере применения активных и интерактивных методов преподавания, в итоге ухудшается качество преподавания».

Профессор, 65

«Раньше в СССР было более качественное преподавание, оно обеспечивало высокую мотивацию у студентов, творчество. Студенты целенаправленно совершенствовались свои знания в читальных залах не только вузовской библио-

теки, но и читальных залах основных библиотек города. Сейчас по существу в ряде школ учителя не справляются со своими обязанностями. В итоге в вузы иногда поступают слабые абитуриенты. Полагаю, нельзя недооценивать роль традиционных методов обучения и воспитания. Интерактивные методы обучения не всегда эффективны. При этом надо отдавать себе отчет в том, что ряд преподавателей не умеет применять данную методику на практике, особенно та часть преподавателей у которых нет педагогического образования».

Как видно из серии глубинных интервью, позиционные эксперты за широкое применение активных и интерактивных методов преподавания, но полагают, что для этого необходимы соответствующие навыки, которые необходимо систематически совершенствовать.

Заключение

Результаты социологического исследования подтверждают все авторские гипотезы.

Исследование демонстрирует наличие в вузе потенциальных ресурсов для применения активных и интерактивных методов, форм и средств обучения, о чем свидетельствует позитивный опыт большого числа кафедр и факультетов ЯГПУ и ответы студентов в рамках анкетирования.

Вместе с тем при изучении данной проблемы были обозначены

явления и процессы, негативно отражающиеся на применении активных и интерактивных методов обучения.

И все же, несмотря на некоторые трудности, которые возникают в основном у молодых преподавателей, применение активных и интерактивных методов, форм и средств обучения способствует формированию у студентов обостренного чувства социальной справедливости, активной жизненной позиции, повышению успеваемости, способности работать с современными средствами массовой информации, способность мыслить нестандартно и гибко.

Для повышения эффективности применения активных и интерактивных методов в процессе обучения, необходимо:

– профессорско-преподавательскому составу вузов повышать квалификацию в области применения

активных и интерактивных методов, форм и средств обучения;

– проводить социологические исследования, направленные на изучение эффективности применения активных и интерактивных методов преподавания в вузе;

– проводить научно-практические конференции, круглые столы, где изучать передовой опыт внедрения инновационных методов и средств обучения в учебный процесс;

– периодически издавать методические рекомендации и пособия по интерактивным методам обучения;

– периодически в вузы приглашать ведущих преподавателей для проведения открытых лекции. В рамках, которых информировать преподавательское сообщество о новом в применении интерактивных методов обучения.

Библиографический список

1. Березин, Д. Т. Организация самостоятельной работы студентов в вузе [Текст] / Д. Т. Березин // Социально-политические исследования. – 2019. – № 3 (4). – С. 73-86.
2. Будахина, Н. Л. Методы и средства оптимизации преподавания экономических дисциплин в высшей школе [Текст] / Н. Л. Будахина // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 4 (61). – С. 141-144.
3. Груздев, М. В., Тарханова, И. Ю. Становление «Новой дидактики» педагогического образования в условиях глобального технологического обновления и цифровизации [Текст] / М. В. Груздев, И. Ю. Тарханова // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 3. – С. 47-53.
4. Заверткина, Е. Г. Мотивационная компетентность учителей. В сборнике: Педагогика и психология современного образования: теория и практика Материалы научно-практической конференции «Чтения Ушинского» [Текст] / Е. Г. Заверткина. – 2017. – С. 129-134.
5. Коряковцев, С. П. Новое в деятельности преподавателя технического вуза: реализация электронных модулей [Текст] / С. П. Коряковцев // Педагогические и

психологические проблемы современного образования материалы научно-практической конференции «Чтения Ушинского». ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; Е. О. Иванова (отв. ред.), 2015. – С. 360-364.

6. Коряковцева, О. А. Развитие общественно-политической активности молодежи в условиях модернизации общества [Текст] / О. А. Коряковцева // Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. – № 2 (11). – С. 117–122.

7. Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Мотивы получения образования в России в VIII – первой половине XIX в. [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Вопросы теории и методики профессионального образования. Материалы научно-практической конференции «Чтения Ушинского». Под научной редакцией М. В. Новикова. - 2018. - С. 116-127.

8. Сухомлинский, В. А. Избранные педагогические сочинения [Текст] / В. А. Сухомлинский. – М. : Педагогика, 1981. – 640 с.

9. Рубинштейн С. Л. Очерки. Воспоминания. Материалы [Текст] / Л.С. Рубинштейн. – М. : Наука, 1989. – 440 с.

10. Таланов, С. Л., Кудашов, В. Н. Особенности экономической социализации студентов вузов [Текст] / С. Л. Таланов, В. Н. Кудашов // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2016. – № 6. – С. 34-39.

11. Ушинский, К. Д. Педагогические сочинения: В 6 т. Т. 1/ Сост. С. Ф. Егоров. – М. : Педагогика, 1990. – 416 с.

12. Шмаков, С. А. Технология игрового обучения, игровые технологии [Текст] / С. А. Шмаков // Школьные технологии. – 2009. – № 1. – С. 106.

13. Anderson A. The European project semester: A useful teaching method in engineering education project approaches to learning in engineering education. Journal of Engineering Education. 2012. P. 15-28.

14. Faghihi SA, Khankeh HR, Hossini SJ, Arabshahi SKS, Faghihi Z, Parikh SV, et al. Improving continuing medical education by enhancing interactivity: lessons from Iran. Journal of Advances in Medical Education & Professionalism. 2016. Volume 4(2). P. 54.

15. Klug J, Bruder S, Kelava A, Spiel C, Schmitz B. Diagnostic competence of teachers: A process model that accounts for diagnosing learning behavior tested by means of a case scenario. Teaching and Teacher Education. 2013. Volume 30. P. 38-46.

16. Yakovleva N.O., Yakovlevb E.V. Interactive teaching methods in contemporary higher education //Pacific Science Review. Volume 16, Issue 2, June 2014, Pages 75-80.

Bibliograficheskij spisok

1. Berezin, D. T. Organizacija samostojatel'noj raboty studentov v vuze [Текст] / D. T. Berezin // Social'no-politicheskie issledovanija. – 2019. – № 3 (4). – S. 73–86.

2. Budahina, N. L. Metody i sredstva optimizacii prepodavanija jekonomicheskih disciplin v vysshej shkole [Текст] / N. L. Budahina // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2009. – № 4 (61). – S. 141–144.

3. Gruzdev, M. V., Tarhanova, I. Ju. Stanovlenie «Novoj didaktiki» pedagogicheskogo obrazovanija v uslovijah global'nogo tehnologicheskogo obnovlenija i cifrovizacii [Текст] / M. V. Gruzdev, I. Ju. Tarhanova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2019. – № 3. – S. 47–53.

4. Zavertkina, E. G. Motivacionnaja kompetentnost' uchitelej. V sbornike: Pedagogika i psihologija sovremennogo obrazovanija: teorija i praktika Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii «Chtenija Ushinskogo» [Tekst] / E. G. Zavertkina. – 2017. – S. 129–134.
5. Korjakovcev, S. P. Novoe v dejatel'nosti prepodavatelja tehničeskogo vuza: realizacija jelektronnyh modulej [Tekst] / S. P. Korjakovcev // Pedagogičeskie i psihologičeskie problemy sovremennogo obrazovanija materialy nauchno-prakticheskoj konferencii «Chtenija Ushinskogo». JaGPU im. K. D. Ushinskogo; E. O. Ivanova (otv. red.), 2015. – S. 360–364.
6. Korjakovceva, O. A. Razvitie obshhestvenno-političeskoj aktivnosti molodezhi v uslovijah modernizacii obshhestva [Tekst] / O. A. Korjakovceva // Sredne-russkij vestnik obshhestvennyh nauk. – 2009. – № 2 (11). – S. 117–122.
7. Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Motivy poluchenija obrazovanija v Rossii v VIII – pervoj polovine XIX v. [Tekst] / M. V. Novikov, T. B. Perfilova // Voprosy teorii i metodiki professional'nogo obrazovanija. Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii «Chtenija Ushinskogo». Pod nauchnoj redakciej M. V. Novikova. – 2018. – S. 116–127.
8. Suhomlinskij, V. A. Izbrannye pedagogičeskie sočinenija [Tekst] / V. A. Suhomlinskij. – M. : Pedagogika, 1981. – 640 s.
9. Rubinshtejn S. L. Očerki. Vospominanija. Materialy [Tekst] / L. S. Rubinshtejn. – M. : Nauka, 1989. – 440 s.
10. Talanov, S. L., Kudashov, V. N. Osobennosti jekonomičeskoj socializacii studentov vuzov [Tekst] / S. L. Talanov, V. N. Kudashov // Alma mater (Vestnik vysshej shkoly). – 2016. – № 6. – S. 34–39.
11. Ushinskij, K. D. Pedagogičeskie sočinenija: V 6 t. T. 1/ Sost. S. F. Egorov. – M. : Pedagogika, 1990. – 416 s.
12. Shmakov, S. A. Tehnologija igrovogo obuchenija, igrovye tehnologii [Tekst] / S. A. Shmakov // Shkol'nye tehnologii. – 2009. – № 1. – S. 106.
13. Anderson A. The European project semester: A useful teaching method in engineering education project approaches to learning in engineering education. Journal of Engineering Education. 2012. P. 15–28.
14. Faghihi SA, Khankeh HR, Hossini SJ, Arabshahi SKS, Faghihi Z, Parikh SV, et al. Improving continuing medical education by enhancing interactivity: lessons from Iran. Journal of Advances in Medical Education & Professionalism. 2016. Volume 4(2). P. 54.
15. Klug J, Bruder S, Kelava A, Spiel C, Schmitz B. Diagnostic competence of teachers: A process model that accounts for diagnosing learning behavior tested by means of a case scenario. Teaching and Teacher Education. 2013. Volume 30. P. 38–46.
16. Yakovleva N.O., Yakovlevb E.V. Interactive teaching methods in contemporary higher education //Pacific Science Review. Volume 16, Issue 2, June 2014, Pages 75–80.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Батракова Людмила Георгиевна – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: batrakova_l@rambler.ru

Березин Дмитрий Тимофеевич – кандидат технических наук, доцент кафедры экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: dimitry_rus_rub@rambler.ru

Гордеев Валерий Александрович – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления, главный редактор сетевого журнала «Теоретическая экономика» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», эксперт по экономике и финансам Общественной палаты Ярославской области. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Колесов Роман Владимирович – кандидат экономических наук, доцент ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», филиал в г. Ярославле. E-mail: kolesov.rv@mail.ru

Коряковцева Ольга Алексеевна – доктор политических наук, директор института развития кадрового потенциала ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: youth1@mail.ru

Михайленок Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва. E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Наумов Иван Андреевич – студент ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», филиал в г. Ярославле. E-mail: naumov.iwan@yandex.ru.

Никовская Лариса Игоревна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор РАН-ХиГС. E-mail: nikovsky@inbox.ru

Плуженская Любовь Витальевна – кандидат педагогических наук, доцент, начальник патентно-информационного отдела ФГБОУ ВО «ЯГПУ им. К. Д. Ушинского». E-mail: l.pluzhenskaya@mail.ru

Чернов Денис Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной работы Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск. E-mail: chernov.de@mail.ru

Шкиотов Сергей Владимирович – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления, член редколлегии сетевого журнала «Теоретическая экономика» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет». E-mail: shkiotov@mail.ru

Щенина Ольга Геннадьевна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва. E-mail: oschenina@mail.ru

Юрченко Александр Викторович – кандидат военных наук, доцент ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», филиал в г. Ярославле. E-mail: Urchenko.A@yandex.ru

Якимец Владимир Николаевич – доктор социологических наук, главный научный сотрудник ИППИ РАН, профессор РАНХиГС. E-mail: iakimets@mail.ru.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Batrakova Ludmila Georgievna – doctor of economical sciences, professor of department of economical theory and management of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: batrakova_1@rambler.ru

Berezin Dmitrii Timofeevich – candidate of technical sciences, associate professor of department of economical theory and management of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: dimitry_rus_rub@rambler.ru

Chernov Denis Vladimirovich – candidate of historical sciences, associate professor, head of the department of social work of Novosibirsk state pedagogical University, Novosibirsk. E-mail: chernov.de@mail.ru

Gordeev Valeriy Aleksandrovich – doctor of economical sciences, professor of department of economics and management, editor-in-chief of the «Theoretical economy» network journal of the Yaroslavl state technical University, economics and finance expert of Public chamber of the Yaroslavl region. E-mail: vagordeev@rambler.ru.

Kolesov Roman Vladimirovich – candidate of economical sciences, associate professor FGBOU VO "Financial University under the government of the Russian Federation", branch in Yaroslavl. E-mail: kolesov.rv@mail.ru

Koryakovtseva Olga Alekseevna – doctor of political sciences, director of the further professional education institution of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: youth1@mail.ru

Mikhaylenok Oleg Mikhailovich – doctor of political sciences, professor, main researcher, head of the Department for research of social and political relation of Institute of sociology of the Federal center of theoretical and applied sociology of the Russian Academy of Sciences. E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Naumov Ivan Andreevich – student FGBOU VO "Financial University under the government of the Russian Federation", branch in Yaroslavl. E-mail: naumov.iwan@yandex.ru.

Nikovskaya Larisa Igorevna – doctor of social sciences, chief researcher at the Institute of sociology of the federal scientific and research center of sciences, professor of the Russian presidential academy of national economy and public administration. E-mail: nikovskiy@inbox.ru

Pluzenskaya Lubov Vitalievna – candidate of pedagogical sciences, associate professor, head of patent information department of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: l.pluzhenskaya@mail.ru

Shchenina Olga Gennadievna – candidate of political sciences, senior researcher of the department for research of social and political relations center for political science and political sociology institute of sociology of the federal center of theoretical and applied sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: oschenina@mail.ru

Shkiotov Sergey Vladimirovich – candidate of economical sciences, associate professor of the department of economics and management, member of the editorial board of the network journal "Theoretical economy" of the Yaroslavl state technical University. E-mail: shkiotov@mail.ru.

Yakimets Vladimir Nikolaevich – doctor of social sciences, chief researcher of IPPI RAN, professor of the Russian presidential academy of national economy and public administration. E-mail: yakimets@mail.ru.

Yurchenko Aleksandr Viktorovich – candidate of military sciences, associate professor, FGBOU VO "Financial University under the government of the Russian Federation", branch in Yaroslavl. E-mail: Urchenko.A@yandex.ru.

**УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ
«СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»
И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

Компьютерный набор рукописи статьи на русском или английском языках, предназначенной для публикации в научном журнале, должен строго соответствовать следующим требованиям.

1. Одна страница текста формата А4 должна содержать не более 1900 знаков с учетом пробелов;

2. Поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см; от края до колонтитула: верхнего – 2 см, нижнего – 2 см; абзацный отступ – 1,0; гарнитура Times New Roman; кегль 14; интервал 1,5.

3. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc.

4. Рукопись должна быть выполнена в соответствии со следующими критериями:

4.1. Индекс УДК.

4.2. Отрасль науки и шифр специальности, по которым написана статья (23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 08-00-05 – Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика), 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образование, 13.00.05 – Теория, методика и организация социально-культурной деятельности, 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования).

4.3. Сведения об авторе: Ф. И. О. автора (в том числе и в транслитерированном виде), контактный мобильный телефон, e-mail; ученая степень и звание, место работы (полное официальное название организации) и должность, адрес организации с индексом.

4.4. Название статьи на русском и английском языках.

4.5. Аннотация

– должна быть написана на русском и английском языках;

– должна содержать описание основных целей и задач исследования; в общих чертах, без углубления в детали, описывать ход проведения исследования;

– содержать описание наиболее значимых результатов исследования с указанием на их важность;

– в аннотации не должно быть ссылок на литературу и специальных аббревиатур; не должны повторяться сведения, содержащиеся в заглавии;

– в тексте аннотации следует употреблять значимые слова и словосочетания из основного текста статьи;

– текст должен соответствовать всем нормам и правилам соответствующего языка и не содержать стилистических, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок;

– объем каждой аннотации должен составлять от 210 до 250 слов.

4.6. Ключевые слова – не менее 7 и не более 12 (на русском и английском языках).

4.7. Идентификационный номер автора в ORCID.

4.8. Текст статьи.

4.9. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке)

Библиографические ссылки на использованные источники необходимо указывать в тексте заключенными в квадратные скобки (например, [1], или [1, с. 27], или [1, с. 27-48]), Библиографический список должен быть оформлен по ГОСТу Р 7.0.100-2018. «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» сплошной нумерацией, 14 кеглем, через 1,5 интервала и размещен после текста статьи. Каждый источник, указанный в списке литературы, дол-

жен иметь ссылку в тексте. Редакция будет отдавать приоритет статьям, соответствующим следующим условиям: количество ссылок должно содержать не менее 25 наименований, не менее 20 источников за последние 3 года. Ссылки на свои работы – 10 %. Ссылки на источники на иностранном языке – не менее 50 % приветствуется. Во всех источниках должны быть проставлены: страницы, год выпуска, город и издательство.

5. Примечания и постраничные сноски в статье не допускаются!

6. Таблицы, схемы, диаграммы, гистограммы должны быть оформлены в контрастной шкале серого цвета. Для рисунков используется gif-формат. Редакция не улучшает качества рисунков и не производит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Каждый рисунок, таблица, схема должны иметь порядковый номер, название и объяснение всех условных обозначений. Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. При обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице редакция оставляет за собой право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение. Под таблицами и рисунками необходимо указывать источник, из которого взят рисунок или таблица (например: автор, книга, журнал и т. д.).

7. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

8. Если статья написана на основе эксперимента, то ее необходимо оформить следующим образом:

- введение;
- обзор литературы;
- методы исследования;
- результаты и дискуссия;
- заключение;
- благодарности;

Рукопись, предназначенная для публикации, будет принята к рассмотрению ре-

дакцией только в случае получения по почте заполненного и подписанного лицензионного соглашения в двух экземплярах (форма размещена на сайте).

Объем статьи должен быть не менее 10 страниц и не превышать 20 страниц текста формата А4, набранного в соответствии с вышеупомянутыми требованиями.

Если присланные материалы не отвечают хотя бы одному из выше перечисленных требований, а также в том случае, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция не будет рассматривать статью к публикации.

Статья в журнал проходит рецензирование и получает рекомендацию двух членов редакционной коллегии и передается с рецензиями редактору журнала для включения статьи в номер журнала, содержание которого утверждается на редколлегии. Редакция оставляет за собой право отправлять рукописи статей на независимую экспертизу.

При наличии серьезных замечаний по статье в рецензии, статья будет отклонена и автору будет рекомендовано доработать статью в соответствии с замечаниями рецензента.

Авторский экземпляр журнала автор получает по почте согласно оформленной подписке. Оформить подписку можно от одного номера журнала в год.

Статья, одобренная и рекомендованная рецензентом журнала, может быть опубликована в течение года.

Аспиранту для публикации статьи без подписки на журнал необходимо предоставить редактору журнала:

- справку из отдела аспирантуры;
- выписку из решения кафедры или иного структурного подразделения о необходимости публикации статьи, заверенную организацией;
- отзыв научного руководителя на статью, заверенный его организацией.

**CONDITIONS OF PUBLICATION OF THE ARTICLE
IN THE SCIENTIFIC JOURNAL «SOCIO-POLITICAL RESEARCH»
AND REQUIREMENTS FOR MANUSCRIPTS**

1. The articles are sent to the editorial board in electronic and printed forms (1 copy).

2. Requirements for typography:

– 1 page of A4 format must contain no more than 1900 symbols including spaces;

– margins: upper – 2 cm, lower – 2 cm, left – 2,5 cm, right – 1,5 cm; from the edge to the catch letters: upper – 2 cm, lower – 2 cm; paragraph indent – 1,0;

– font type Times New Roman; type size 14; line spacing 1,5.

3. The electronic version of the article is written using word processor Microsoft Word and is saved in format.doc.

4. Requirements for the manuscript:

4.1. UDC index.

4.2. The field of science and the specialty code of the article.

4.3. Information about the author:

– surname, first name, patronymic name (if applicable);

– address with postcode;

– contact phone number;

– e-mail;

– scientific degree and status;

– job title;

– place of work (with legal address and postcode).

4.4 Title of the article, abstract, keywords in Russian and in English.

4.5. Summary of the article – minimum 210 words.

4.6. Keywords – 12.

4.7. The text of the article.

4.8. Bibliography (in alphabetical order).

5. Bibliography references to the sources used and commentaries must be given in the text in square brackets (for example, [1] or [1, p. 27]), the bibliography and commentaries must be done in accordance with the GOST 7.1-2003. «Bibliographic Record. Bibliographic Description. General Requirements and Rules» (example can be found at <http://vv.yspu.org/>).

6. Tables, schemes, diagrams must be black and white, without colour background, cross-hatching is acceptable.

Typography of Tables and Pictures:

– each picture must be numbered and have a caption. Captions must not be part of the picture;

– pictures must be grouped (i. e. they must not «fall apart» when moved or formatted);

– pictures and tables the size of which requires landscape layout must be avoided;

– captions and symbols on graphs and drawings must be clear and easy to read;

– the text of the article must contain references to the tables, pictures and graphs.

The editorial staff do not improve the quality of pictures and drawings, do not correct the mistakes made in them. Every picture, table or scheme must be numbered, have a title and explanation of all symbols. All columns in the table must be entitled. If there is a mistake in the picture, scheme or table, the editorial board has the right to delete the picture and the relevant text.

7. The following materials should be attached to the manuscript ready for publication:

– 2 copies of completed and signed author's contract.

– An envelope with stamps in order to send one copy of the contract back to the author.

8. The size of the article must not exceed ten A4 pages of the text typed according to the abovementioned requirements.

9. If the submitted materials do not meet at least one of the abovementioned requirements and in case the file contains a computer virus, the editorial board will not consider the article for publication.

10. The submitted article undergoes reviewing, gets recommendation of two members of the editorial board of «Social and political researches» and then is given to the editor to be included into the issue of the journal the content of which is approved by the editorial board.

The editorial board has the right to subject the article to an independent expertise.

Научный журнал

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

2019 – № 4 (5)

Главный редактор – М. В. Новиков

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Редактор К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Объем 20 п. л., 9,57 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 300. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 25.12.2019

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44